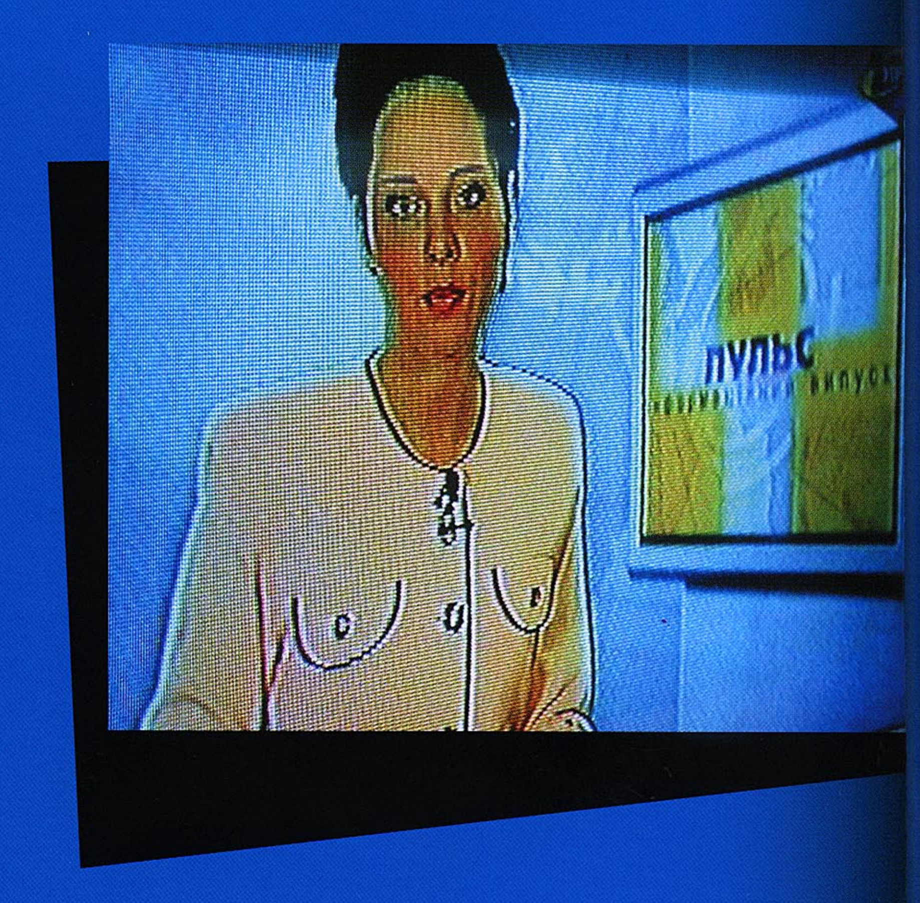

<9'2004>

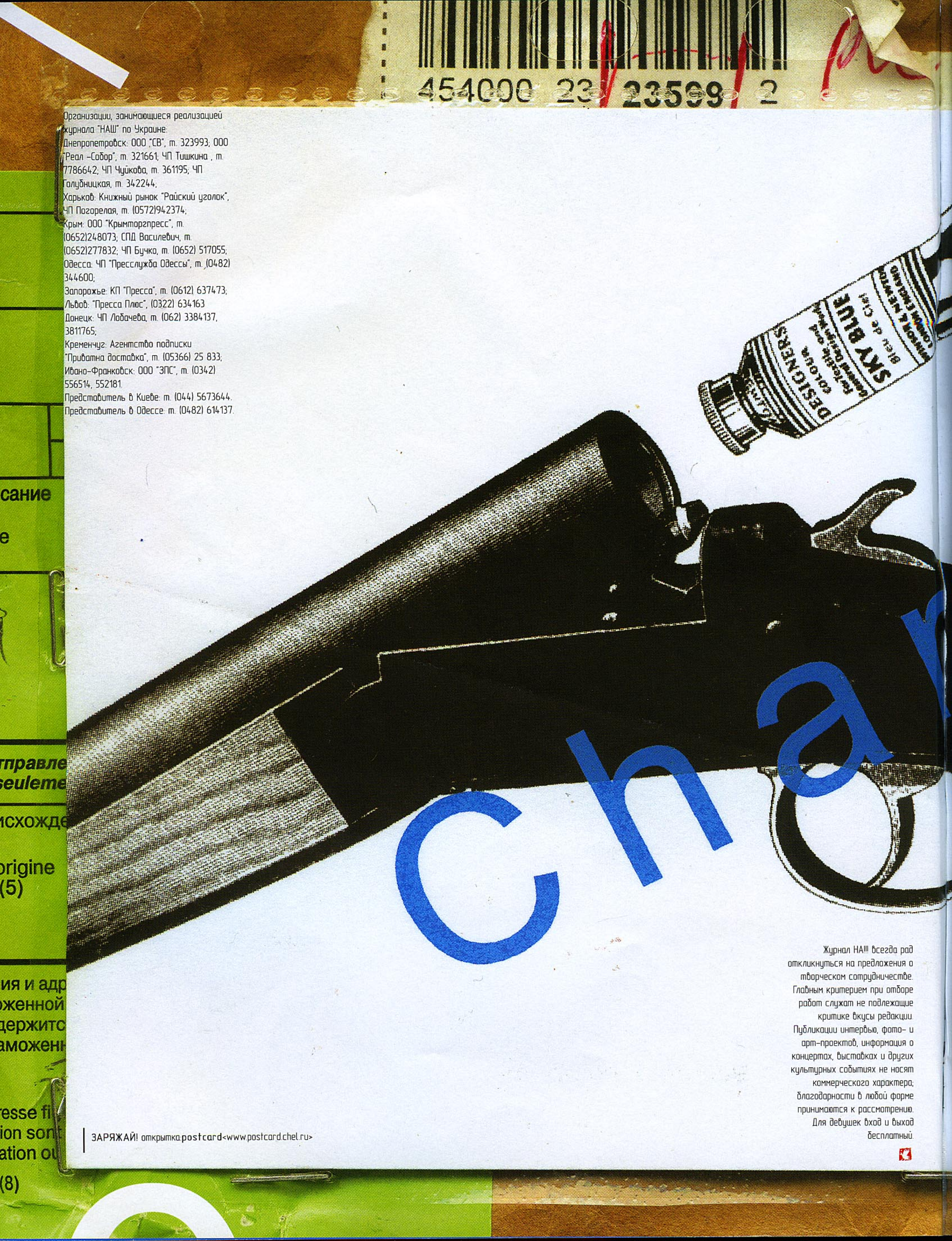
Информационно-развлекательный
журнал "НАШ"
#9(сентябрь)2004 года
Издатель и учредитель:
ООО независимая издательская
организация "Дива"
Адрес редакции и издателя:
49038 Днепропетровск,
пр-кт Карла Маркса, 98,
80562.32-25-80, 8056.370-42-68
Журнал отпечатан в типографии
"Украина":
Днепропетровск, ул.комиссара
Крылова,7а, 0562.347711
Главный редактор – А.В.Бухман
Тираж[25000]экз.
Цена договорная
Индекс подписки в УКРПОЧТЕ: 22927
Свидетельство о регистрации
кв#3605 от 24.12.1998

фото:Illya<illya@radio.org.ua>

фото:александр кадников<kodak67@mail.ru>

Организации, занимающиеся реализацией журнала "НАШ" по Украине:
Днепропетровск: ООО "СВ", т. 323993; ООО "Реал -Собор", т. 321661; ЧП Тишкина , т. 7786642; ЧП Чуйкова, т. 361195; ЧП Голубницкая, т. 342244;
Харьков: Книжный рынок "Райский уголок", ЧП Погорелая, т. (0572)942374;
Крым: ООО "Крымторгпресс", т. (0652)248073; СПД Василевич, т. (0652)277832; ЧП Бучко, т. (0652) 517055;
Одесса: ЧП "Пресслужба Одессы", т. (0482) 344600;
Запорожье: КП "Пресса", т. (0612) 637473;
Львов: "Пресса Плюс", (0322) 634163
Донецк: ЧП Лобачева, т. (062) 3384137, 3811765;
Кременчуг: Агентство подписки "Приватна доставка", т. (05366) 25 833;
Ивано-Франковск: ООО "ЗПС", т. (0342) 556514, 552181.
Представитель в Киеве: т. (044) 5673644.
Представитель в Одессе: т. (0482) 614137.

Журнал НА!!! всегда рад откликнуться на предложения о творческом сотрудничестве. Главным критерием при отборе работ служат не подлежащие критике вкусы редакции. Публикации интервью, фото- и арт-проектов, информация о концертах, выставках и других культурных событиях не носят коммерческого характера; благодарности в любой форме принимаются к рассмотрению. Для девушек вход и выход бесплатный.

*арт- и фотопроекты – Игорь Николаенко, арт-директор
art@nash.ru
T.(056)3704268

**тексты – Макс Шевцов, редактор
text@nash.ru
T.(056)3704268

***реклама – Виктория Никитина, коммерческий директор
money@nash.ru
T.(0562)322580

фото:александр кадников<kodak67@mail.ru>

h.com

RONTE

sarah

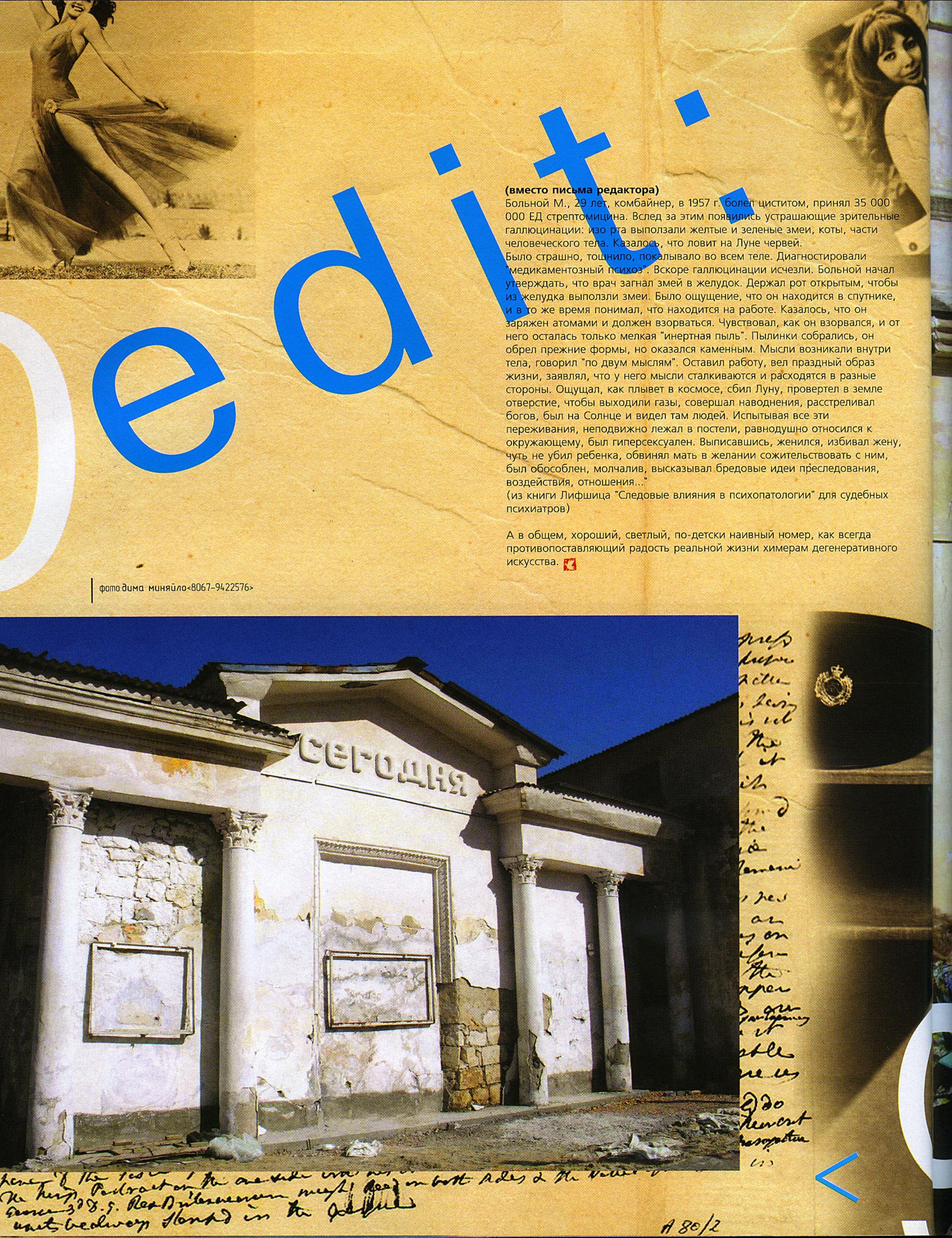
e "B" e "C"

Pe

il divin

Благодарим за помощь в подготовке номера 9'2004(в беспорядке): Егора Ковальчука, Юрия Базаренко, Диму Миняйло, Александра Мильштейна, Алексея Цветкова, Николая Троха, Адольфыча, Дмитрия Десятерика, АЛЮМИНИЕВЫЙ ОГУРЕЦ, Диму Прибытько, Брэка, Лилю, строителей крыши и тараканов, Женю Белентьева, Александра Кадникова, город Гурзуф, мальчика Илью, ТОТЕМ, ПОСТКАРД, художника Волязловского и жену его и детей и внуков его до семнадцатого колена, писателя Лимонова, дай Бог ему на старости ума и здоровья, жителей Крыма, наконец-то начавших уборку мусора, группу ХАМЕРМАН ЗНИЩУЕ ВИРУСЫ и Вову Пахолюка, ВИА ПЕСНЯРЫ, фестивали РЕЙВАХ и КАЗАНТИП, Заряна Безкоровайного та інших музик з "файного міста Тернопіль", анти-DJ'я Алекса-Москву и антишанти-VJ'я Катю Ефимову, Славика-Колбасу, доброго сторожа Крымской АЭС, Олега Доленко, Геннадия Чернегу, кандидатов в президенты всех стран, террористов и антитеррористов, звезду японского порно Вакану Ицуки, Андрея и Ксюшу с-под Фороса, президента Назарбаева за предоставленное место для палатки, долгожителей города Балаклавы, Эрика, Светку-клептоманку и многих других хороших людей.
Спасибо всем читателям журнала.

edit:

(вместо письма редактора)

Больной М., 29 лет, комбайнер, в 1957 г. болел циститом, принял 35 000 000 ЕД стрептомицина. Вслед за этим появились устрашающие зрительные галлюцинации: изо рта выползали желтые и зеленые змеи, коты, части человеческого тела. Казалось, что ловит на Луне червей.

Было страшно, тошнило, покалывало во всем теле. Диагностировали "медикаментозный психоз". Вскоре галлюцинации исчезли. Больной начал утверждать, что врач загнал змей в желудок. Держал рот открытым, чтобы из желудка выползли змеи. Было ощущение, что он находится в спутнике, и в то же время понимал, что находится на работе. Казалось, что он заряжен атомами и должен взорваться. Чувствовал, как он взорвался, и от него осталась только мелкая "инертная пыль". Пылинки собрались, он обрел прежние формы, но оказался каменным. Мысли возникали внутри тела, говорил "по двум мыслям". Оставил работу, вел праздный образ жизни, заявлял, что у него мысли сталкиваются и расходятся в разные стороны. Ощущал, как плывет в космосе, сбил Луну, провертел в земле отверстие, чтобы выходили газы, совершал наводнения, расстреливал богов, был на Солнце и видел там людей. Испытывая все эти переживания, неподвижно лежал в постели, равнодушно относился к окружающему, был гиперсексуален. Выписавшись, женился, избивал жену, чуть не убил ребенка, обвинял мать в желании сожительствовать с ним, был обособлен, молчалив, высказывал бредовые идеи преследования, воздействия, отношения..."

(из книги Лифшица "Следовые влияния в психопатологии" для судебных психиатров)

А в общем, хороший, светлый, по-детски наивный номер, как всегда противопоставляющий радость реальной жизни химерам дегенеративного искусства.

фото дима миняйло <8067-9422576>

фото:дима миняйло<8067-9422576>

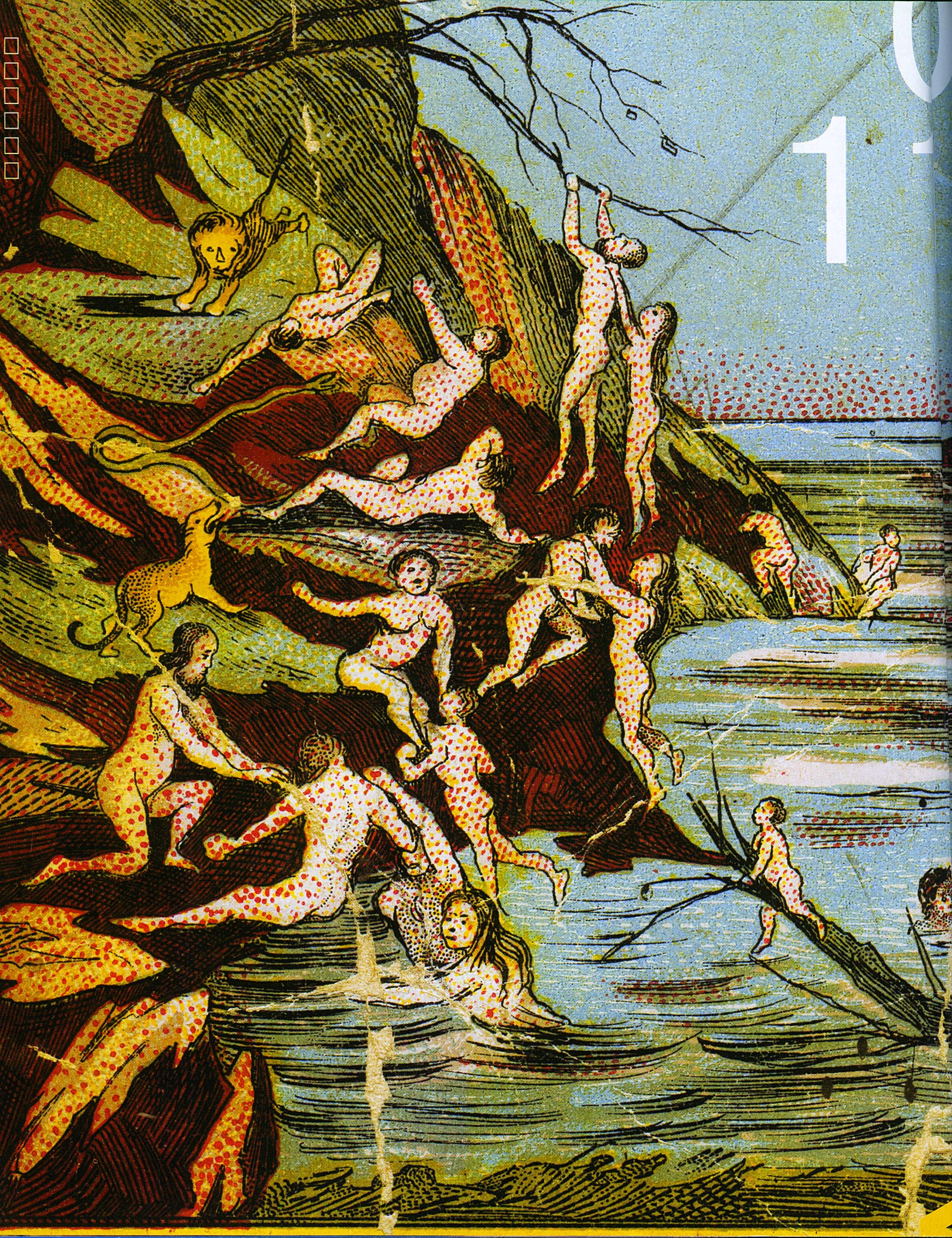

рисунок неизвестного автора (**потоп**)
фото человека, который для спасения другого может причинить ему и боль
<kodak67@mail.ru>

издатель и главный редактор антон бухман соиздатель геннадий корбан коммерческий директор виктория никитина редактор макс шевцов редактор владушка оладушка менеджер по распространению виктория заворотняя цветоделение и pre-press андрей давыдов сканирование и цветокоррекция сергей кошевой дизайнер вадим ганненко арт-директор-дизайнер-и-все-такое игорь николаенко

фото:олег доленко<8067-9422576>

BLACK LAGOON
PIT STOP NYMPHO
By Peter Kevin
Marijuana Girl
Gay Ritual
SUPER-SCIENCE FICTION
WORSE THAN MURDER
DAVID DUNCAN
LOST CITY of the DAMNED
HORIZONTAL SECRETARY
By AMY HARRIS
WARPED WOMEN
IT AIN'T HAY
DAVID DODGE
A DELL THRILLER
NAKED ON ROLLER-SKATES
ANYBODY'S GIRL
By MARCH HASTINGS
I PREFER GIRLS
Jessie Dumont
GO, MAN, GO!
RUBBER DOLLY
ATTACK OF THE CRAB MONSTERS
BEYOND DESIRE
BLUE DEMON Y LAS SEDUCTORAS
M·G·M PRESENTS
FORBIDDEN PLANET
AMAZING!
TAKE ME
Richard GARLAND Pamela DUNCAN Russell JOHNSON
WILLIAM IRISH
A cheap and evil girl sets a hopped-up killer against a city.
MARIHUANA
21 GAY STREET
By SHELDON LORD
MATADOR OF SHAME
MUSCLE BOY
BUD CLIFTON
ESP ORGY
SATAN WAS A LESBIAN
BY FRED HALEY
Adults Only
An adult novel that reveals both the ecstasy and the agony of those girls whose sex-ways are branded "abnormal"
THE ABNORMAL ONES
HERBERT O PRUETT
PRISONER of EVIL
BY DON KING
GREENWICH VILLAGE, WHERE ANGELS AND ADDICTS, LOVERS AND LESBIANS,
GAY BAR SLUT
MAN HATER
S&M Office Girls
LSD ORGY
BUTCH
ABNORMALS ANONYMOUS
75¢
PLUG-IN PASSION
Marijuana Girl
LAS VEGAS LESBIAN
PAGAN LESBIAN
AMAZON
TEENAGERS

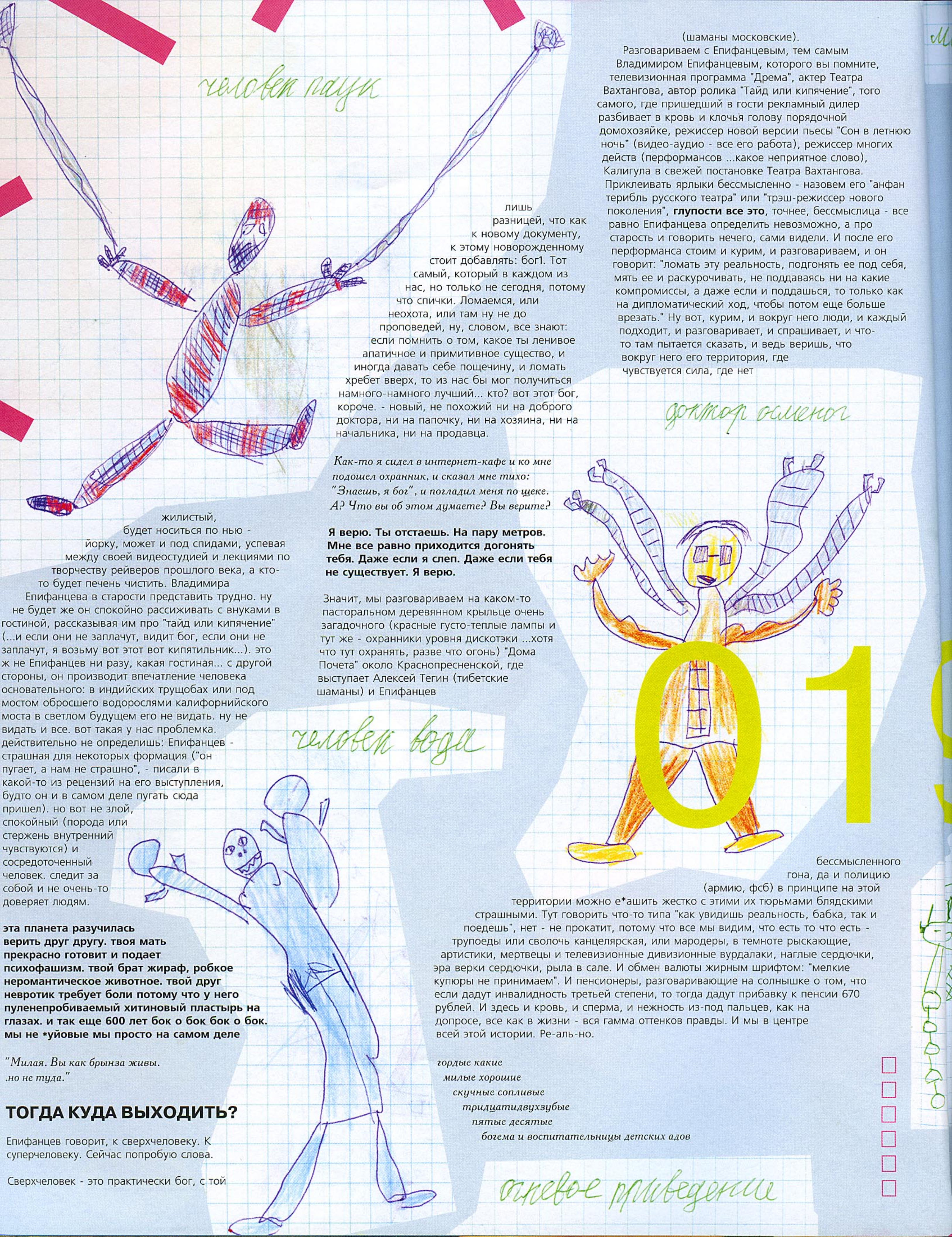

THE GODS HATE KANSAS
Joseph Millard
HIPPIE PAPERS
GIANT ROBOT
all the gay girls
SPACE-AGE Amazons
THE FLYING EYES
SECOND MONSTER ISSUE
SUPER-SCIENCE FICTION
LESBIAN JUNGLE
BEHIND THE FLYING SAUCERS
Frank Scully
THE BLACK GESTAPO
THE GHETTO ARMY THAT BLITZED THE SYNDICATE!
THE TOWERING TERROR FROM HELL!
WAR OF THE COLOSSAL BEAST
SALLY FRASER · ROGER PACE · DEAN PARKIN
AN AMERICAN-INTERNATIONAL PICTURE
IT CONQUERED THE WORLD
PETER GRAVES · BEVERLY GARLAND · LEE VAN CLEEF
IN DRAG
LAST LICKS
ATTACK OF THE 50 FT. WOMAN
INVASION OF THE SAUCER-MEN
ABNORMALS ANONYMOUS
75¢
Never had so desperate a group of human beings banded together
ABNORMALS ANONYMOUS
by STELLA GRAY
VENUS
RALPH M. FARLEY
the HAPLOIDS
ONE WOMAN LEADS A WAR BETWEEN THE SEXES
особое спасибо нодру <nobr@dnepr.net>
EIGHTBALL
JACK WILLIAMSON
THE GREEN GIRL
COMPLETE AND UNABRIDGED
DYKES ON
0
PLANET OF THE DREAMERS
Passions and Debauchery Explode in History's Most Wicked City
The Last Days of SODOM and GOMORRAH
PAUL ILTON
A SIGNET BOOK
SUPER-SCIENCE FICTION
THIRD MONSTER ISSUE!
I MARRIED A DEAD MAN
William Irish
SIN IN SPACE
by Cyril Judd
RAYMOND CHANDLER
A HORROR HORDE OF CRAWL-AND-CRUSH GIANTS CLAWING OUT OF THE EARTH FROM MILE-DEEP CATACOMBS!
THEM!
THE AMAZING NEW WARNER BROS. SENSATION!
NAKED AND THE DEAD
THIS ISLAND, EAR
TWO MORTALS TRAPPED IN OUTER SPACE... CHALLENGING THE UNEARTHLY FURIES OF AN OUTLAW PLANET GONE MAD!
TECHNICOLOR
A GREAT SCIENCE-FICTION NOVEL ABOUT
GIRL WRESTLERS
AMAZONS OF THE MAT IN THRILLING ACTION
TWO BOOKS IN ONE 35¢
JUNKIE
Confessions of an Unredeemed Drug Addict
WILLIAM LEE
ASSAULT!

Ø16
"Мнимость
Мимолетна была
Но больнила рано
Дети
Раздирали свои болячки
Таинственные словно
Засохшая пыльная халва
Что-то было во рту. Слова
И любая музыка
раздавались из ресторана."
теорема

русский бэтмен

попытаемся представить, какими мы будем в старости. одни говорят, что в праге будут отсиживаться, вспоминать там кое-что и кефир пить. прямо так и видят, и могут даже рассказать в подробностях, как из дома в какой-то там садик, где подстригает ветки наш добрый старый пень, доносится родимый голос : "дед, иди кефир пить!" и птички чирикают. знакомая, у которой уже полгода не было никакого секса и за компьютером все время и работает, так вот она говорит, что откроет бордель для женщин, к тому все и идет. ну еще там разные есть варианты - кто худой и

(шаманы московские).

Разговариваем с Епифанцевым, тем самым Владимиром Епифанцевым, которого вы помните, телевизионная программа "Дрема", актер Театра Вахтангова, автор ролика "Тайд или кипячение", того самого, где пришедший в гости рекламный дилер разбивает в кровь и клочья голову порядочной домохозяйке, режиссер новой версии пьесы "Сон в летнюю ночь" (видео-аудио - все его работа), режиссер многих действ (перформансов ...какое неприятное слово), Калигула в свежей постановке Театра Вахтангова. Приклеивать ярлыки бессмысленно - назовем его "анфан терибль русского театра" или "трэш-режиссер нового поколения", **глупости все это**, точнее, бессмыслица - все равно Епифанцева определить невозможно, а про старость и говорить нечего, сами видели. И после его перформанса стоим и курим, и разговариваем, и он говорит: "ломать эту реальность, подгонять ее под себя, мять ее и раскурочивать, не поддаваясь ни на какие компромиссы, а даже если и поддашься, то только как на дипломатический ход, чтобы потом еще больше врезать." Ну вот, курим, и вокруг него люди, и каждый подходит, и разговаривает, и спрашивает, и что-то там пытается сказать, и ведь веришь, что вокруг него его территория, где чувствуется сила, где нет бессмысленного гона, да и полицию (армию, фсб) в принципе на этой территории можно е*ашить жестко с этими их тюрьмами блядскими страшными. Тут говорить что-то типа "как увидишь реальность, бабка, так и поедешь", нет - не прокатит, потому что все мы видим, что есть то что есть - трупоеды или сволочь канцелярская, или мародеры, в темноте рыскающие, артистики, мертвецы и телевизионные дивизионные вурдалаки, наглые сердючки, эра верки сердючки, рыла в сале. И обмен валюты жирным шрифтом: "мелкие купюры не принимаем". И пенсионеры, разговаривающие на солнышке о том, что если дадут инвалидность третьей степени, то тогда дадут прибавку к пенсии 670 рублей. И здесь и кровь, и сперма, и нежность из-под пальцев, как на допросе, все как в жизни - вся гамма оттенков правды. И мы в центре всей этой истории. Ре-аль-но.

гордые какие
милые хорошие
скучные сопливые
тридцатидвухзубые
пятые десятые
богема и воспитательницы детских адов

жилистый, будет носиться по нью - йорку, может и под спидами, успевая между своей видеостудией и лекциями по творчеству рейверов прошлого века, а кто-то будет печень чистить. Владимира Епифанцева в старости представить трудно. ну не будет же он спокойно рассиживать с внуками в гостиной, рассказывая им про "тайд или кипячение" (...и если они не заплачут, видит бог, если они не заплачут, я возьму вот этот кипятильник...). это ж не Епифанцев ни разу, какая гостиная... с другой стороны, он производит впечатление человека основательного: в индийских трущобах или под мостом обросшего водорослями калифорнийского моста в светлом будущем его не видать. ну не видать и все. вот такая у нас проблемка. действительно не определишь: Епифанцев - страшная для некоторых формация ("он пугает, а нам не страшно", - писали в какой-то из рецензий на его выступления, будто он и в самом деле пугать сюда пришел). но вот не злой, спокойный (порода или стержень внутренний чувствуются) и сосредоточенный человек. следит за собой и не очень-то доверяет людям.

эта планета разучилась верить друг другу. твоя мать прекрасно готовит и подает психофашизм. твой брат жираф, робкое неромантическое животное. твой друг невротик требует боли потому что у него пуленепробиваемый хитиновый пластырь на глазах. и так еще 600 лет бок о бок бок о бок. мы не *уйовые мы просто на самом деле

"Милая. Вы как брынза живы. .но не туда."

ТОГДА КУДА ВЫХОДИТЬ?

Епифанцев говорит, к сверхчеловеку. К суперчеловеку. Сейчас попробую слова.

Сверхчеловек - это практически бог, с той лишь разницей, что как к новому документу, к этому новорожденному стоит добавлять: бог1. Тот самый, который в каждом из нас, но только не сегодня, потому что спички. Ломаемся, или неохота, или там ну не до проповедей, ну, словом, все знают: если помнить о том, какое ты ленивое апатичное и примитивное существо, и иногда давать себе пощечину, и ломать хребет вверх, то из нас бы мог получиться намного-намного лучший... кто? вот этот бог, короче. - новый, не похожий ни на доброго доктора, ни на папочку, ни на хозяина, ни на начальника, ни на продавца.

Как-то я сидел в интернет-кафе и ко мне подошел охранник, и сказал мне тихо: "Знаешь, я бог", и погладил меня по щеке. А? Что вы об этом думаете? Вы верите?

Я верю. Ты отстаешь. На пару метров. Мне все равно приходится догонять тебя. Даже если я слеп. Даже если тебя не существует. Я верю.

Значит, мы разговариваем на каком-то пасторальном деревянном крыльце очень загадочного (красные густо-теплые лампы и тут же - охранники уровня дискотэки ...хотя что тут охранять, разве что огонь) "Дома Почета" около Краснопресненской, где выступает Алексей Тегин (тибетские шаманы) и Епифанцев

монстр с лезвиями. 12

(Неправомерность! Насилие! Ненависть секретных колец...)

Епифанцев говорит: "я нежность свою изжить пока не изжил, вот когда перестану бороться и закончу, прерву любой диалог, а нежность в себе эту по каплям выдавлю - вот тогда перестану быть учеником и стану мастером..." Как жаль. Или как знать.

Только это так, в скобках. Не практикует он никаких восточных практик, и нет там китайских книг перемен и дао, и всего этого нью-эйджевого гона - он человек, который верит в себя сильного, верит, что через телевизионный бак кошмара он и пройдет его и победит. А потом станет спокойный-спокойный, и человеческие критерии "добро и зло" перестанут его волновать, многорукий шива или единый святый во всех лицах - главное, что разрушая и созидая, в процессе, в движении. Круговорот пересекающихся линий. Так что **неправомерность событий последовательна**.

Что-то невесело получается. Но в этом разговоре он как-то очень громко помнит, что время уходит, и повеселиться не в этот раз, а хотел сказать о том, что волнует. Он как-то вот все-таки верит, что если не сверхчеловек, то хотя бы бэтмен может из людей получиться. Все мы немножко бэтмены.

Вот бэтмен бренер одел боксерские перчатки и вышел на Красную Площадь, вызвал Ельцина на поединок.
Бренер у нас один такой, он и в Министерство обороны врывался, чтобы военному министру всучить домашние шлепанцы.
Вот бэтмены base-jumper-ы карабкаются на высотки небоскребов, чтобы нелегально, без всяких охран и правил сделать то, что им нравится и что запрещено.
Вот бэтмен пластикмен сутками шаманит над толпами, то расслабляя, то встряхивая, подъе*ывая и провоцируя, и они уходят, запомнив: не расслабляйтесь, смейтесь злее и веселее.
Вот бэтмен латышская сборная по футболу сжимает кулаки и зубы или просто хочет - и выигрывают, и все о*уевают, верят: могут.
Вот бэтмены прошли конопляным маршем протеста по московским бульварам и были арестованы за антисоциальное поведение, и бэтмен даша двадцати пяти лет перед камерами и с ментами за спиной говорит все то, что мы говорим на кухне, забивая, или уже не говорим, а она как-то вот не боится.
Вот бэтмен анастасия делает по городу граффити "sick system" с кроликами с крыльями, держащими гордо герб этого любого города трусливых кроликов.
Вот бэтмен марта на рейве гонит свою телегу, миксуя аудио с видео, залинковывает детские кошмары и будущие мечты: чтобы в себя люди посмотрели и вовне.
Вот бэтмен костя бл*дь идиот верит в то, что люди все равно о*уенные существа, и улыбается исподтишка и помогает им все равно:

д. - слушай, у меня проблема, меня приняли менты
к. - за что?
д. - за скорость
к. - и сколько грозит?
д. - около трех лет, если не откуплюсь
к. - ну, можно как-то отмазаться?
д. - да, нужно пятьсот долларов
к. - пятьсот долларов? да они с ума сошли!
д. - это еще нормально. хотели больше.
к. - и что, больше негде взять? ты же знаешь, мне нужна камера сейчас срочно.
д. - есть где. но я пришел к тебе.
к. - б*ядь, надо же, вечно мы влипаем.
к. - бл*дь.
пауза
к. - возьми.

Ножей на всех хватит! – орал мягкий кок провожающим, стекла их очков совсем запотели.

Вот бэтмен Епифанцев, наконец, который в своем ритуале (перформансе) кричит и рычит от кошмара реальности и его же убивает садистически великою кровью, и от этого еще больше кричит, но и плачет тоже. Плачет голосом девушки в пышном красном платье, и на фоне свастик делает в блендере кроваво-красные молочные коктейли - потому что у него руки в крови и в нежности. Или бэтмен Епифанцев играет Калигулу - его новая роль в театре Вахтангова, - и предлагает в нем своего Иисуса Христа, мессию, который пришел освобождать. Только на этот раз смертью. Его Калигула убивает из жалости и любви, раз и навсегда осознав, что смертью все не заканчивается. Он все время ищет этого спасения для других и этого мессию в себе, и это круто.
Словом, Prodigy foreva, как пишут в переходах.

Вот есть поэты божьей милостью, которые подошвами чувствуют хаос и вращение вселенной и смерть. Они ухх! все чувствуют. Они - плакальщики. Так вот, у Епифанцева они не плакальщики. Они освободители и умертвители-разрушители. У него и Христос - в мышцах и не добренький вовсе. Вот из разговора, цитирую (что ж ты, чортова кукла, растерялась, давай же самого Епифанцева печатай):

- Христос - символ бунтарского духа, провокатор и бунтарь, хоть ему приходилось пользоваться ну... популистскими методами, чтобы не оттолкнуть обывателей. Но сам по себе, я уверен, он был очень жестким человеком, намного жестче всех тех, кто рядом с ним существовал. Он же очень хорошо представлял себе максимум. Что вообще может быть и что есть пока. Из-за лени, из-за неверия. Наверняка, рубил с плеча. Я вообще хочу сыграть Христа мощным, сильным, грубым человеком. Он был бы ...скажем, качком, с сильным телом, ходил бы по сцене молча, только редко вставлял бы весомые реплики. "Их много, а я один". Такой.

Епифанцев, кстати, выглядит спортсменом. Прямо культурист ...качок, в мышцах и мясе. Килограмма жира нету. Так, грамм триста. По утрам (мы живем в соседних домах) он бегает трусцой, тренирует сердце. Он тренирует руки, он тренирует ноги, тренирует эту долбаную печень и даже как-то неудобно об этом говорить после всего, что я употребила за эти выходные, и одышка, бл*дь, волосы выпадают, ладно, проехали. Епифанцев вот красавец. Молодец. Спортсмен. Возьмем его с собой к звездам. Будем снимать. Адоб Фотошоп даже боги юзают. А он тем более не фотошопом, а премьером увлекается. Сам монтирует, и сам снимает. Фильм его новый еще в

доктор скорпеон

пяточный джедай

бой монстров самураев.

21

процессе, но об этом потом, отдельно и не так серьезно. Он серьезно относится, в первую очередь, к себе, к своему здоровью. К телу. К еде. Вот говорит, на гастролях заработает денег и купит шмоток и жратвы вкусной. Это в удовольствие. Это потребность. Это реальность. Особенно, если ты в детстве недоедал (по себе знаю). Особенно, если ты в детдоме в детстве пожил два года. Когда маленький кусок гематогена был единственным вкусным светлым, а за плитку ты был бог и царь. Кровь наша бычья.

- Я много внимания, времени и сил уделяю своему здоровью и телу. Античная культура с ее пониманием красоты тела мне в этом смысле ближе: внимание к внешней стороне, которая всегда связана с внутренним миром, преодоление себя в бегстве от обыденного, когда природа тянет к слабости и неразвитости, к лени и отдыху, а воля преодолевает эту лень и заставляет себя работать, воспитывать себя, тренировать мышцы, гибкость, преодолевать желе зеленое, несовершенство. В принципе, мышечная масса нужна человеку только для того, чтобы поднести ложку ко рту и пройти несколько шагов до сортира. Но олимпийские стандарты требовали совсем другого. Почему? Потому что человеку интересно бороться со своей слабой природой, искать не-человеческого, сверх-земного, это стремление к победе над собою самим и собственной слабостью. Это сейчас человечество обленилось, а раньше каждый стоял перед этим выбором и даже необходимостью превращать человеческое в не-человеческое. Поэтому в данном случае Иисус Христос (если мы о нем говорим, хотя я не так на нем сконцентрирован, как кажется из твоего интервью) как воплощение не-человеческого духа должен демонстрировать именно эту силу, именно это само-преодоление. В театре, на сцене, нужно исследовать и использовать любую возможность метафоры. Использовать внешний вид как метафору вовсе не стыдно. Я, например, когда смотрю на свои съемки или свои выступления, всегда обращаю внимание на то, как я выгляжу.

Тут в "Огоньке" написали (внимание, метафора), что у мужчин, поработавших на телевидении, вырабатывается женский ген, отвечающий за долгое втыкание у зеркала, рассматривание себя с разных ракурсов и само-фотографирование с целью устранения дефектов. А вот нет. Сейчас все за собой следят, согласно цэу президента. У меня тоже подтягивающий гель на полочке стоит, и я им тоже мажусь, хотя тут такая вот смелая, и матом, и даже типа гоню что-то важное.

черная смерть

17

Его выступления становятся все более и более хаотичными. Если бы была возможность, и он сам бы ставил Калигулу, в спектакле не было бы никакого текста, только видео, звуки, шорохи, ощущения, свет, температура - все что угодно, чтобы было состояние не-отсюда. Сюрреальное, как говорит Епифанцев. Скорее всего, он тоже пытается найти достойную форму, чтобы описать сворачивающееся вовнутрь время. Красное. Ощущение воздуха. Ощущение силы - то, что накрывает вас на пути к сверхчеловеку: **я знаю, что это за скорость, – подумал Стэн, упал, разбит кадык, я внимательно смотрю на твой череп.**

Максим козёл

Душевая. Бога нет. НЕ ПРОДАВАЙСЯ! Вали их всех.

- цитирую: Я точно знаю, что путь спасения и выхода заключен совсем не в смирении и терпении, и не в пох*изме, для меня это дико, чудовищно и непонятно. Для меня важен путь борьбы, сопротивления, битвы. "Боги любят звон мечей", - правда. Поэтому все происходящее - со мной ли, в окружающей действительности ли - я воспринимаю как вызов, как предлог для дальнейшего движения вперед, как катастрофу, которая обозначает еще один уровень приключения, я никогда не воспринимаю черное как черное, а белое как белое - потому что любое обстоятельство может обернуться своей противоположностью, и глупо было бы воспринимать то, что с тобой происходит, как нечто однозначное. Интересен этот момент полярности и смещения полюсов, это баланс - воспринимая любовь, получай и ненависть, потому что так ты и сохраняешь равновесие.

В его глазах такая радость
В его глазах такая радость
В его глазах такая радость
Такая жуть такая тьма
Откуда это состоянье?
Откуда это состоянье?
Откуда это состоянье?!!
Жизнь. Патология. Зима.

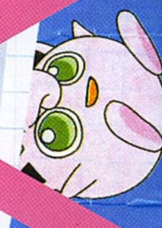
рисунки илья

Нас так много, потому что ни один из нас не прав.

Прекратите расслабляться. Наслаждайтесь. **Еще немного, и я думаю, что мы немного там.**

антианти

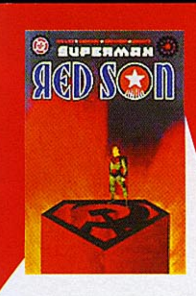

В тексте использованы отрывки текстов А.Витухновской, А.Зубаржука, А.Бренера.

Кадры из того самого знаменитого ролика "ТАЙД, или кипятильник в жопу", где Владимир Епифанцев предстает во всей своей красе.

У Супермена появился достойный двойник: для любителей альтернативной истории в Англии и США вышел комикс "Красный сын", разрабатывающий версию появления Суперпарня не в Америке на закате Великой депрессии, а там, где он действительно был нужен – в первой в мире стране, строящей социализм. Т.е. в СССР, если кто ещё помнит. Написал книгу Марк Миллар, выросший в рабочей семье с очень левыми убеждениями. В возрасте 6 лет в 300-м выпуске "Супермена" он увидел картинку, где к капсуле с героем устремляются сразу и американцы, и русские, и сильно призадумался. Да так сильно, что став уже большим и умным мальчиком, насочинял целую толстую книжку историй на эту тему. Начало стандартное: корабль с планеты Криптон приземляется на Землю, но не в Канзасе, а на Украине – и пошло-поехало. Можно только догадываться, каких котлет Красный сын наделал из врагов народа и за сколько дней выполнял пятилетний план.

параллельная

АКЦИЯ

(ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ)

При оформлении материала фотографии Бориса Михайлова не использовались.

от редакции *(типа справка)*

Борис Михайлов (род. в Харькове в 1938 г.), самый влиятельный и знаменитый на Западе фотограф из стран бывшего Советского Союза. Свои первые снимки Борис Михайлов сделал в 1965 г., но на протяжении 70-80-х гг. ни одна из его работ на территории СССР не выставлялась. При этом еще тогда фотограф завоевал признание и авторитет Мастера в среде поклонников "неофициального искусства", где его работы, "документировавшие" реалии советской жизни, зачастую воспринимались в контексте школы московского концептуализма (Кабаков, Пивоваров, Булатов). В 1991-м проходит первая крупная выставка Бориса Михайлова - в Хассельблад-центре, Гётеборг, Швеция, - с которой начинается международная слава художника: его работы попадают в собрания

ПРОГУЛКИ С ФОТОГРАФОМ

ведущих музеев Европы и США, а их автор начинает получать престижнейшие фотопремии. На фоне других фотосерий Бориса Михайлова выделяется цикл "Case History", опубликованный в Швейцарии в 1999 г. Во-первых, в творчество Михайлова приходит яркий цвет - в предисловии к книге он говорит, что именно дешевый цвет из экспресс-фотолаборатории адекватно отражает современность. Во-вторых, Михайлов, прежде выступавший скорее в качестве отстраненного и бесстрастного хроникера, идет на прямой контакт со снимаемыми им людьми - в данном случае, харьковскими бомжами, - предлагая им за небольшую плату позировать для своих фотографий. "Михайлов, как и любой другой западный художник, претендующий на актуальность своей работы, тонко чувствует ложность любых претензий на позитивное высказывание. Его тошнит от любой красивой картинки, не важно какой идеологией она вызвана к жизни... Как при этом Михайлову удается почти в каждом кадре достигать катарсиса, такого состояния бытия, которое выходит за узкие банальные границы показываемого, остается полной загадкой. Шокирующая брутальность его съемки не является самоцелью проекта, равно как и пробуждение социальной совести зрителя... Эти обреченные люди, выброшенные обществом, нужны прежде всего ему самому как художнику, чтобы еще раз прикоснуться к своему экзистенциальному ужасу перед жизнью в обреченной попытке преодолеть его. И именно эта чисто личная вовлеченность позволяет книге подниматься до высот настоящей трагедии" (Д. Виленский, журнал "Максимка", №4, 2000г.).
С 1997 года Борис Михайлов живет в Берлине.

Текст *(собственно)*
Мы ехали в одном купе, фотограф с женой, я и Т. Фотограф был в белой рубашке, расстёгнутой до пояса, в поезде было душно, я побаивался, как у него будет с сердцем. Пока что всё было вроде бы ничего, дышал он часто, но говорил, что всё в порядке. Он достал из кармана маленький серебристый фотоаппарат, кажется, это была "лейка", раньше я видел у него только большие камеры, и эта выглядела какой-то детской, или шпионской. Особенно, когда фотограф перешёл в тамбур и высунул руку с этой штукой в открытое окно. Что он там снимает? - подумал я. За окном была ночь, мелькали только какие-то огоньки в степи, и больше ничего не было, казалось, фотограф ловит эти огоньки в железную коробочку, как каких-нибудь светящихся мошек... Я не думаю, что он потом пытался проявлять эти кадры, хотя кто его знает... Потом он вернулся в купе, и мы говорили о колдунах, фотограф то есть вспомнил, как в одной из поездок его соседом по купе оказался человек, говоривший о себе, что он официально признанный колдун и может предсказывать будущее. Фотограф потребовал доказательств. Колдун должен был выходить на следующей станции. "Очень скоро вы испугаетесь", - сказал он, засим попрощавшись и покинув поезд. Через некоторое время фотограф встал и зачем-то прошёл в соседнее купе. Почти весь вагон был пуст, фотограф машинально зашёл в какое-то купе, все полки там тоже были пустыми, но вдруг навстречу прямо из чёрного окна шагнул человек... Испуг быстро прошёл, фотограф понял, что это было всего-навсего его отражение, но предсказание, по его мнению, таким образом сбылось, и значит, это был настоящий колдун.
Я сказал, что на самом деле этот "колдун" просто настроил фотографа соответствующим образом, так, что тот в буквальном смысле стал пугаться собственной тени. Таким образом, это было вовсе не предсказание будущего, а лёгкое программирование... Так, по ходу дела... Но фотограф категорически стал отрицать возможность того, что на него кто-то может влиять. Гораздо легче ему было допустить возможность предсказания будущего.
Я не стал с ним спорить. Я вспомнил, что в послесловии к альбому "Case History" Илья Кабаков писал о том, как фотограф, заметив каким-то образом, что у женщины, стоявшей на платформе железнодорожной станции, под юбкой нет трусов, подождал, и в момент, когда ветер задрал ей юбку, нажал на кнопку.
"Кто же наслал этот ветер? Фотограф? - спрашивает Кабаков и сам отвечает, - нет, я не думаю, что фотограф является демиургом".(...)
[Это] было явно избыточным предположением, согласитесь, только из-за того, что порыв ветра в нужный момент задрал женщине юбку, делать такие выводы... Это уже больше говорит о самом Кабакове...
К тому же сам Кабаков перед этим пишет, что фотограф проторчал на этой платформе в ожидании ветра чуть ли не два часа. Такой вот гипер-вуайеризм...
Как-то всё это не увязывается, и я бы давно это забыл, если бы не подумал о кабаковском подозрении в Коктебеле, когда фотограф решил вдруг посадить на террасе Виту и Таню визави, чтобы они друг на друга смотрели, облокотившись на столик... Он уже тысячу раз фотографировал этот столик, обрыв, бухту, Таню, и, наверно, сотню тысяч раз - Виту... В чём смысл ещё одного кадра? - думал я. Сам фотограф тоже сел за столик и взял наизготовку свой фотоаппарат, о чём-то он думал, чего-то ждал, кажется, ему тоже чего-то не хватало... Фотоаппарат, может быть, называется "Горизонт", во всяком случае объектив ездит по кругу на микрорельсах, то есть по участку окружности, и снимки получаются панорамными. Если быстро отойти от того места, где тебя застал щелчок такого фотоаппарата, на три метра, на снимке ты получишься в двух экземплярах и в двух местах одновременно... Когда фотограф поднёс к лицу фотоаппарат, в этот самый миг над столом появилась чайка. Я не заметил, спланировала ли она сверху, или вынырнула снизу, из обрыва, она зависла в воздухе, строго посередине между Таней и Витой. Расстояние от объектива до чайки было не больше метра. Она замерла в воздухе в этой точке с распростёртыми крыльями, заглядывая в объектив.
Я видел потом этот снимок, он вошёл в серию. Объектив на ползунке так растянул пространство, что чайка получилась несравнимо дальше, чем была на самом деле. Объектив отбросил её далеко в море, пришпилил к горизонту, который он в свою очередь выгнул в дугу... Я не хочу сказать, что снимок не удался, да я в этом ничего и не понимаю... То есть мне как раз нравятся фокусы такой фокусировки, когда на снимках фотографа появляются "эшеровские" балконы, пространство волнуется, как море, трамвайные рельсы плавно переходят в провода, или сам трамвай, поглощающий толпу людей на остановке, становится резиновым в прямом, а не в переносном смысле, расширяется к середине, как удав, поглощающий кролика... Просто в этом случае (чайка между двумя женскими профилями получилась такая маленькая, что её можно было не заметить) снимок позволяет согласиться с Ильёй Кабаковым: фотограф - не демиург. Если бы это он вызвал в нужный момент чайку в центр композиции, он приготовился бы снимать другой, нормальной камерой с неподвижным объективом, и вот тогда бы чайка была сейчас прямо перед тобой...
Да, меня эта сцена удивила (при том, что я понимал, что чаек, как и ворон, наверное, привлекают блестящие предметы, поэтому она и заглянула в объектив, но, во-первых, в отличие от ворон, про чаек я этого не знал наверняка, с воронами-то у меня был определённый опыт, ворон одного моего знакомого художника не раз уносил и прятал мои ключи, пока мы пили портвейн с его хозяином... Во-вторых, чайка появилась и зависла настолько картинно... Прямо над столом, перед объективом, между двумя женскими головками, как-то на самом деле странно, казалось, что фотограф знал о её прилёте заранее), Вита Михайлова, видя это удивление на моём лице, сказала, что у фотографов часто так бывает, а я просто никогда раньше не наблюдал за фотографами. Ну да, ну да: на фоне Пушкина, и птичка вылетает...

Мы бродили с ним и с Витой среди сосен на Салтовском острове, глядя на голые корни, стоявшие в воздухе, как чёрные окаменевшие осьминоги... Ветер высосал из-под этих сосен песок... Но при чём тут фотограф... Раз уж я вспомнил эту прогулку - потом, когда мы шли сквозь редкий лес, на одной полянке мы увидели пару... Большая, грузная она лежала, согнув в коленях и расставив гигантские ноги, а маленький и, судя по всему, очень пьяный он в полосатой футболке с номером "19" сидел рядом, облокотившись на холм её живота.
Какое-то на ней было розовое бельё... Фотограф взялся было за камеру, но потом опустил... Я не знаю, почему, в тот день (как и в любой другой) он сделал не меньше сотни снимков, мог попросту устать, была жара... Вита сказала: "Почему?" Фотограф махнул рукой и сказал, что как-то так проскочили, не вышло в этот раз, нельзя объять необъятное. Когда мы уже прошли мимо, Вита придумала для несделанного снимка название: "Вратарь". В одном из его альбомов, кажется, в "Незаконченной диссертации", фотограф на полях воспроизводит старую харьковскую притчу о фотографе, который перестал заряжать свой фотоаппарат, просто ходил и смотрел на всё сквозь глазок объектива, а потом ему уже и это не нужно было, он стал просто смотреть, без

всякого фотоаппарата. Можно это сравнить с моими прогулками с фотографом?

Когда мы бродили с ним по Салтовке, по тому микрорайону, где я прожил лет этак тридцать, видел ли я всё это по-другому? Да, как ни странно. Но об этом, может быть, как-нибудь отдельно, не здесь...

(...)

Знаменитый михайловский альбом "Case History" был сделан в 1997-98-м. Лучший комментарий к нему написал сам фотограф в своём предисловии. Он просто объяснил там, почему он это сделал. По-моему, достаточно убедительно. То, что произошло впоследствии, посыпавшиеся градом премии (включая премию Хазельблатта, которая для фотографов эквивалентна Нобелевской), непрекращающиеся выставки во всём мире, я не знаю, может быть, это всё как раз и связано с теологией... "Последние станут первыми" и всё в таком духе... Не знаю, не знаю, но эти самые "бомжи" теперь самые желанные гости лучших в мире галерей и музеев...

"Но это же нельзя было делать!" - сказал писатель К., листая альбом. "Он много на себя берёт, это грех, это мессианство, всё это ни в коем случае нельзя было делать... Я буду об этом писать, обязательно". Глядя на негодование, которое нарастало в нём по мере того, как он смотрел альбом, я сказал: "Но ведь он их не создал, правда? Он просто их сфотографировал".

Я вспомнил тогда же эту фразу из послесловия Кабакова: "Фотограф - не демиург"... Но К. сказал, что он не просто их сфотографировал. На многих снимках бомжи принимают позы святых, как на иконах, или на всем нам известных картинах... К. всё больше возбуждался, он стал буквально метать громы и молнии в адрес фотографа, не знаю, от своего ли только лица или от лица церкви, К. был достаточно религиозен. Интересно, что с его книгой у фотографа независимо от этого начали складываться примерно такие же отношения.

"Какое он имеет право вообще об этом писать?" - воскликнул фотограф, прочитав в книге К. беспримерно подробное описание медленной смерти, - туда вообще нельзя смотреть, а он смотрит и потом культурно так пишет..."

Когда они всё-таки встретились на своеобразной Потсдамской конференции (на приёме, который устроил то ли канцлер, то ли президент Германии для русских деятелей культуры), все эти громы и молнии, посылавшиеся заочно, через мою голову (я ощущал себя ареной теологического диспута, или даже военных действий в какой-то новой религиозной войне), при встрече взаимно нейтрализовались. К. сказал, что он изменил своё мнение, увидев фотографа, просто взглянув ему в глаза, этого оказалось достаточно.

"Твои глаза, словно пепел, они видят только то, что есть..." Что-то там ещё дальше про честь... Я никогда не ловил луну в реке рукой... И фотограф о К. после этой встречи тоже стал высказываться вполне благожелательно. Но я-то ни разу не видел их вместе, а когда они существовали по отдельности, всё время какой-то происходил у них заочный спор (я клянусь при этом, что в течение этих четырёх дней не напоминал одному о другом, но они сами вспоминали и начинали спорить друг с другом заочно), К. попросил альбом домой, или точнее, в гостиницу, где он жил, и вернул его через несколько дней ещё более возмущённый. Главным упрёком его в адрес фотографа было, как я уже сказал, мессианство. (...) атаки на БМ в связи с этим альбомом происходили, происходят и будут происходить с разных сторон, а на родине у себя фотограф иногда вообще должен был занимать круговую оборону, чему я был свидетелем...

Взволнованный БМ как-то сказал мне, что хочет устроить акцию: выйти на улицу и пройти по городу, повесив себе на грудь табличку "ПРЕДАТЕЛЬ". Мы его еле отговорили. В музеях эти фотографии (из "Case History") выставляются в огромном формате, люди, запечатлённые на них, получаются в полный рост, можно представить себе, какое впечатление они оказывают на зрителя, если даже в альбоме их далеко не каждый способен выдержать. Об этом пишет Марина Сорина в журнале "Союз писателей" - о том, как друг не дал ей смотреть на эти фотографии, уверенный, что она просто такого не вынесет... И для этого совсем не обязательно быть кисейной барышней, я был свидетелем такой же реакции - с уходом в глухую защиту - мужчины, судя по всему, бывалого... Я стоял на вокзале Zoo в Берлине, в очереди за билетом, и в сумке у меня был альбом, который мне отдал К. Ко мне вдруг подошёл человек, похожий на Водяного (актёра), потёртый, но видно, что как-то по-одесски неунывающий дядечка, и заговорил со мной на русском. "Как вас зовут? Алик? Прекрасно. Алик, скажите, а вы любите джаз?" Я пожал плечами, хотя сразу не догадался, к чему он ведёт. Он рассказывал о своей джазовой карьере, некогда блистательной, потом намекнул, что сейчас у него трудные времена, после чего сразу попросил пятьдесят евро - на билет. Его где-то ждут с концертом, а он не может выехать. Я сказал, что он меня за кого-то не того принял, внешность обманчива, а на самом деле денег у меня у самого нет. "Водяной" не только не отстал от меня после этого, но стал доказывать мне, что я должен стать "джазовым меценатом", с удвоенным энтузиазмом. Видимо, его вдохновил сам факт того, что установлен контакт. Пользуясь тем, что я не мог просто взять и уйти - очередь, как назло, медленно ползла к кассе. Это был профессионал, он прощупывал меня со всех сторон, и, не слишком плачась в жилетку, как-то постепенно возбуждал реальную жалость, сочувствие... Даже при том, что ясно было, что никуда он не едет, и вряд ли вообще когда-то держал в руках тромбон, при всём при том пожилой уже человек, который так вот корячится на вокзале - чем не импровизатор... "Ну а вы чем занимаетесь? А где вы живёте? А зачем... А почему... А где в Берлине... У кого..." Он перешёл к вопросам о моей персоне, видимо, это обычно подкупает людей, кому-то надо выговориться... В ответ на какой-то из этих его вопросов я сказал (просто, чтобы он на время умолк): "Кстати, а вот не хотите посмотреть альбом. Это мой знакомый снимает, он очень известный фотограф..." "Конечно, хочу!" - воскликнул "Водяной", радуясь тому, что контакт ещё больше укрепляется, - я очень люблю искусство!" Может, ему и в самом деле было любопытно, он открыл альбом, медленно перевернул, потом ещё один, и так и застыл. "Что это такое?" - сказал

На память Роме от Ками... дира Пети. Первый год службы. 1962 г.

На долгую добрую память родителям от дочери и внучке и на мя память дочере нине от мамы и от сестры Шуры. и на память брату Толе от сестры Нины и от племянницы Шуры. Бабоньке и дедоньке

На долгую память Лучшему Другу Рафаилу от друга Пети. вовремя нашей службе на острове. 6 I 55 г.

На добрую и долгую память Наташке от друга Бэллы. 10/XI 67 г.

На добрую и долгую память моим хорошим друзьям Фиме и Розы посмотрите на фото и вспомните о нас от Моти и Клары 19.9.76 г.

Дорогой м. Евы

025

...он через минуту голосом, в котором был неподдельный страх. Это вообще был другой голос, тембр, да и выражение лица, всё было теперь другое... Я сказал: "Это то, что вы видите. Альбом, известный фотограф..." Но "Водяной" уже меня не слышал, быстро закрыв альбом, он сунул его мне в руки, развернулся и быстро пошёл прочь. Почти бегом. Я уверен, что если бы я вдогонку крикнул: "Вот же пятьдесят евро!", он бы даже не обернулся. Это называется самосохранением, это родовой инстинкт. "Боря сделал серию о вырождении человеческого рода", - я помню, что такими словами отозвался на эти карточки Саймон в письме из Нью-Йорка... Просто вспомнился вдруг этот эпизод на вокзале, а так вообще я не думаю, что эти "карточки" нуждаются в комментариях. No comments, и не надо тут искать никакой связи с теологией. Борхес называл теологию "разновидностью фантастической литературы". В подъезде, где на втором этаже находится квартира, в которой фотограф сделал большую часть этих страшных снимков, есть зелёная закрытая дверь, и когда я был там последний раз, на ней было написано "Exit to Hell". Белой краской, а может быть просто мелом, я не пробовал стереть.

кто это?

1 мая 1967 года Демонстрация

Но это не может быть связано с фотографом, вряд ли вообще кто-то из жильцов знает, что он здесь жил, и потом, если бы кто-то решил так пошутить, то написал бы это на его дверях, а не на двери, которая ведёт в какой-то технический подвал, или просто вниз... Да и какой ещё ад может быть для персонажей этих снимков, если даже люди, которые выше их на один-два этажа социальной лестницы (на снимках жители ground zero), так убедительно говорят, что совершенно не боятся смерти просто потому, что хуже вот этого (таксист-лимитчик, который вёз меня по Москве, кивнул на ветровое стекло) просто ничего быть не может...

Мы шли по скверу от памятника Гоголю к площади Поэзии, краем глаза фотограф скользил по лицам сидевших на скамейках людей. Вдруг он остановился и сказал: "Давай-ка мы присядем". Я оглянулся и увидел седого бомжа. Я, честно говоря, подумал: "сколько можно, он ведь уже сделал тот альбом, или это у него теперь постоянная тема..." В первый момент мне показалось, что у бомжа нет ног.

Они были, но как-то так были поджаты, вообще, голова с седой длинной гривой составляла большую часть его наружности, тело было не только тщедушным, но очень сильно сгорбленным. Голова, тем не менее, была наклонена к земле, человек смотрел по сторонам и дымил самокруткой. Фотограф поздоровался, мы сели на скамейку. Мысли в голове у меня путались, потому что я ночь провёл в поезде и практически не спал. Поэтому разговор БМ с бомжом я полностью не слышал, я помню, что с самого начала стало ясно, что бомж был даже не "бичом", то есть не просто "бывшим интеллигентным человеком", а - бери выше - одним из главных городских интеллектуалов.

Собственно, это мне стало ясно только после первых минут, а фотограф потому и решил сесть на эту скамейку, что, не то чтобы узнал... Возможно, в прошлой жизни они беседовали в какой-нибудь кофейне на Сумской. "Вы помните Бахчаняна?" Фотограф начал разговор именно с этого вопроса. Старик усмехнулся и сказал: "Ну как же не помнить..." "Я вообще всех помню, - сказал он, - вот вас только не могу вспомнить... А вы случайно не оттуда?" - он кивнул в сторону здания банка, напротив которого мы сидели, но по интонации, с которой он задал этот вопрос, ясно было, что он имеет в виду здание, которое находится дальше, на Совнаркомовской, т.е. управление КГБ, СБУ, или как оно там теперь называется, и, кстати, Совнаркомовская теперь наверняка тоже называется как-то по-другому... Я ещё подумал: ему-то чего бояться? Наверно, это инстинкт... Фотограф рассмеялся и сказал, что он не оттуда. Я думаю, что такое подозрение возникло из-за того, что взгляд фотографа был как-то чересчур пытлив, кстати, старик вспомнил о своём

подозрении в момент, когда фотограф полез в сумку за фотоаппаратом. Старик решительно сказал "нет" и даже схватил при этом фотографа за руку. Фотограф извинился и предложил вернуться к разговору. "Вы точно не оттуда?" - ещё раз спросил человек без определённого места жительства. БМ почему-то не хотел говорить, что он фотограф. Он как-то ушёл от ответа, или всё же в конце он сказал, что фотографирует людей не для какой-то такой

Мама я тебя прашу отбери Мусю с садика Аня уехала в колхоз на 1-й день я иду на матч, после матча зайду

организации, а так, просто... "А какие ваши самые сильные визуальные впечатления за последнее время?" - вдруг спросил БМ. По-моему, он сам удивился своему вопросу, который пришёл к нему вполне спонтанно, он уже хотел было спросить что-то другое, но старик, минуту подумав, стал отвечать: во-первых, вчера он видел, как собаки занимались групповым сексом, это было довольно сильное визуальное впечатление. Во-вторых, его не перестают поражать деньги - гривны - то, что на них изображено, - вот это до сих пор приводит его в изумление. Ну и флаг, который почему-то взяли из времени Австро-Венгерской империи, в которой Украине была отведена роль, прямо скажем... А потом разговор перешёл в область религиозную, точнее, церковную, и как это произошло, я уже точно... Ах, да, по словам старика, трезубец - это символ ладьи Андрея Первозванного, на которой он приплыл в Крым, старик долго рассказывал о том, как он искал церкви, которые якобы сам Андрей Первозванный основал, на них обязательно должно было быть изображение трезубца... Старик объездил с этой целью весь Крым, спал на бетонных плитах в конце набережной в Коктебеле, за год обыскал всю Ялту, но нашёл то, что искал, он где-то под Севастополем. До этого места его рассказ был по-своему рациональным, но после Севастополя в рассказ стали всё больше проникать элементы фантастические... Пошли такие фразы, как "французы тоже вышли на этот уровень, и теперь моя связь с Атлантидой..." Старик скручивал одну папироску за другой и одновременно разворачивал перед нами свой сумасшедший космос... Если учесть, что перед этим он рассказал нам о своей нынешней, не менее сумасшедшей, анатомии... Дом, или то, в чём он жил последние годы, наверно, всё-таки дом, потому что в рассказе упоминались соседи, которые спасали его раз от разу, вызывая "скорую", в общем, в месте, где он жил, не было никакого отопления, и тело его несколько раз промерзало насквозь, точнее, почти насквозь. "У промерзания тоже есть свои пределы! - сказал он, улыбаясь и поднимая вверх указательный палец, - нельзя, как оказалось, промёрзнуть глубже кишечника". Кишечник у него был частично отморожен и поэтому вырезан, причём, удалена была и прямая кишка, целиком, так что экскременты теперь выходили из него где-то сбоку, там была специально оставлена маленькая дырочка. "Да я почти ничего не ем, - сказал он, - выпустив облако дыма, - поэтому ничего почти и не выходит... Газетка всегда есть... Да ничего, я привык... А знаете, какая сейчас самая лучшая в городе кофейня?" В этом он был знатоком чуть ли не с пятидесятилетним стажем, но на описании кофеен он надолго не задерживался, и большая часть его монолога представляла собой переплетение теологии и фантастической анатомии... При этом я бы не сказал, что он был "того". Несмотря на его связи с Атлантидой и картину, которую он вдруг развернул перед нами в конце: скалы под Севастополем, покрытые кельями первых христиан, как ласточкиными гнёздами, и всё это вместе, скалы, или узор, который образовали бесчисленные кельи, всё это было очертаниями трезубца, то есть знака, который он так долго искал на стенах церквей... В конце поисков этот знак вдруг предстал перед ним воочию на каком-то безумном макроуровне, всё вокруг него сложилось в этот знак... Это был величественный бред, но при этом я не могу сказать, что старик производил впечатление сумасшедшего... Он рассуждал более, чем трезво, с опорой на невидимую церковь, то есть на трезубец... Он вышел из равновесия только тогда, когда фотограф признался, что не знает, где находится Покрова-на-Нерли. Видимо, это был контрольный вопрос...

фото:позитиве растаманвибратион,<newdjorrj@ua.fm>

"Тогда вы ноль! - закричал старик, - нет, ну вы понимаете, что вы - ноль?! Абсолютный ноль!"
"Хорошо, я ноль, - согласился фотограф, - но скажите, может быть теперь, когда мы знаем, кто я и кто вы, может быть, теперь мы сфотографируемся?" Старик категорически возражал, и, попрощавшись, мы с фотографом встали и пошли дальше. У меня было ощущение, что мы пообщались с Безымянным (из бэккетовской трилогии), у фотографа были какие-то свои ассоциации, или, скорее, проявившиеся воспоминания. Когда мы отошли, БМ сказал, что теперь уже точно знает, что встречался с этим человеком в другие времена, и человек этот был тогда чем-то вроде интеллектуального лидера Сумской улицы.
А может быть, эта странная мысль - написать главу о связи теологии и фотографии - пришла мне в голову после того, как я, уже написав главу "Законы Ньютона" (см. НАШ, №3/2004 - прим. ред.), на всякий случай зашёл в магазин, который находится внутри Haus der Kunst, взял с полки альбом Ньютона, открыл и как будто впервые... Да нет, на самом деле впервые увидел фотографию распятого Христа, под которой фотограф Ньютон написал: "I was there!"
Или всё-таки эта идея пришла мне в голову в один из тех вечеров, когда мы сидели с Борисом Михайловым, Витой и Таней, в Коктебеле, на террасе, за которой сразу начинался обрыв, и в какой-то момент Борис вдруг сказал: "Ну а что Бог....?" Судя по интонации, с которой он начинал, это должен был быть вопрос. Я точно не знаю, почему он его не закончил. Может быть потому, что там, где мы в тот момент находились, особенно ночью, задающий вопрос сразу слышит себя со стороны... Это не эхо, это что-то другое... И после этого (всё это происходит, конечно же, в доли секунды) уже непонятно, кто кого спрашивает, вопрос повисает в воздухе, оставаясь не только без ответа, но и без конца.

Александр Мильштейн, Мюнхен

CD news

в стихах

Оригинальная пластинка,
Как и сама Гудмуна доця -
И маленькая (взял и плачешь),
И хрупкая, как акапелла

Лишь в свете тихой свечки слёзок
Вы там найдете инструменты -
Все звуки основного плана
Напеты там открытым ротом

А Миша Пэттон с "Фэйт Ноу Мора"
И "Мистер Бангла" с "Фантомасом"
На заднем плане губы дует
И плямкает, буровя сумрак

Короче, нежная пластинка,
Красивая, зараза, очень...
Как можно не любить девицу,
Открывшую Олимпиаду?!

BJORK "MEDULLA" (Elektra/Asylum)

OOIOO

"KILA KILA KILA"
(Thrill Jockey)

Оу-Оу-Ай-Оу-Оу - это группа
Японской девушки Ёсими.
Она - известная фигура.
В ее архиве есть три диска

А также масса выступлений -
И с Соник Юс, и с шумным Бодэмс
(Японским нойзовым ансамблем),
И с Чик-Чик-Чик американским

Ёсими любит барабанить,
И где-то в рамках авант-рока
Она снискала популярность
А так же на нойз-попа ниве

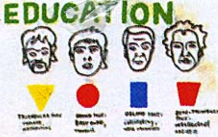
Короче, громкая пластинка
Во всех возможных пониманьях.
Послушайте - и вы поймете
Все о восточном модернизме

ESTHETIC EDUCATION

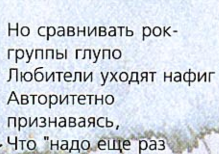
"FACE READING"
(Frank & Stein)

Из Океана Эльзы двое
Спаслись живыми, как ни странно,
И подружились вдруг с бельгийцем,
И вмиг Вакарчука забыли

И вот из моря-окияна
И из глубин стран Бенилюкса
Всплыла "эстетская" пластинка
(Название у них такое)

Сказал один любитель: "дЕУС!"
Другой сказал: "Ты гонишь! - Кьюэ!"
Блеснул познаньями и третий,
Упомянув еще названий

Но сравнивать рок-группы глупо
Любители уходят нафиг
Авторитетно признаваясь,
Что "надо еще раз послушать"

NOUVELLE VAGUE

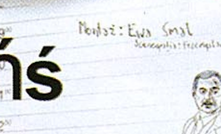
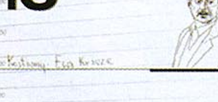
"NOUVELLE VAGUE"
(Peacefrog)

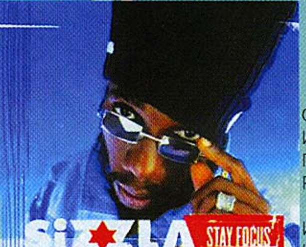
Альбом для тех, кому за 30,
Кто ностальгирует сезонно
По Джой Дивижн с Депеш ранним,
По Клэш, Дэд Кеннедиз, Зэ Кьюэ

П.И.Л., Спешиалз, Систерз Оф Мёрси...
Смешалось все в французской кухне -
Легенд шедевры зазвучали
На этом диске акустично

Уместно будет слушать ЭТО,
Диван удобный попирая,
И вешать молодой девице
Про то, "как было в наше время"

Коньяк, подсвечник, сигареты -
Девица млеет от эстетства...
Одно не ясно: почему вдруг
Сей стёб на техно-лейбле вышел?

SIZZLA

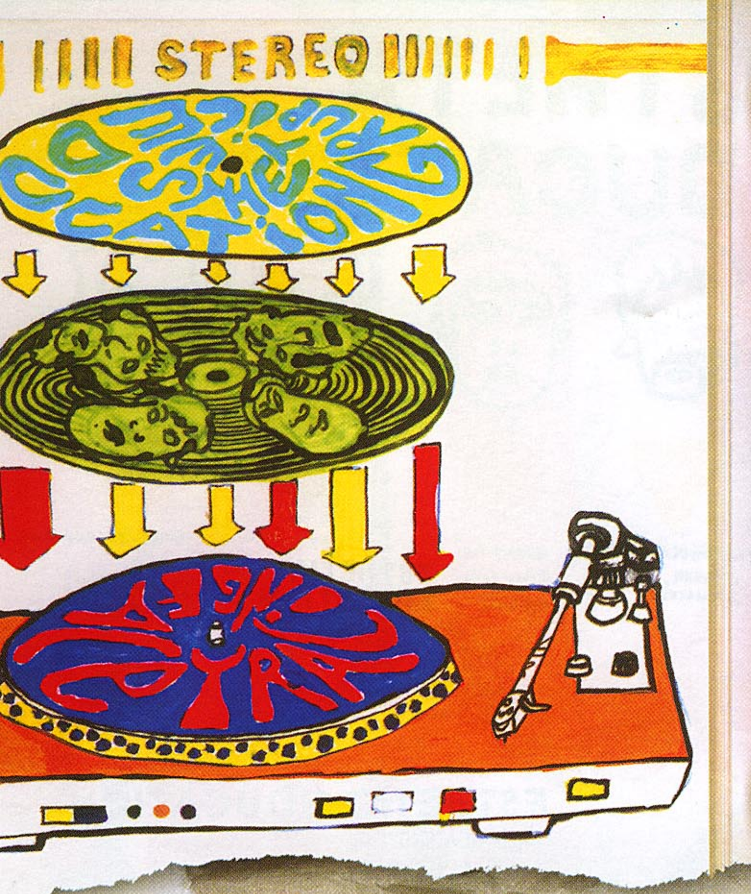
"STAY FOCUS"
(VP)

Об этом дяде мы писали
И мастурбировали много
Поскольку этот растафари
Равновелико правоверен

И красноглаз, и распальцован,
И музык много сочиняет...
Для нечитавших: это рагга.
Такая, бля, что рвет на части

За десять лет (или чуть больше)
Он наклепал альбомов 30,
И нет средь них плохих, поверьте,
На разный вкус есть, но плохих - НЕТ

Сухой, аранжирован скромно,
И агрессивный, и лиричный...
Цепляет. Как сказал Папанов:
"Достаточно одной таблэтки"

THE BEES

"FREE THE BEES"
(Virgin)

Забыв про достиженья рока
За сорок лет существованья,
Зэ Пчелы наварили в улье
Медку стандартов шестьдесятых

С полей битловских земляничных,
Смолистых шишек Роллинг Стоунз
Они пыльцу слизали смачно,
А рЭцепт воска у Ху взяли

Еще там есть немного песен
Для направленья нестандартных -
Изюмом в этом хиппи-мёде
Они заманчиво сливеют

Забудьте про зимы морозы
И нарулите себе мёду.
Пить по шесть ложек в оба уха.
Объем - 0,75. Стандартный

PRODIGY

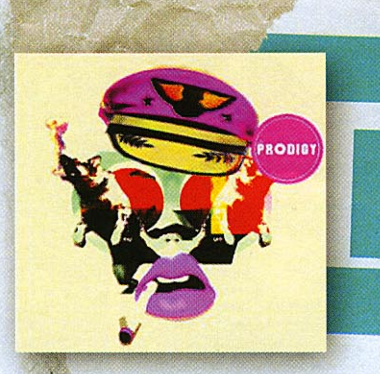
"ALWAYS OUTNUMBERED
NEVER OUTGUNNED"
(XL)

Очередной "тяжелый случай".
Соседи расчехляют шмайссер -
Опять за стенкой дискотека,
И отпадает штукатурка

Сказать по правде очень трудно,
Что в группе этой изменилось.
На ум пословица приходит:
"Исправит горбуна могила"

Брейкбит под фирменные сэмплы,
Агрессия, как в Найн Инч Нэйлз,
Захвата группа от хип-хопа
Линчует микрофон нещадно

Альбом под номером четыре
Хорош... Вниманье! Нота-бене:
Не ставьте в виде колыбельной
Его грудным своим ребёнкам!

ROBERT MILES & TRILOK GURTU

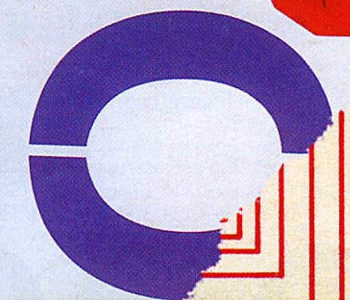
"MILES_GURTU"
(Narada)

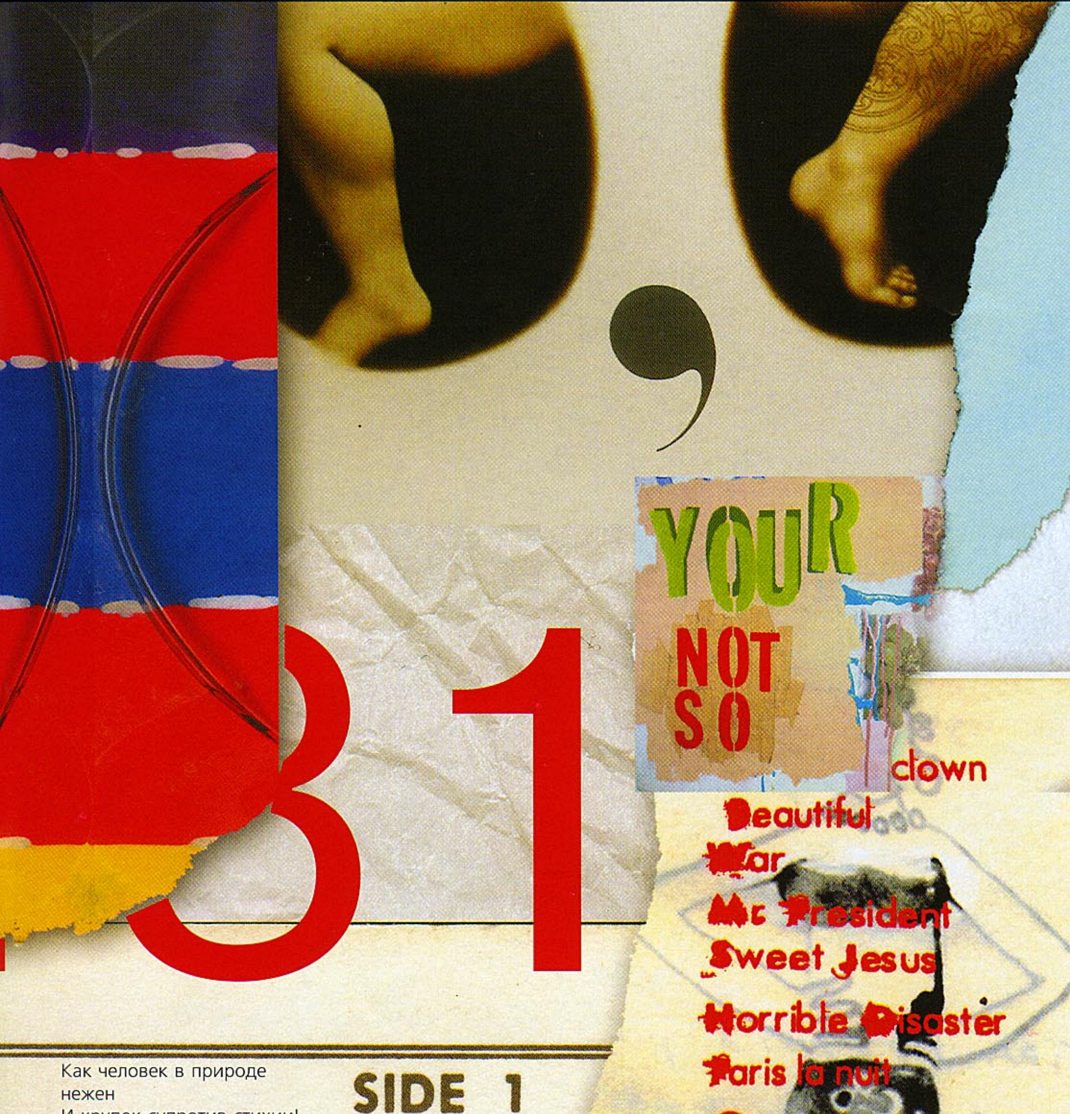
Ох, этот хитрый Роберт Майлз!
Как задолбал он песней Чилдрен
И пианинным ходом глупым
"Ля... Ляй-ля-ляй!.." Такая гадость!

Но вот прошли года. Он понял
Свою ошибку в дозировке,
У Ласвелла постиг основы
Оригинального звучанья

И наконец издал пластинку,
Порвавшую меня на части
Таким толстенным контрабасом
И дудками... И амбиентом...

Трилок Гурту на барабанах
Раскрасил Майлза в этно-краски,
А куча джазовых бандитов
Закончили разгром диджейства

THE FAINT

"WET FROM BIRTH"
(Saddle Creek)

Когда у нас Олимпиада
На небо Мишку запускала,
В Британии водилось много
Новоромантиков угрюмых

Потом забыли их в Европе,
Но в Штатах жутко прагматичных
Романтик отродясь не знали,
А посему почти недавно

Четыре хлопца из Омахи
Решили, что оригинально
Смешать пост-панк, буфет и диско
И удивить всех новым стилем

Но оказалось, что такое
Играет чуть не полпланеты -
Микс Бони Эм и Баухаус...
Отлично, но, БЛИН, СКОЛЬКО Ж
МОЖНО?!

SIDE 1

DOUBLE

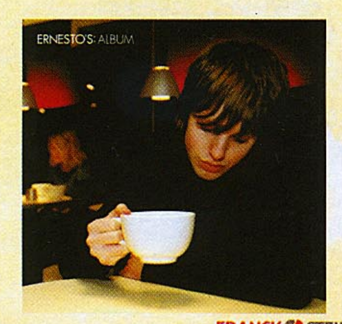
"PALM FRONDS"
(Catsup Plate)

Как человек в природе
нежен
И хрупок супротив стихии!
И психика его такая...
Ну, неустойчивая типа

Но вот гитару взял он в
руки,
Собрал вокруг таких же
нежных...
И вот природа плавит
пластик,
Аккордов силе подчиняясь

Немного нойза на гитарах,
Разминок вроде репетиций,
Раскатов тихих барабанных
И много нежного вокала

Так поразили подсознанье
Природы, что она сдается...
А мы-то помним про
дисторшен
И дух Май Блади
Валентайна!

Written & Produced by Esthetic Education Group. info@esthetic-education-group.com www.esthetic-education-group.com
Edited and Mixed by Ilya Galustiko Artwork b... Yan Tischenko, y-a-n@ukr.net
© 2004 The copyright ... rights reserved.

ERNESTO

"ERNESTO'S ALBUM"
(Hollow)

Эрнесто - житель Гётебурга
(Ну, типа, город, где жил Гёте).
Он молодой, но знает цену
Себе и соул-фанк играет

Попсовый, но весьма прикольный.
Плясать хоть можно, но не надо.
Там есть мелодий, штоб послушать,
И настроений, штоб подумать

О смысле жизни в свете попса
И приджазованных гармоний.
Эрнесто - он такой... Он может
На оба стула одной попой

Вы спросите - "так нафиг надо?"
Отвечу - надо, Феди, надо...
Он прост и мил. Такой полезен
В определенных состояньях

BSAF C-90

 Влад Олад

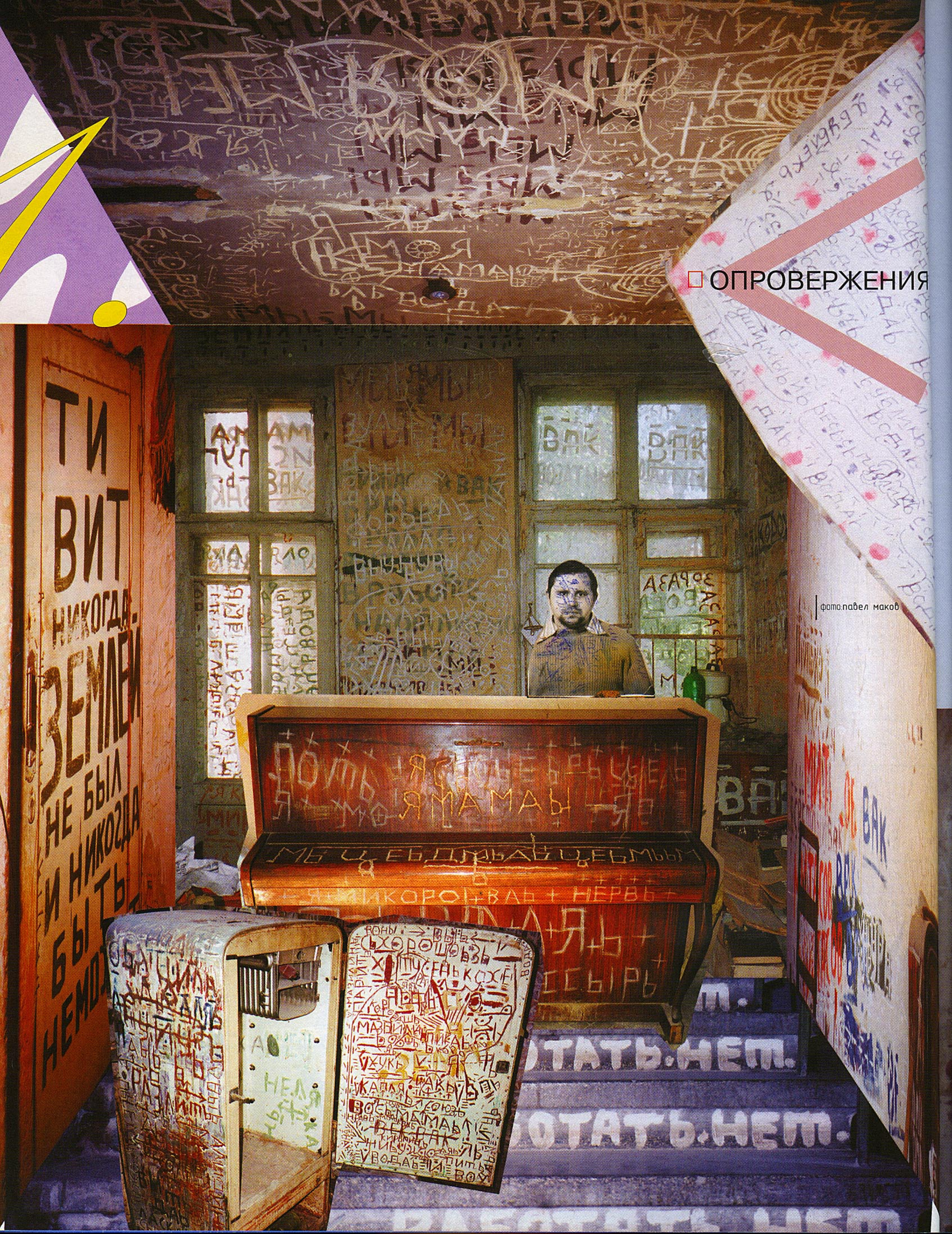

фото: павел маков

здесь и в самом низу справа: фото человека очень кроткого <kodak67@mail.ru>

Журнал НА!!! неоднократно уличал себя же в предвзятости, необъективности и просто откровенном вранье. Вот свежие факты.

1) Давным-давно, в нумере 3'2000 мы рассказывали о безумном харьковском художнике **Митасове** и его квартире, где каждый сантиметр был покрыт странными текстами и рисунками. Так вот это всё неправда. Нет такой квартиры. А есть слова – "наследники" и "евроремонт".

2) Больше года вели мы прямые репортажи из милого, пропитанного алкогольными парами места – **галереи Гельмана** в Киеве. Тоже враньё. Нет больше в Киеве такой галереи. Зато происходят в городе Киеве выставки искусства с очень большой буквы, не скажем с какой.

3) А вот напечатали мы этим летом красивую морскую фотографию и опять не удержались и соврали уже чисто по привычке. Фотографа **Андрея Тутика** назвали другим именем, тоже хорошим и гораздо больше ему подходящим. Однако Андрей Тутик упорствует, имя менять отказывается. Ладно уж, оставайся Андрюша Андрюшей. А фоточку твою мы ещё раз напечатаем. Да хоть и два раза.

4) А чтобы помнили, что обманывать нехорошо, решили виновных пожурить. Средство старое, испытанное. Если имеется чувство вины – приходите, не пожалеете.

034

Просьба взять интервью у Руперта Эверетта всегда приходит неожиданно и совершенно некстати: бывает, мчишься в своем "додже" 1999 года по федеральной трассе в Питтсбург, к друзьям на загородный пикник, предвкушая противоречивую комбинацию из отменного барбекью и сто раз слышанных разговоров о родстве седьмой воды на киселе с Энди Уорхоллом, и вдруг - звонок на сотовый, и чертов день полетел вверх тормашками: а как же, любимому журналу понадобилось интервью с Эвереттом.

Набив трубку самым крепким голландским куревом, когда-либо гробившим человеческие легкие, я задумался. Что я знал об Эверетте? Руперт Джеймс Гектор Эверетт, 45 лет. Англичанин, актер, литератор, красавец; "в первую очередь, гей, во вторую - все остальное". В 16 лет убежал из дому, чтобы продавать свою, очевидно, недостаточно сильно поротую задницу прямо на улице. Сколько лет он там околачивался, история умалчивает, но, похоже, свой счастливый билетик он вытянул прямо той самой часть тела, которая шла нарасхват: следующий кадр запечатлевает этого, вне всяких сомнений, красавца, в объятиях Мика Джаггера и его супруги, с которыми юный талант некоторое время сожительствовал (по слухам, дорогие мои, исключительно по слухам). Потом вроде

Брюнет и беззубый обед

все наладилось, и вот он уже снимается в одном фильме за другим. На сегодня - уже 47 ролей. "Оскаров" с неба не хватал, но звездный статус приобрел на удивление быстро. Пишет он, говорят, неплохо, что-то такое в стиле раннего постмодернизма. В чем его заслуги перед мировым искусством, я, хоть убей, не пойму, но, очевидно, за что-то же он всем нравится. Вон даже и Сергей Бондарчук, ныне покойный, пригласил Эверетта сыграть... Григория Мелехова в своей монументальной постановке "Тихого Дона" (!) - это уж покруче любого "Оскара".

Так или иначе, чтобы все прояснить, я решил задать несколько вопросов ему непосредственно. Тем более, что и интервью надо было как-то взять. Взять. Если вы читаете сейчас эти строки, меня, возможно, уже нет в живых. Или есть, но не совсем...

- В трижды проклятом 1984 году вы снялись в картине "Другая страна", очень похожей на ваш последний фильм "Иная лояльность". И там, и там вы сыграли британского разведчика, работающего на КГБ. Случайное ли это сходство?

- Я хотел исследовать этого персонажа в годы его юности, посмотреть, как он прошел свой путь и как были заложены основы того, что произошло с ним в более зрелом возрасте. Это чрезвычайно интересная идея: поработать с тем же самым

в оформлении использован плакат периода русско-японской войны 1905 года см: http://www.intl.hiroshima-cu.ac.jp/~yulia/visual.htm

персонажем, после того как в его жизни прошло 20 лет. Мой герой в предыдущем фильме был совсем другим человеком. В Англии, ващще, было 3 человека, которые стали чрезвычайно успешными шпионами, шпионившими в пользу России. Одним из них был Гай Беннетт - это как раз его я играю в "Другой стране", но самым важным из них был Ким Филби - тот самый, известный под кличкой "Третий человек", и он тот, на основе истории которого создана "Иная лояльность". У них была одна и та же идеология, оба они происходят из одной и той же культуры, из верхнего и среднего класса Британской империи, и у них сходная ментальность.

- А почему фильм называется "Иная лояльность" - ведь он, скорее, о жене главного героя?

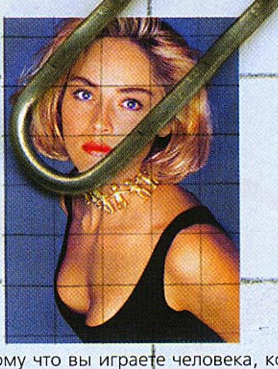
- Иная лояльность, иная преданность - это идея того, что речь идет о разной преданности, преданности женщине или преданности идеологии. И для него преданность идеологии оказывается более важной. Именно идеология разделяет их.

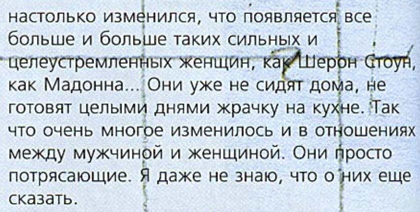
- Можно ли сказать, что ваш шпиён разрывается на кусочки между чувством и долгом?

- Мне кажется, что самое интересное в "Иной лояльности" - это любовь и преданность, которые оборачиваются иллюзиями. Мой герой в фильме влюблен в коммунизм. И когда он приезжает в Россию, то выясняет, что коммунизм ни что иное, как мираж. А героиня Шерон Стоун влюблена в человека, которого, как думает, она знает. Но он тоже является миражом!

- Чем вас привлекла роль шпиона?

- Я считаю, что роль шпиона - это просто подарок для актера.

Потому что вы играете человека, который является кем-то одним, но притворяется кем-то другим. Для актера это прекрасно, потому что сама суть актерской игры состоит в том, чтобы притворяться кем-то другим. Шпион - это потрясающий, очень романтичный актер. Я понятия не имею: Филби - шпион, которого я играю, - действительно ли он верил в то, что делал, или речь здесь шла всего лишь о честолюбии и самолюбии. Но в этом фильме он показан чрезвычайно романтичным и благородным человеком. Действительно преданным своему делу. Мне было очень интересно играть эту роль.

- А Джеймса Бонда не в падлу было б исполнить?

- Да, это еще одна великолепная роль.

- Десять лет назад в фильме "Безумие короля Георга" вы сыграли роль Георга Третьего, до того сбацали Чарльза Первого, а сейчас закончили сниматься в фильме, в котором зафигачили Чарльза Второго. Любите играть венценосцев-мамудоносцев?

- Да нет. Первая роль досталась мне просто случайно, но этот герой мне всегда очень нравился. Во-первых, прекрасные портреты этого короля кисти Ван Дейка - он, я помню, еще с тех пор мне понравился. А кроме того, он был королем Англии, абсолютно бесполезным для своей страны. И с мужеством перенес суд, который над ним состоялся...

- А кого бы вы еще хотели сыграть в исторических фильмах?

- Не знаю... Может быть, Марлен Дитрих...

- Ага! Вы же играли у Джона Шлезингера с Мадонной, в "Другой лояльности" - с Шерон Стоун. И как вы себя чувствовали в контакте с такими сильными телками?

- Действительно, это очень мощные, сильные женщины. И в чем-то они мужественны. Но при этом - просто обвораживающие. Удивительно, как в конце столетия, на рубеже тысячелетий баланс между мужчиной и женщиной настолько изменился, что появляется все больше и больше таких сильных и целеустремленных женщин, как Шерон Стоун, как Мадонна... Они уже не сидят дома, не готовят целыми днями жрачку на кухне. Так что очень многое изменилось и в отношениях между мужчиной и женщиной. Они просто потрясающие. Я даже не знаю, что о них еще сказать.

- Как работалось со Шлезингером?

- Если честно, мне это не особо понравилось.

- Какого режиссера вы любите в таком случае?

- Мой любимый режиссер - Педро Альмодовар. Мне очень нравятся его фильмы. Мне кажется, что он делает то, что должен делать настоящий автор. Он рассказывает все о своей стране, он показывает огромное количество персонажей. Среди них есть и хорошие, и плохие люди. Но ко всем он испытывает такую огромную нежность, и мне кажется, в этом красота его фильмов. Потому что у других режиссеров герои либо только позитивные, либо только отрицательные. А он относится с нежностью и с любовью ко всем.

- Продолжая разговор о ролях: в начале 1990-х вы играли Григория Мелехова, жили здесь полтора года. Что вас тогда наиболее впечатлило в России?

- Первое воспоминание связано с тем, что я очень удивился - как мне казалось, я совершенно не подхожу на роль Григория Мелехова. Я, честно говоря, был слегка ошеломлен всей этой историей. Но проведя больше года в России, я понял, что это чрезвычайно важный, поворотный период в моей жизни. Ведь это происходило в 1991 году, и советская эпоха практически еще не кончилась. Сейчас все по-другому, есть и дискотеки для геев, и соответствующие рестораны, но тогда все было иначе. А еще я просто замечательно проводил время с режиссером Сергеем Бондарчуком и его женой. Работать на "Мосфильме", жить на квартире в Москве - это настолько удивительный опыт! Ехать на поезде, который так и называется - "Тихий Дон"... И я помню, как мне подавала остывший обед женщина, у которой не было зубов, зато были очень длинные наманикюренные ногти. И когда я вернулся из России, у меня, честно говоря, просто отпала печень. Я целых полгода чувствовал после этого жутчайшее похмелье.

- Как вы отнеслись к тому, что ваш новый фильм взяли в конкурс Московского кинофестиваля?

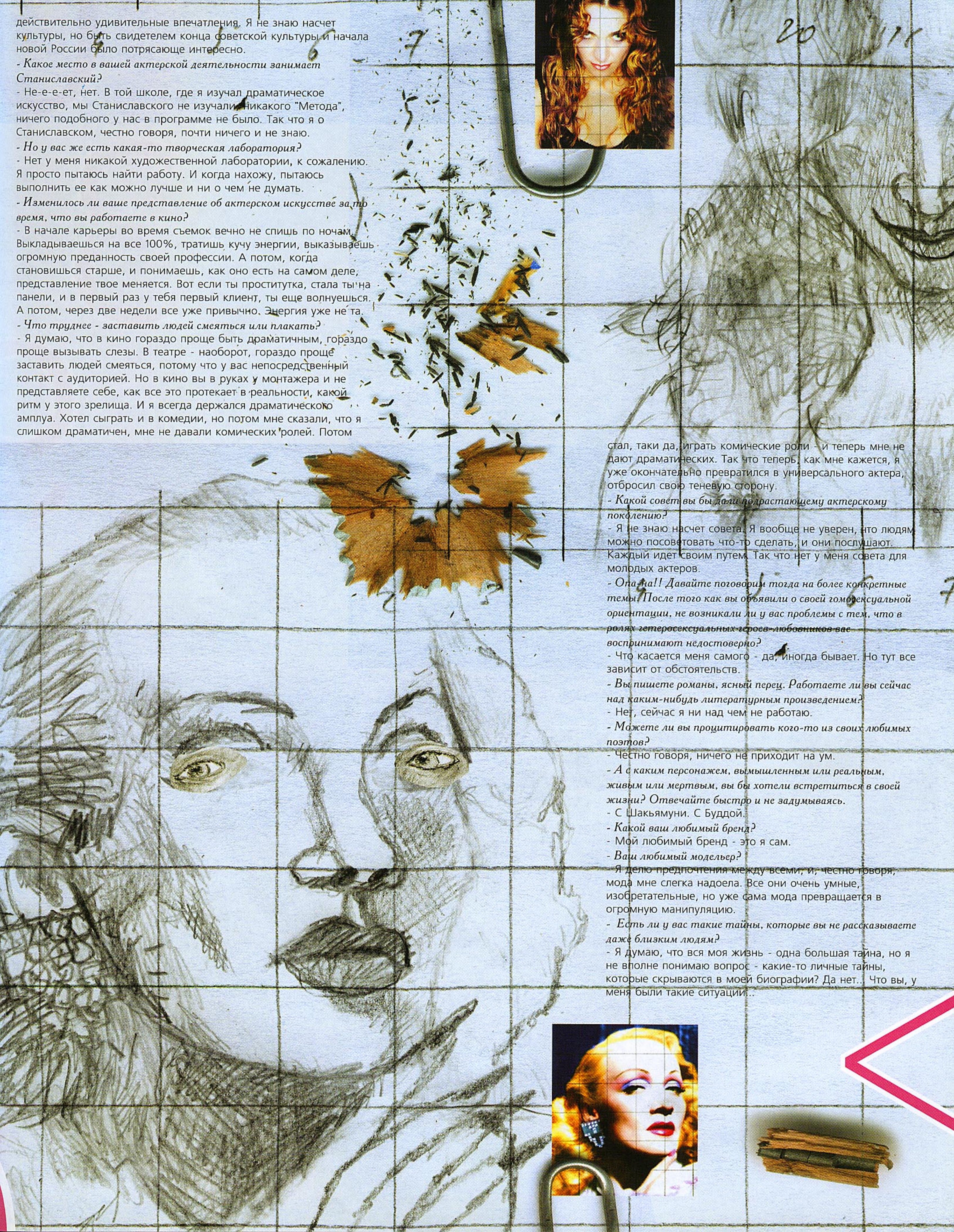
- Для меня это был превосходный предлог, чтобы вновь вернуться в Москву.

- В вашей карьере были роли, связанные с русской культурой. Что питало вашу работу, какие впечатления - литературные, кинематографические?

- Честно говоря, я читать не очень люблю, не слишком я литературный человек. Не могу сказать, что прочитал так уж много русских или английских писателей. То, что я узнал о России, я узнал, приезжая сюда, когда снимался в "Тихом Доне". Это были

действительно удивительные впечатления. Я не знаю насчет культуры, но быть свидетелем конца советской культуры и начала новой России было потрясающе интересно.

- Какое место в вашей актерской деятельности занимает Станиславский?

- Не-е-е-ет, нет. В той школе, где я изучал драматическое искусство, мы Станиславского не изучали. Никакого "Метода", ничего подобного у нас в программе не было. Так что я о Станиславском, честно говоря, почти ничего и не знаю.

- Но у вас же есть какая-то творческая лаборатория?

- Нет у меня никакой художественной лаборатории, к сожалению. Я просто пытаюсь найти работу. И когда нахожу, пытаюсь выполнить ее как можно лучше и ни о чем не думать.

- Изменилось ли ваше представление об актерском искусстве за то время, что вы работаете в кино?

- В начале карьеры во время съемок вечно не спишь по ночам. Выкладываешься на все 100%, тратишь кучу энергии, выказываешь огромную преданность своей профессии. А потом, когда становишься старше, и понимаешь, как оно есть на самом деле, представление твое меняется. Вот если ты проститутка, стала ты на панели, и в первый раз у тебя первый клиент, ты еще волнуешься. А потом, через две недели все уже привычно. Энергия уже не та.

- Что труднее - заставить людей смеяться или плакать?

- Я думаю, что в кино гораздо проще быть драматичным, гораздо проще вызывать слезы. В театре - наоборот, гораздо проще заставить людей смеяться, потому что у вас непосредственный контакт с аудиторией. Но в кино вы в руках у монтажера и не представляете себе, как все это протекает в реальности, какой ритм у этого зрелища. И я всегда держался драматического амплуа. Хотел сыграть и в комедии, но потом мне сказали, что я слишком драматичен, мне не давали комических ролей. Потом стал, таки да, играть комические роли - и теперь мне не дают драматических. Так что теперь, как мне кажется, я уже окончательно превратился в универсального актера, отбросил свою теневую сторону.

- Какой совет вы бы дали подрастающему актерскому поколению?

- Я не знаю насчет совета. Я вообще не уверен, что людям можно посоветовать что-то сделать, и они послушают. Каждый идет своим путем. Так что нет у меня совета для молодых актеров.

- Опа-на!! Давайте поговорим тогда на более конкретные темы. После того как вы объявили о своей гомосексуальной ориентации, не возникали ли у вас проблемы с тем, что в ролях гетеросексуальных героев-любовников вас воспринимают недостоверно?

- Что касается меня самого - да, иногда бывает. Но тут все зависит от обстоятельств.

- Вы пишете романы, ясный перец. Работаете ли вы сейчас над каким-нибудь литературным произведением?

- Нет, сейчас я ни над чем не работаю.

- Можете ли вы процитировать кого-то из своих любимых поэтов?

- Честно говоря, ничего не приходит на ум.

- А с каким персонажем, вымышленным или реальным, живым или мертвым, вы бы хотели встретиться в своей жизни? Отвечайте быстро и не задумываясь.

- С Шакьямуни. С Буддой.

- Какой ваш любимый бренд?

- Мой любимый бренд - это я сам.

- Ваш любимый модельер?

- Я делю предпочтения между всеми; и, честно говоря, мода мне слегка надоела. Все они очень умные, изобретательные, но уже сама мода превращается в огромную манипуляцию.

- Есть ли у вас такие тайны, которые вы не рассказываете даже близким людям?

- Я думаю, что вся моя жизнь - одна большая тайна, но я не вполне понимаю вопрос - какие-то личные тайны, которые скрываются в моей биографии? Да нет... Что вы, у меня были такие ситуации...

- Как на вас повлияло то, что вас отдали на воспитание к монахам?

- Меня действительно воспитывали в монастыре, и это был довольно экстремальный опыт. Тогда мне это совсем не понравилось, но теперь, когда я мысленно возвращаюсь в то время, по большому счета, мне нравятся эти воспоминания. Это было очень энергичное, жесткое религиозное образование, и я рад, что все это получил. Потому что это дало мне непрерывный интерес к религии на протяжении моей жизни. И там был любительский театр - я приобщился к театру. И вообще, монахи были довольно симпатичные ребята. В принципе. Так что все было неплохо.

- Есть ли роль, которую вы бы никогда не сыграли?

- Я, наверно, не хотел бы сыграть персонажа, который слишком отчаянно предается насилию.

- Какие фильмы повлияли на вас?

- Это вообще-то мультфильмы. "Белоснежка и семь гномов" - первый мультик, который я посмотрел. Это произвело на меня потрясающее впечатление, меня просто всего перевернуло. Представляете, этот цвет занавеса в кинотеатре, этот огромный зал, и как раскрывается занавес, и как луч проектора высвечивает образы на экране. Потом я посмотрел "Мэри Поппинс", но к тому времени я уже точно решил, что стану актером.

- Как вы проводите свободное время?

- Да ничего не делаю. Мне очень нравится ничего не делать.

- Что дальше?

- Сейчас у меня нет никаких планов, но они, конечно же, появятся, и довольно скоро, надеюсь. И, надеюсь, они будут интересные и веселые какие-нибудь. Цель - путешествовать как можно больше, видеть как можно больше, испытать как можно больше. И если подвернется какой-то проект, я рассмотрю такую возможность. Другими словами, сейчас я безработный...

- Если вас вдруг придет завербовать агент КГБ с предложением работать на Россию - что вы ему ответите?

- Я, во-первых, сказал бы, что КГБ никакого нет.

- Но если бы 20 лет назад, ась?!

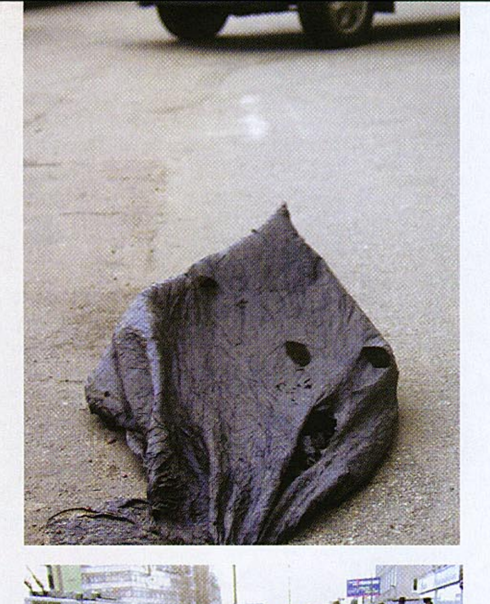
- Я б сказал - не-е-ет. Я б сказал: "Может быть, нет, может быть, да".

- На нашем месте в небе должна быть звезда... Я - агент КГБ! Отвечайте немедленно!

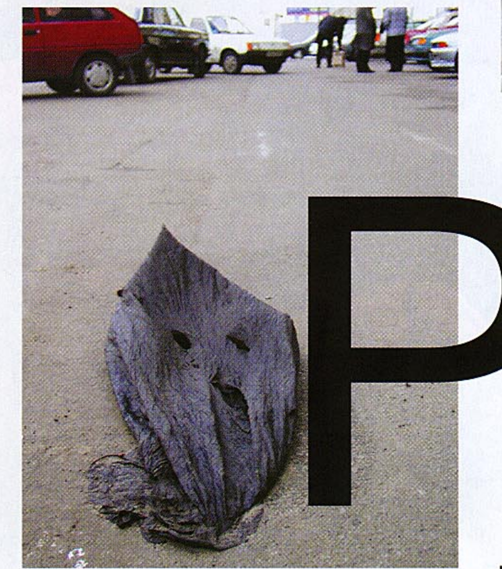
- Ладно, подумаю...

- АААААААААААААА!

Дмитрий Десятерик, специально для НА!!!

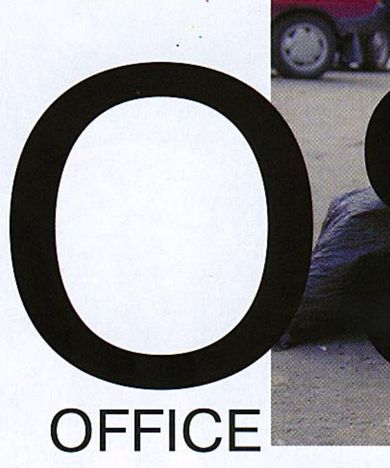

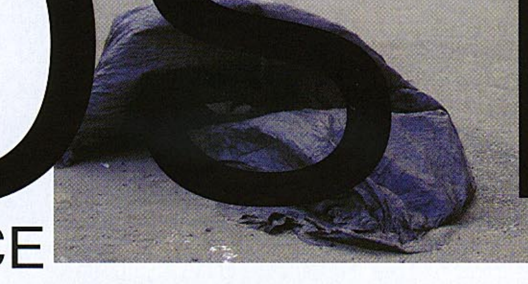

вверху:
фото **евгений завгородний**
<judgins@ukr.net>
из серии [кулёчек]

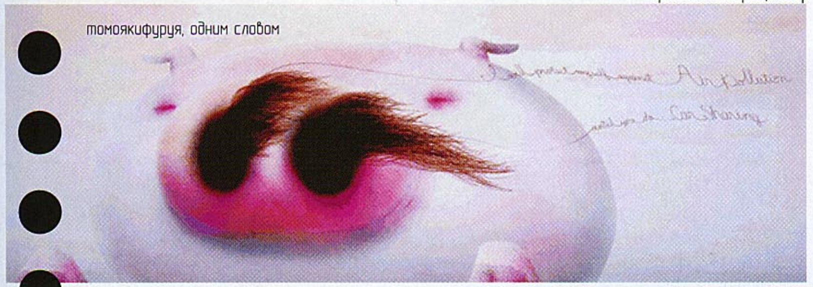

POST
OFFICE

внизу:
японские дизайнеры всех сильней
прислал товарищ **нобр**

томоякифурия, одним словом

Песняры

Столичные журналисты - профессиональные импотенты. Попадается на их пути культовая группа, например, "Песняры", и они не находят ничего лучшего, чем побеседовать с ней о вещах тривиальных - о творческих планах. Поэтому, когда культовая группа "Песняры" приехала в Сумы, провинциальные журналисты беседовали с ней не только о творческих планах, но и о шароварах, глобализме, этнопанке, методах привлечения новой аудитории Дэвидом Боуи и музыкальных пристрастиях Александра Дугина.

1 сентября. День

Конец рабочего дня. Башка не работает. Завтра планерка - необходимо сообщить главному редактору, чем я собираюсь занять печатную площадь рубрики "Культура". А культурных событий - х*й да ни*уя. Вова, не е*и мозги, сникерсни. А поможет? А хто его знает. Сникерснул. Помогло - по пути в магазин встретил первоклашку с букетом и вспомнил, что завтра, второго числа, на День города, обещали привезти на стадион "Песняров" и поспособствовать личной встрече. Запахло эксклюзивным интервью. О*уительно!

10 ВОПРОСОВ К "ПЕСНЯРАМ"

1 сентября. Вечер

По дороге домой пытаюсь откопать из вороха застрявшей в башке информации хоть что-то, имеющее отношение к "Песнярам" - нужно ж как-то придумать, о чем с ними говорить. Поиск веду по ключевым словам и сочетаниям: "Песняры", "Песняры+беларусы", "Песняры+культовая группа".

Результаты поиска следующие:

1. "Песняры поют как боги". Это сэр Пол Маккартни сказал. Значит ли это, что группу "Песняры" уважает первое поколение советских битломанов, чья жизненная программа требовала безоговорочной веры во все, что говорили их кумиры? Является ли следствием факт индифферентного отношения к "Песнярам" нынешнего поколения 35 летних - когда-то радикальных битлофобов-пэтэушников, которым было насрать на оценки кумиров и пристрастия собственных родителей? Знач так, записываю: "Спросить шо-то про битлз".

2. "В мире нет ничего лучше спермы молодых белорусов". Имеет ли эта культовая фраза с легендарного сайта pidor.com отношение к "Песнярам"? Нужно спросить. Тем более, что недавно по "Дискавери" показывали программу про зарождение рока в СССР, в которой Макаревич назвал "Песняров" группой без яиц. Так, спросить про яйца.

3 "Памяти Владимира Мулявина. 26 января на 63 году жизни умер бессменный руководитель Ансамбля "Песняры"... Он так хотел жить. В нем еще так бурлила жизнь... Первый "песняр" изменился, но неизменными остались мулявинские усы, ласково-яркие искорки в глазах и жизнерадостная улыбка..." Это выдержки из статьи про Мулявина, напечатанной в январе 2003-го в газете "ДС-Экспресс". Безусловный некрошедевр. Записываю: "Спросить про Мулявина".

4 "Шлю я, шлю тебе за пакетом пакет". Эта бессмертная фраза из песняровской "Вологды" вне остального текста песни частенько цитируется любителями покурить глупостей, которые уже давно перестали мыслить категорией корабля - на смену ей пришло вожделенное "пакован" или "пакет". Спросить шо ли про наркотики? А вдруг неправильно поймут и нах пошлют. Но все равно это может как-то пригодиться. О! Можно спросить про мотивацию написания новых песен. Вова, ты крут.

Ну шо еще? Еще вроде у них, как у ласкового мая, есть 25 составов, которые спорят из-за того, кто может называться "Песнярами", а кто нет. Ладно, завтра в и-нэт залезу, проверю.

По пути домой встретил старого друга - компьютерщика-традиционалиста, который пригласил меня на концерт "Песняров". Зачем, спрашиваю, тебе, любителю группы "Трясущийся хрящ" идти на концерт фольк-поп группы. А он отвечает, мол, во-первых, название группы "Throbbing Gristle" (а именно о ней

фото:олег демьяненко<foto@dancor.sumy.ua>

идет речь) токо для непосвященных лохов, переводивших его с помощью словаря Мюллера звучит как "трясущийся хрящ", а в действительности обозначает "эрегированный член" или просто "стоячий х*й", а во-вторых, "Песняры" - это группа, которая вместе с Муслимгаузом попала в дугинский список самых правильных с точки зрения традиционализма музыкальных образований. Просто супер. Потереть с песнярами про Дугина. Это просто супер. Иронично и не смешно. Мечтав я в детстве стать артистом, а став (простите за это слово) постмодернистом. Вова, постмодернист хренов, какой ты пи*датый чувак и впридачу невъе*енно талантливый журналист, который даже спи*женный вопрос может обставить как свой собственный. За то, что ты так филигранно освоил теорию и практику называемую искусство присвоения перформанса я люблю тебя, Вова. Пи*дуй домой, кушай и ложыся спатки, завтра встанешь, напишешь вопросы.

2 сентября. Утро

Хто зна, шо эти "Песняры" за люди: може нормальные, а можэ снобы. Знач так, Вова, вопросы формулируй четко, без всяких бэ и мэ. Короче, официальный дискурс и никаких гвоздей. Ну а если разговорятся, тода свои 2 копейки неформальные вставишь. OK?

2 сентября. День

Список вопросов к "Песнярам" готов и выглядит следующим образом.

1. Сейчас все кинулись реанимировать советские символы, в том числе и музыкальные, про которые 10 лет назад вообще не было слышно. Чем занимались "Песняры" в 90-е, когда рейв-культура шагала по планете?

2. Сейчас в СМИ много информации о том, что появилось несколько клонов "Песняров", каждый из которых претендует на звание аутентичного ансамбля. Так какие же "Песняры" приехали к нам, и чем они отличаются от остальных?

3. Многие группы после ухода духовного лидера разваливаются. Или меняют название и начинают делать другую музыку. Но вы решили остаться "Песнярами" и даже зарегистрировали брэнд "Песняры". Почему?

4. Не испытываете ли вы так называемого "синдрома динозавров", ведь для многих "Песняры" - это группа, которая четко ассоциируется с 70-ми, несмотря на то, что работает до сих пор?

5. А как ваш 35-летний возраст отражается на творчестве. Люди небось старых хитов на концертах требуют - не сказывается ли это негативно на мотивации писать новые песни?

6. У нас на Украине и особенно на Сумщине было много разговоров по поводу "шароварной культуры" и про то, что нам сверху ее насаждают в виде обилия всяких любительских фестивалей народного творчества. Что вы, всемирно известная фольк-группа, думаете по поводу такой популяризации народного творчества?

7. Сегодня время унификации, рыночная реальность стремится, чтоб люди в разных странах предпочитали одни и те же марки продуктов, одежды и музыки. Вы как и раньше продолжаете олицетворять белорусскую культуру, или ваш эстетический код стал более унифицированным?

8. А вы знаете, что главный российский традиционалист Александр Дугин включил вас в список групп, которые на все сто отвечают идеям философии традиционализма, смысл которой сводится к тому, что человечество, отбросив религию и традицию, духовно деградирует, приближая Апокалипсис?

9. В 1969 году группа, которая тогда еще не называлась "Песняры", играла песни Битлз. Ожидая, что ваша реакция будет более адекватной, чем у некоторых звезд, рискну спросить, как вы относитесь к римейкам, и не было ли у вас желания тряхнуть стариной и записать, например, какой-нибудь "естэдэй" на белорусском?

10. Говорят, чтоб стать легендой надолго, нужно вовремя уйти. В вашем коллективе эта тема обсуждается?

11. Про яйца решил не спрашивать. Забоялся неадекватной звезднай риакции.

А че, нормальные вопросы вроде, не банальные. Теперь все от "Песняров" зависит: если они долбо*бы, которые связной речью не владеют, провалится мое интервью, як подорванный белорусскими партизанами мост через Западную Двину. И вместо рассуждений на разные темы я получу кучу невнятных ответов вроде "мы против терроризма", "мы за сильного президента", "это вопрос к нашему менеджеру". Ну ладно, будь шо будет.

"Песняров" идем встречать к стадиону. Узнать их нетрудно. Они похожи на "Uriah Heep" образца начала 72-го года. Те же причесочки, те же огибающие рот усики, те же жировые отложения в области живота - признак востребованности их творчества в народе. "Песняры" оказались супер-пупер профи в отношении паблик рилэйшэнз: сказали, все расскажем, токо дайте настроиться.

"Ой княжна, княжна", - запел в микрофон вокалист. Сразу стало ясно - это оно. Поправка круче галлотропного дыхания. Как по шарам рубануло с первого аккорда! И вообще, разве

фото олег демьяненко
<foto@dancor.sumy.ua>

вставляли бы кого-нибудь "Autechre" или "Residents", если б не было такой давно пережившей все приличные сроки музыки. Ну вот, отстроились. Общаться с прессой отправились самые старые участники нынешнего состава - директор и вокалист ансамбля Валерий Скороженок и художественный руководитель и клавишник Вячеслав Шарапов. Пойдем, говорят, где-нибудь на лавочке сядем и поговорим. Лавочек не оказалось, поэтому гости уселись на перила лестницы. По бумажке читаю первый вопрос.

Валерий Скороженок: - Тем, чем и занималась группа "Песняры". Только не группа, а ансамбль. Группа - это у Владимира Григорьевича (Мулявина) ассоциировалось с присвоением группы по инвалидности. Поэтому название "группа" к нам никак не подходит. Белорусский государственный ансамбль "Песняры".

Вячеслав Шарапов: - Как у любого коллектива бывают моменты взлета и моменты спада. И как раз в 90-е и был некоторый спад. Все-таки уже 35лет ансамбль существует, и наверное, есть закономерность алгоритмическая: 10 лет коллектив идет вверх, потом наступает период стабилизации, а потом... Некоторые и 10 лет не проходят, то ли разваливаются, то ли еще что. А в 90-х были большие проблемы с человеческим фактором. Скандалы... Вы, наверное, слышали. Но в 98-м Мулявин решил собрать молодые силы. Мы являемся представителями четвертого поколения, нет, мы третье. Но у руководства государства всегда был пристальный взгляд на "Песняров", потому что это часть флага. Это один из символов Беларуси

В.С.: - В постсоветском пространстве с Белоруссией все ассоциируют трактор "Беларусь", "МАЗ" и "Песняров".

В.Ш.: - И было принято решение, после того как не стало Владимира Георгиевича, что коллектив должен быть обновлен, он должен почувствовать крылья за спиной, и должен начаться новый период взлета. Что собственно и произошло в течение последнего года. Единственное, чего мы не ожидали, что мы будем востребованы именно в концертном варианте, потому что нас захлестнул просто график гастролей, и у нас физически не хватает времени, чтобы записать альбом и снять пару видеоклипов.

- А остальные "Песняры" от вас чем отличаются?

В.Ш.: - Через коллектив прошло более пятидесяти музыкантов; все это люди в музыкальном отношении весьма достойные, талантливые, но естественно, у кого-то из них периодически возникало желание под этой маркой заработать денег, не будем душой кривить. И пользуясь тем, что Владимир Георгиевич на это никогда не обращал внимания, не судился ни с кем, не скандалил в прессе, они попытались попробовать себя под маркой "Песняры".

В.С.: - А разительное отличие... Вы же сами присутствовали на саундчеке, у нас полностью живое исполнение, а те коллективы под фонограмму, к сожалению...

В.Ш.: - Нас самих этот вопрос мало интересует, потому что у нас государственный статус. Мы являемся базовыми (???) наследниками Мулявина, в нашем коллективе работает его сын Владимир Мулявин-младший. У нас молодой коллектив, и мы заинтересованы в том, чтобы омолодить аудиторию, чтобы нас воспринимали не только как ретро-коллектив с ретро-названием и песнями. Конечно, много старых песен поем, потому что люди просят, но собираемся новый материал внедрять и надеемся, что это понравится.

- Раньше "Песняры" были просто группой, а теперь стали рыночной единицей, с зарегистрированным брэндом...

В.Ш.: - Опять же нас этот вопрос мало интересует, нам не нужно доказывать какими-то бумагами, что мы являемся единственными и неповторимыми "Песнярами", у нас государственный статус.

Отличная речевая стратегия: "Нас этот вопрос не волнует". Это не так круто, как у Гребенщикова, который предоставляет читателям и слушателям полную свободу интерпретации своего творчества и своей жизни, но все равно типа круто. Так, что тут у нас? Ага, остатки третьего вопроса про духовного лидера.

В.Ш.: - Это все зависит от уровня гениальности лидера. Владимир Георгиевич был настолько гениален, что он создал не просто коллектив - он создал музыкальную традицию, он создал стиль, он пришил "Песняров" к флагу Белоруссии, и никто не имеет права взять и это дело закрыть. Мы должны это продолжать.

Ну ладно, от флага действительно что-то оторвать сложно. Один друг рассказывал, как в детстве во время похорон дедушки-генерала пытался оторвать якусь звездочку от кителя и ничего не получилось. Так это с кителя, а с флага в сто раз трудней. Ладно, четвертый пошел.

В.Ш.: - К нам на концерты приходит молодежь, которая может быть до этого просто не интересовалась такой музыкой. Они говорят: "Не знали, что такое есть". Поэтому мы видим смысл в том, чтоб работать дальше.

В.С.: - Именно молодежь приходит, некоторые по совету своих родителей, а некоторые просто ради интереса, и они первыми идут за автографами. Тем более вы же видите, что ребята (музыканты) молодые.

В.Ш.: - У нас куча молодых поклонниц, они чувствуют себя нормально. У нас база прекрасная дома, студия, все есть, чтоб работать. Обычно если коллектив умирает, он умирает целиком, умирает вместе с ним и его наследие, и его база, остаются только записи. У нас это все продолжает существовать.

Конечно, круто такого бацьку иметь. Везде хорошо, де нас нет. Ну давайте, отвечайте на пятый.

В.Ш.: - У нас очень хорошо получается писать новые песни в той стилистике, которая была задана в свое время. Просто звук стал более плотным, более современным. Тогда не было тех тембров инструментальных, поэтому было много людей на сцене, использовалось много инструментов старых, колоритных. Мы это хотим возродить, но пока справляемся с тем, что у нас есть, с этой техбазой. А то, что нас воспринимают в основном как брэнд 70-х, это, наверное, и есть результат того некоторого падения в 90-х.

- Вот вы говорите, что работаете в заданной еще в 70-е стилистике и одновременно пытаетесь привлекать

новую молодую аудиторию. А вот Дэвид Боуи, например, вопрос привлечения новой аудитории решал как раз с помощью изменения стилистики.

В.Ш.: - Стилистика Дэвида Боуи и стилистика "Песняров" - разные вещи. Мы-то питаемся народными корнями. И, что называется, что видим, то поем.

- Так может вам в рамках этно-стилистики поэкспериментировать. Поиграть, например, так модный сегодня этно-панк?

В.Ш.: - У нас есть свой круг слушателей. В основном, это люди от 30 до 60, но к ним начинает присовокупляться и молодая поросль. И мы не видим смысла в том, чтоб менять стилистику. Она наша, славянская, понятная вам, украинцам, русским. Поэтому тут никаких экспериментов не будет. Нас просто старый зритель не простит.

Старый действительно не простит. Пусть сдохнет старый зритель! Шестой пшел!

В.Ш.: - Все зависит от меры вкуса и подачи. Мы видели в этом году в Стамбуле триумф вашей Русланы. Там тоже были элементы фолька, только более древнего. У нас привыкли называть фольком старые колхозные костюмы времен коллективизации, но мы с фольком ассоциируем самые глубинные музыкальные мотивы, традиции костюмов: они в свое время были у нас общими - поэтому, наверное, мы и понятны всем.

Руслана им, наверно, заплатила в Стамбуле. Но меня это не интересует. Интересует следующий ответ на следующий, седьмой вопрос.

В.Ш.: - Мы думаем, что это временная тенденция. Все равно каждый народ имеет право на самобытность, и это пройдет, потому что мы видели и другие страны, и видели, как трепетно люди относятся к своей культуре, к своему искусству, производству, экономике, своей валюте. Свое они ставят на первое место. Можно привести пример Норвегии, самой развитой по уровню жизни страны. Она не признает вообще ничего пришлого, и, тем не менее, это не мешает им всем прекрасно говорить на английском языке. Я ответил?

Восьмой вопрос слушают с широко раскрытыми глазами.

- Он совершенно прав. Унификация делает мир неинтересным. Что толку ехать в Китай смотреть на то же самое, что можно посмотреть здесь. Или то, что у нас весь рынок заполнен китайскими шмотками. Мы должны пропагандировать и развивать свое - тогда это будет интересно, и можно будет поучиться чему-то у кого-то, а этот глобализм... Во всем мире поднимается антиглобалистское движение, оно нарастает, и я думаю, что за этим будущее.

Круто!!! Правда, будущего нет, но все равно круто! Песняры - антиглобалисты!

Девятый вопрос.

В.Ш.: - Лучше "Битлз" никто их песен не сыграет, и в этом нет никакого смысла. Нет. Мы к этому никак не относимся, нам просто неинтересно. Все равно Киркоров же лучше Таркана не поет турецкие песни... Москва - город такой сумасшедший. Творчество, оно-то питается от земли, от корней, от воды, от воздуха, от природы. Настоящее творчество - а то, что питается от асфальта, оно все временное, наносное и, наверное, бесперспективное. Загорелось и погасло, проротировался по радио-телевидению и все. Нужно сваливать. И фиг он 35 лет просуществует.

- И тем не менее, многие звезды приходят и говорят известным ди-джеям: "Обнови-ка мне песенку, для того чтоб привлечь новую аудиторию, которая на модные барабаны поведется".

В.Ш.: - Дело в том, что мы сами умеем плотно играть без всяких римейков. И у нас в этом нет никакой необходимости. Да и смысл какой. Один из клонов, "Белорусские песняры", делал такие попытки. "Вологду". Ну и что? Будет под нее молодежь танцевать на дискотеке? Да никогда в жизни!

Зэ ласт квэщин.

- Говорят, чтоб стать легендой надолго, нужно вовремя уйти. Или у вас и пятое, и шестое поколение музыкантов будет?

В.Ш.: - И шестое, и десятое, надеемся. Мы, по крайней мере, будем все делать для того, чтоб это было. Если это стало одним из символов Белоруссии, это должно быть как можно дольше. Все, что от нас зависит, мы сделаем, а дальше сын Владимира Мулявина будет это дело продолжать.

- Спасибо.
- Спасибо вам. Хорошие вопросы. А то всегда спрашивают о творческих планах...

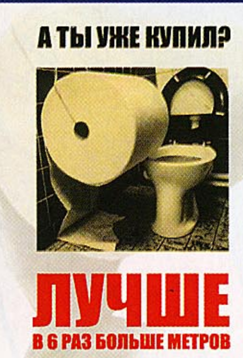
Ну вот, вроде нормально. Щас приду наберу и буду думать, шо в следующий номер совать. А ведь мог бы стать музыкантом...

Владимир Пахолюк

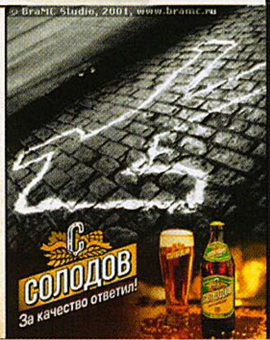
фото: олег демьяненко
<foto@dancor.sumy.ua>

НЕ ВЫБРАСЫВАЙТЕ ЭТУ БУМАЖКУ В УРНУ, ОНА ВАМ ЕЩЕ ПРИГОДИТСЯ!

ЭТО НЕ СПАМ!!!

Уникальное предложение: английский язык за один час!!!

- Вы платите нам деньги, и уже через час Вы получаете диплом, что знаете английский!!!

Нажмите СЮДА или СЮДА
Вот ТУТ еще потрогайте
СПАСИБО!

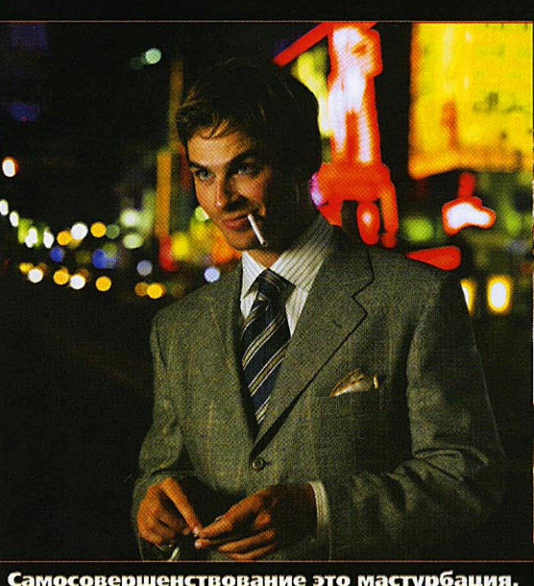
- Все наши преподавательницы профессиональные модели с красивыми голосами!
- Мы не просто знаем об английском, мы о нем говорим!

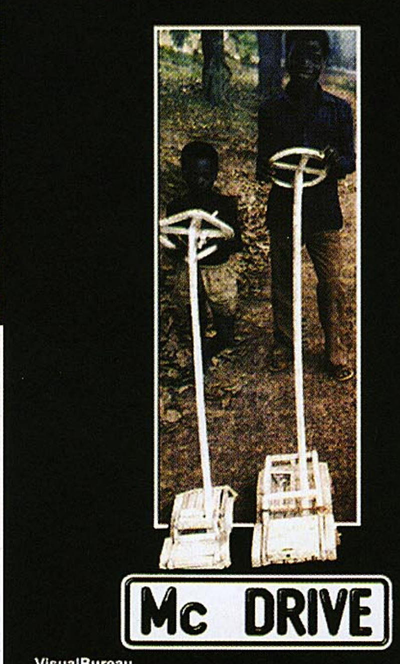
✂ -

Чтобы отписаться отрежьте ОТСЮДА

Эпидцентр американского английского

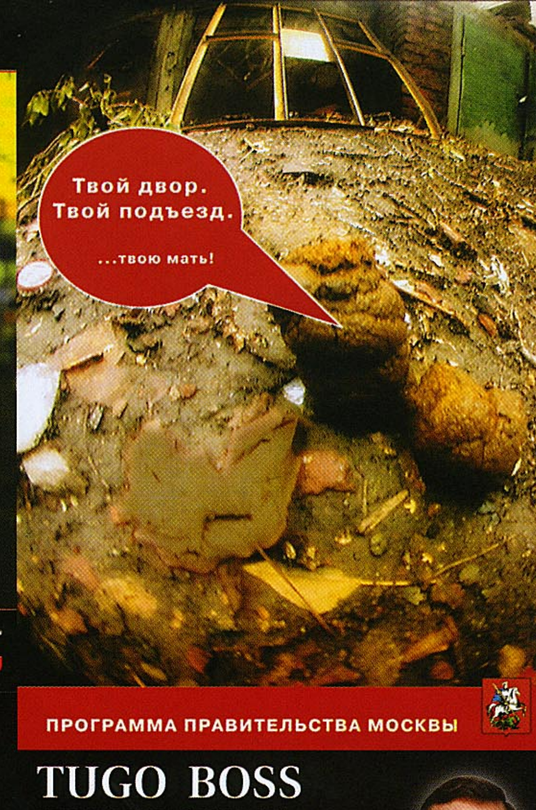

TUGO BOSS
КОЛЛЕКЦИЯ ГАЛСТУКОВ ОСЕНЬ 2003

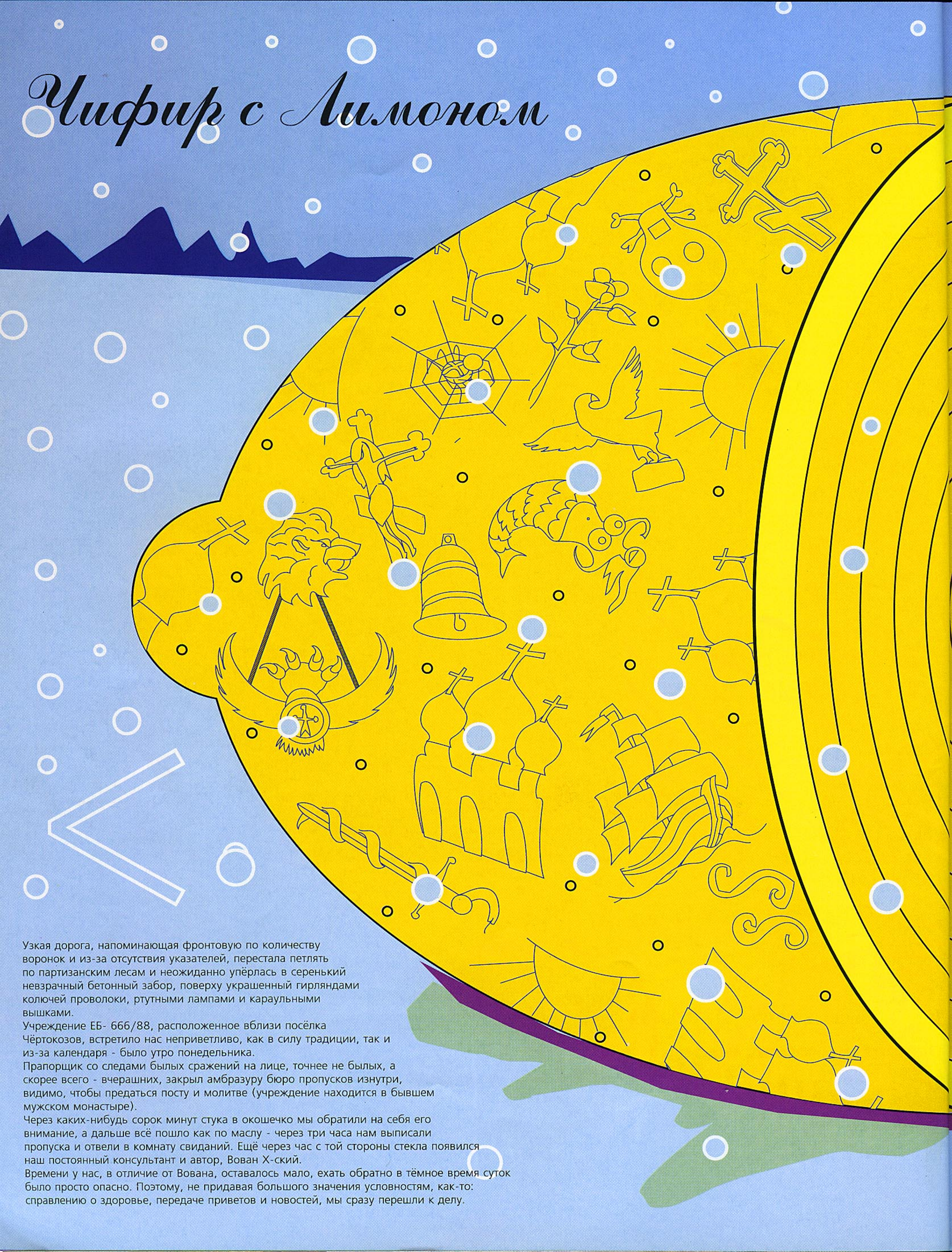
ПОРА МЕНЯТЬ НАЧАЛЬСТВО

BOSS

Чифир с Лимоном

Узкая дорога, напоминающая фронтовую по количеству воронок и из-за отсутствия указателей, перестала петлять по партизанским лесам и неожиданно упёрлась в серенький невзрачный бетонный забор, поверху украшенный гирляндами колючей проволоки, ртутными лампами и караульными вышками.

Учреждение ЕБ- 666/88, расположенное вблизи посёлка Чёртокозов, встретило нас неприветливо, как в силу традиции, так и из-за календаря - было утро понедельника.

Прапорщик со следами былых сражений на лице, точнее не былых, а скорее всего - вчерашних, закрыл амбразуру бюро пропусков изнутри, видимо, чтобы предаться посту и молитве (учреждение находится в бывшем мужском монастыре).

Через каких-нибудь сорок минут стука в окошечко мы обратили на себя его внимание, а дальше всё пошло как по маслу - через три часа нам выписали пропуска и отвели в комнату свиданий. Ещё через час с той стороны стекла появился наш постоянный консультант и автор, Вован Х-ский.

Времени у нас, в отличие от Вована, оставалось мало, ехать обратно в тёмное время суток было просто опасно. Поэтому, не придавая большого значения условностям, как-то: справлению о здоровье, передаче приветов и новостей, мы сразу перешли к делу.

Корр.: - Вован, скажите, пожалуйста, Вы прочитали книгу Эдуарда Лимонова "По тюрьмам", мы высылали Вам её в прошлом месяце бандеролью?

Вован (показывая книгу без обложки и нескольких первых и последних страниц): - Прочитал, а как же. И даже частично перечитал. В смысле - перестарался.

Корр.: - Каково Ваше мнение о книге?

Вован: - Средняя книга, написанная старым честным фраером. Говорят "Сума да тюрьма дадут ума" - у Лимонова, кажись, отняли.

Корр.: - Нельзя ли подробнее, так сказать - с доказательствами в тексте?

Вован: - Тебе обосновать? Запросто. Ну, вот хоть название - по каким это тюрьмам? Он же толком и тюрьмы не видел. Сидел сперва в Лефортово, это тюрьма ФСБ, никакого отношения к нашему миру не имеет. Это камера хранения, туда сдают на время следствия будущих осуждённых, держат там в чёрном теле, ну, попугивают слегка - ни движения, ни людей, ничего там нет.

Корр.: - Не совсем понятно, что значит "ни движения, ни людей". Если можно - Вы переводите идиомы на русский, поскольку я не совсем ориентируюсь во множественных смыслах.

Вован: - Движение - это жизнь. Люди - это правильные арестанты, путёвые. Вот в этой же бандероли книгу присылали, синелобого этого, Довлатова - там хорошо сказано: " Ад - это мы сами". Бывает так - сидит фраер в одиночке, горя не знает, а кинули в общую хату - он и повесился. В Лефортово понятий не разжуют, и дачку он в буру не проиграет, не научат даже от лампочки прикуривать, не говоря чего интересней - брагу там, самогон. Случайные там люди, туристы.

Корр.: - Спасибо, теперь понятно всё.

Вован: - Потом в Саратов его вывезли. Там он на тройниках сидел, в специзоляторе. Тройник - это, конечно, тюрьма, ничего сказать не могу.

Корр.: - Почему такое название - "тройник"?

Вован: - Там на четверых человек камера. Так вот, из четверых трое - люди, а один - нет. Скучно там, некоторых поговорить тянет, душу раскрыть...
В тройнике не как в хате, - шестьдесят рыл, шум и дым - там интеллигентно, тихо сидят. Это не то. Я люблю, чтоб тюрьма была тюрьмой - тут кого-то пи*дят, там в карты шпилят, чифир варят. Кто-то проигрался, тот вены вскрыл, с верхней шконки кого-то бросили, брагу поставили, тарэна обожрались, корефаны встретились, дачка зашла. Вот это тюрьма, движение, смех всегда. А в тройнике кто? Те, кого "кум" прячет, или клопы жирные, министры-капиталисты, приплачивают, чтобы в одну харю колбасы-балабасы точить.

Корр.:- Но у Лимонова были соучастники - их вполне обоснованно держали отдельно, в разных камерах, чтобы...

Вован: - Ты поучи свою жену в бутылку ссать. Я ж не говорю, что Лимонов прятался - я к тому, что не у кого ему было ума набраться. Так фраером и остался.

Корр.: - Лимонов постоянно описывает истории разных заключённых, встреченных им в тюрьме. Как Вы думаете, Вован, зачем?

Вован: - Да от нех*й делать. Встретит какого-нибудь Васю с историей - и в книгу. Таких историй только у нас в Чёртокозове тысяча. Ни уму, ни сердцу, у каждого своё горе. История весёлой должна быть, или со смыслом - а так ху*ни нагородить можно много. Вот хотя бы мою историю взять...

Корр.: - Давайте сегодня всё же о Лимонове, а в следующий раз уже и Вашу историю опубликуем...

Вован: - Кстати, а ты почему ничего не записываешь? Не люблю, когда мои слова перекручивают.

Корр.: - Я диктофон отдал капитану, он сказал, что всё записывается с пульта.

Вован: - Ушлый ты парень, молодчик. Так вот - в тюрьме без движухи, без жизни, - говорить не о чем. Одни и те же жёвки, кто кого на воле е*ал, какую королеву, да на какой машине ездил, да как воровал миллионы. А сам за захват и изнасилование коровы сидит, а подельник - за её убийство. Вот и Лимонову делать нех*й было - так полкнижки пишет про зимагоров, с кем на киче повстречался, то про захват заложников в "Норд-Осте", то про Ленина пересказывает - нах*й бы он в рот не съ*бся, Ленин этот. Видать, под старость Эндик себя Лениным возомнил - только Лысый мутный был и продуманный, люто за брата отомстил. Не канает Эндик в Ленины. Посуди сам - за что его приняли? Послал двух волоё*ов купить стволы. Те купили у мусоров - это при том, что железа в России хватает, война уже десять лет идёт. Фраера сразу колятся до самой сраки, сдают Лимонова. Прикинь - у них приветствие "Да, смерть!", а его иначе как "Вождь" не величают, в партии этой. Как можно "Вождя" сдать? За два "калаша" мусора вменяют ему половину кодекса. Другой бы от позора удавился - а Эндик тащится, нравится ему, что статьи у него тяжкие, не х*й с бугра - "террорист". С братвой базарит, говорит, что срока насчитал себе под четвертной. Те, правда, посмеиваются, они знают, кому сколько срока положено.

Корр.: - Вы считаете, что Лимонов для уголовников - комический персонаж?

Вован: - А то какой? Вот смотри - он пишет, что ему там погоняло поменяли. Была у него клikуха Лимон - это ему один хачик ещё в Харькове дал кликуху, по молодости. Нормальное погоняло, правда, он сам его и опаскудил - когда книжку написал "Это я, Эдичка".

Корр.: - Ну это известная история, со сценами гомосексуального акта с негром, знаете, Вован, в литературе принято разграничивать героя и автора.

Вован: - Это у пидоров принято жить двойной жизнью. А у нормальных принято так - если ты нормальный, никто тебя не заставит сказать, а тем паче написать, что ты пидор. Да ещё под собственной кликухой. Шуток таких у нас не понимают. Но х*й с ней, с той книжкой, мы о другой книге базарим. Так вот - Лимоном его не называют. Пацаны, правда, подъё*ывают иногда - "Жиган-Лимон", это из песни, он и песни такой не знает, иначе написал бы. В партии этой погоняло у него было Дед. Больше подходит, чем "Жиган-Лимон", ему ж уже шестьдесят. Так и Дедом его не называют - окрестили Бен-Ладеном. Тут понятно, что прикалываются - усы, борода. Мы люди простые: если лысый - значит Солнышко, если усатый - значит Гитлер. Вот и Лимонова Бен-Ладеном назвали, террорист - раз, усы с бородой - два. Тюрьма - это одна сплошная подъё*ка, правда, не всех подъё*ывают.

Корр.: - Я правильно понял Вас, Вован - на Ваш взгляд у заключённых он авторитетом не пользовался?

Вован: - Да никаким. Несмотря на статьи свои тяжкие, на то, что он умный тип, жизнь видел, за границей жил. Фраер по жизни, наши это сразу видят, с пары слов.
Пойдём дальше - сидел он в хате на "двойке", в Энгельсе, с Пашей каким-то, Рыбкиным. Так этот Паша, матёрый такой Паша, полтора кило золота с завода пи*данул, с его слов - в тюрьме раз восемь сидел, а до зоны ни разу не доехал, мутный такой Паша - задвигает, что Лимонова надо на Вора короновать. Чтоб вопросов не было - вот я подчеркнул. "Судите сами. У Вас нет ни семьи, ни детей. Нет имущества. Нет постоянного места жительства. Нет никаких сбережений. Нет даже прописки. Кроме этого, Вы, Эдуард Вениаминович,

мудрый человек. Я бы лично предложил Вас короновать". Выдвигать, стало быть, начал Эндика. Лимон говорит - я, мол, недостоин, есть бочина - по молодости нах*ярил пару книг с аморальными сценами. Тот Паша тонко травит - ху*ня, мол, такой-то за изнасилование сидел - и Вором стал... Лимон не уточняет, что в тех книгах аморальных его самого в жопу е*ут, Эдичку... Скажи такое Паша при людях: человека под вопросом, то ли пидора, то ли нет, неясного человека, на Вора двигать - пострадал бы Паша, да и Лимонов, до кучи. И не стесняется описать это всё, Пашу святым называет, юродивым. Тот над ним замолаживается, этот его святым называет.
Или вот - Морда, восемнадцать отсиженных, три класса образования. Подъехал на извините-пожалуйста: "Как у Вас дела, Эдик?" Да кто к кому на Вы в тюрьме обращается? Такого нет и не было, прикола ради только. Выяснилось, что и книги первые читал, и понравилось ему. Где он, бля, их читал - их и на воле не все читали? Вот если бы не ваша редакция - я б и не знал за Эндика. Понравилась Морде книга, как в Америке от какого-то фраера жена ушла, и он всю книгу скулит. Да Морда знать не знает, что такое жена, и где эта Америка, некогда ему было - всю жизнь сидел. А первая книга была как раз про е*лю в жопу и прочее - "Это я, Эдичка". Подъё*ывал его Морда: "Вы умный человек, Эдик, таким не место в тюрьме." Кипешевать зеки начали в воронке - прикола ради Морда стал волать "Свободу умному человеку" - так, что Лимонов даже расчувствовался, "в глазах защипало"...

Корр.: - Ну ведь он в самом деле не уголовный авторитет, Лимонов, можно и пошутить над ним, беззлобно.

Вован: - Базара нет, можно. Только нах*я он это всё в книжке пишет? Сам себя опускает нах*я?

Корр.: - Затрудняюсь ответить, Вован.

Вован: - Да потому что не рубит, какой он смешной, полупокер в тулупчике... Думает, что это всё писать можно, что это просто ха-ха, как он там в Париже привык...
Потом - он в жизни нашей не рубит вообще, хотя два года проплавал по тюрьмам. Морда, матёрый, по Лимонова разумению - вскрыться не может в зале суда, мол, это малолетка может, а Морде - нах*я? Да по приколу, вот нах*я, а то и на дурку закосить. Там срок ломился пятнадцать лет, он их и получил по оконцовке, Морда этот.
Все его тюремные кенты, кто хоть как-то по жизни не овца и не демоны - все его по чуть-чуть подкалывают, прикол тянут. То Прохор какой-то просит в партию принять, после того как осудили - "бери, мол, меня в партию, Эдик, времени много теперь для партийной работы. Да, смерть!", то на Вора выдвигают, то погоняла дают несерьёзные старому деду.

Корр.: - То есть - в целом книга Вам не понравилась?

Вован: - Почему это? Книга полезная, всё, что он там про власть пишет - правда. И про то, что она нас судить не имеет права, эта власть негодяйская, и про пытки, про мусоров, про судей беспредельных, у которых двадцать лет срока - как здрасьте, - всё правда. Лимонов смотрит на мир как зек, правильно смотрит, не как чистоплюй, "меня по ошибке - а вас за дело". Честный фраер. Другое дело, что он не вникает, а лезет. Просидел весь срок на краснючих тюрьмах, Воров не видел в глаза - и судит, куда блатной мир катится, что в нём поменялось, Воры уходят, другие приходят. Это ведь со слов всё, у него ходка первая, сидел понты, ерунду, а выводы делает, и на весь мир кричит. Наглец он - лезет судить то, в чём не понимает.

Корр.: - Какие ещё фактические ошибки у него?

Вован: - Он там про дедовщину пишет - как старшие зеки над молодыми замолаживаются, гнут их, обламывают. Вывод делает - что в тюрьме, как и в армии, дедовщина.
Нет на самом деле никакой дедовщины, если кто и допускает - с такого барбоса и спросить можно, если попадёт туда, где люди правильные есть.
Пишет, что от статей многое зависит - есть статьи уважаемые, а есть и не уважаемые. Вот смотри : "А 205-я, 208-я, как у меня и у Сереги Аксенова, в сущности, образуют терновый королевский венец предъявителю их. 209-я - бандитизм - серьезная статья или 210-я - организация преступного сообщества - очень серьезная." Всё так - только у нас по личности смотрят - статью любую можно привесить, была бы шея - хомут найдут. Так что клоун или пидор уважения не вызовет, даже если у него самые мрачные статьи.

Корр.: - Время заканчивается, сейчас нас выводить будут со свидания. Скажите пожалуйста, как Вы оцениваете перспективы партии НБП и самого Лимонова?

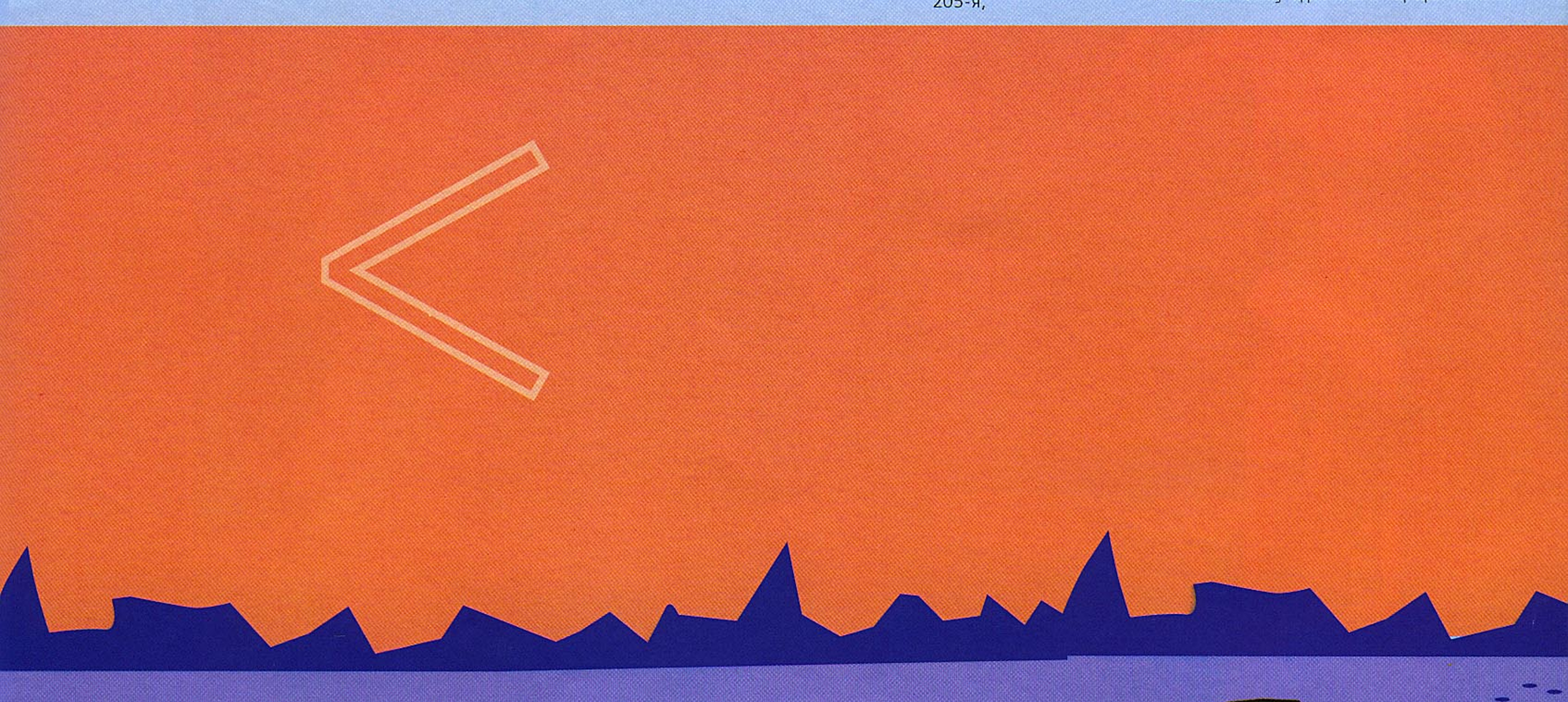
Вован: - Да как оцениваю... Никак. Дело их гиблое, но интересное. Уважаю пацанов - то в морду маргарином министру, то яйцом в лоб засветят Михалкову. Молодчики. У нас таких называют "беспонтовый деловой" - движения много, а ни денег, ни продуктов питания... Ну и разочарований у них не будет, как и власти - для власти надо, чтоб кто-то типа Ленина в партии рулил, а Лимон - фраер. Но - честный фраер, и не мусор.

Корр: - Спасибо Вам большое, Вован, за содержательную беседу. Гонорар мы сейчас передадим. Что передать в редакцию, просьбу какую-нибудь?

Вован: - Передай, чтобы в следующий раз не тебя присылали, а журналистку какую-нибудь, с фигурой. И не через стекло, а на личное свидание, договориться можно. А то поклонницы - поклонницами, письма пишут, но даже фотки не прислали, устал я уже на их адреса дрочить.

Передав через прапорщика сумки с чаем и сигаретами, мы выбрались, пройдя пять металлических дверей, на свободу. Смеркалось, правильно писал великий Довлатов, "на севере темнеет рано, а в зоне - особенно", впереди ещё была фронтовая дорога...

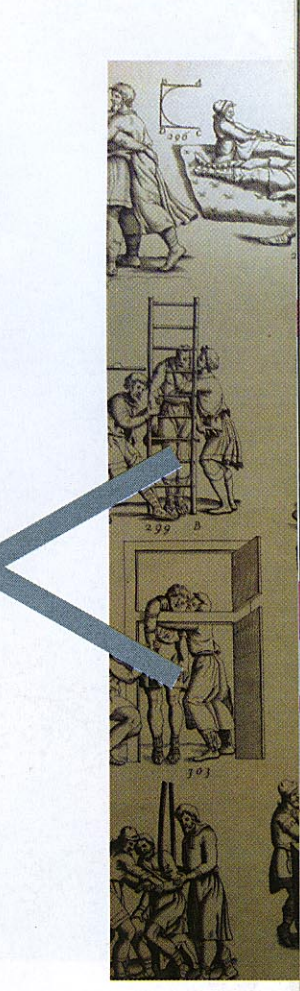
Записал беседу корреспондент **Серафим Шмякин.**

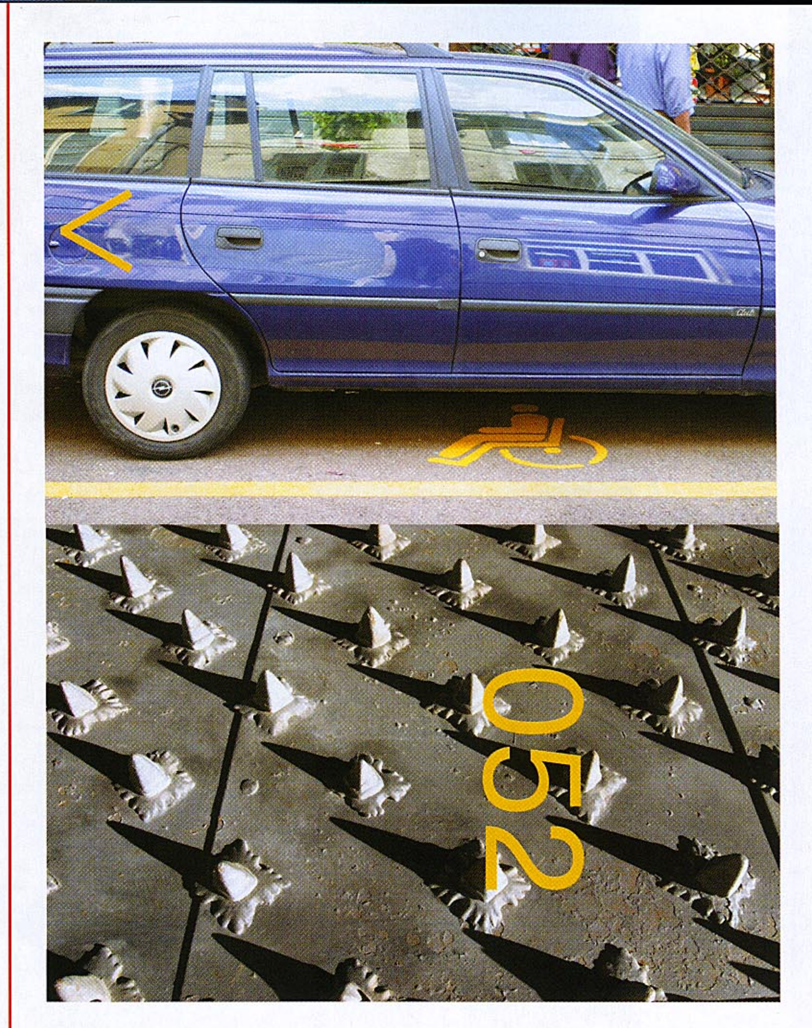
ita
liano vero

фото александр кадников <kodak67@mail.ru>

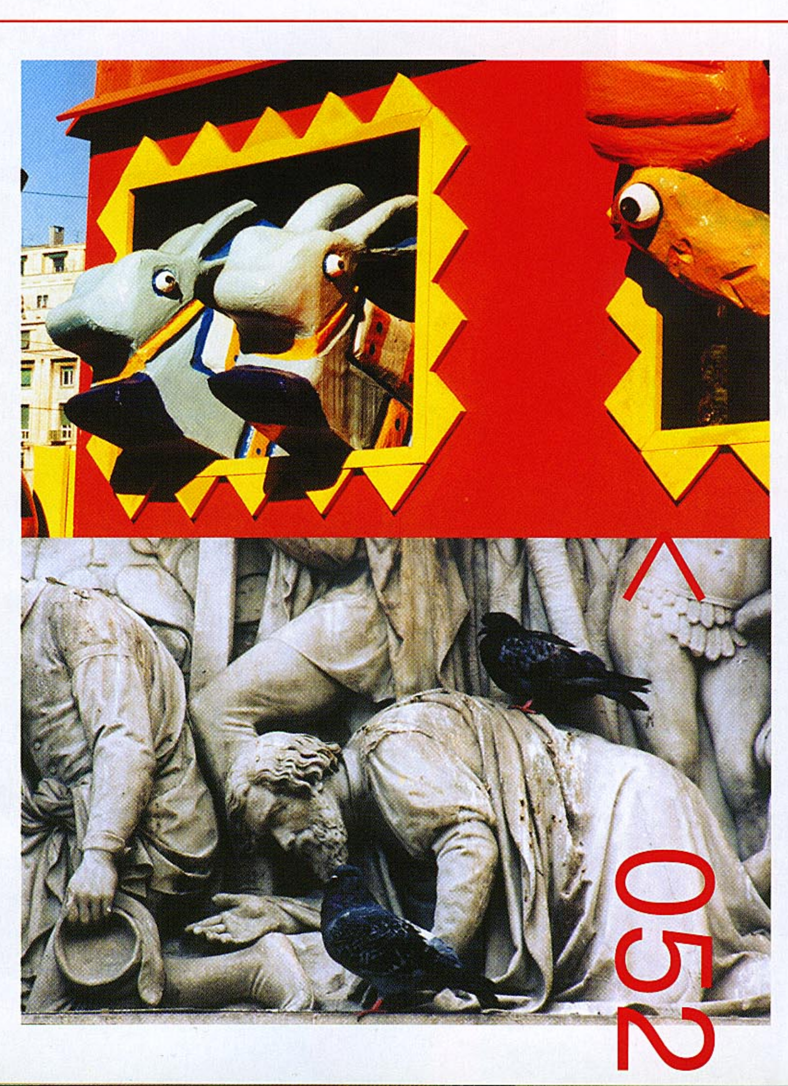

052

052

052
PROIBITO L'INGRESSO
PERICOLO DI MORTE

052

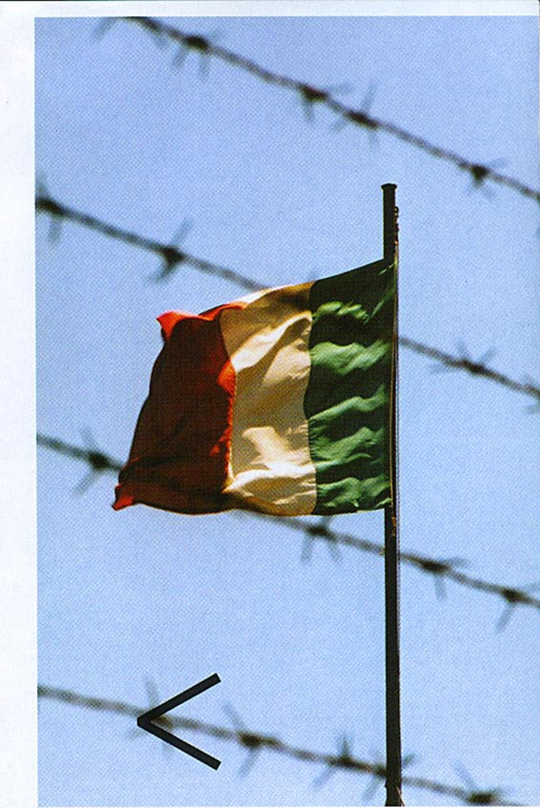

фото:александр кадников<kodak67@mail.ru>

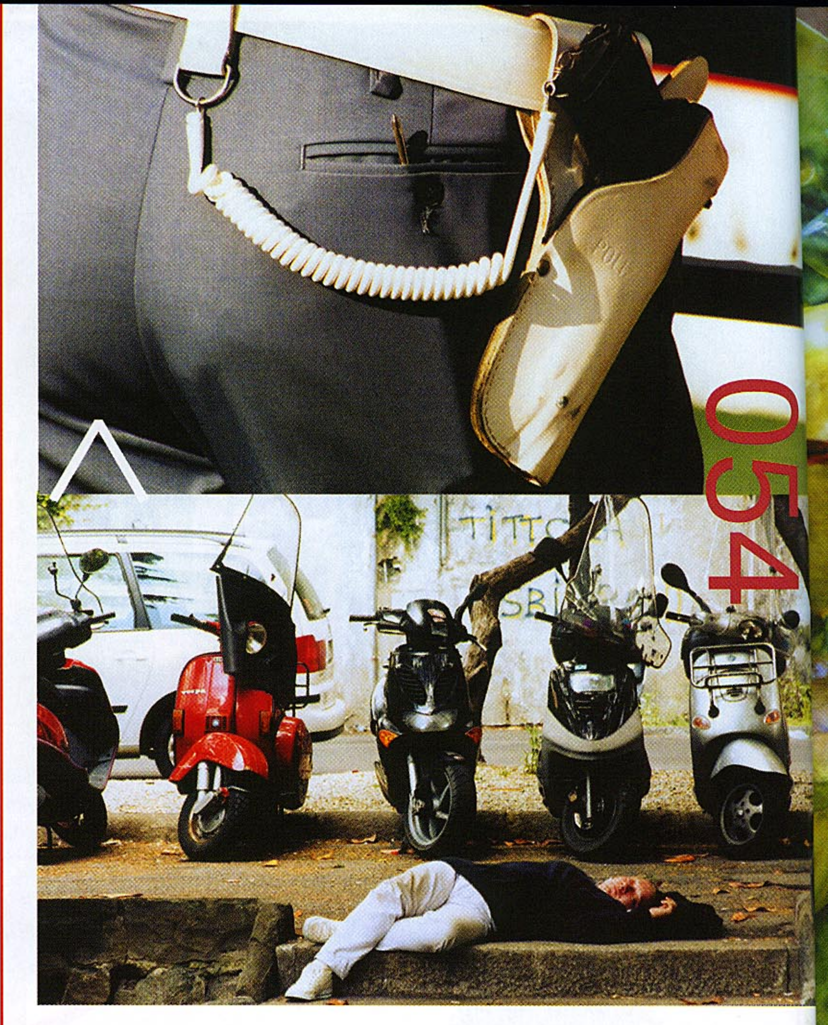

фото:александр кадников<kodak67@mail.ru>

055

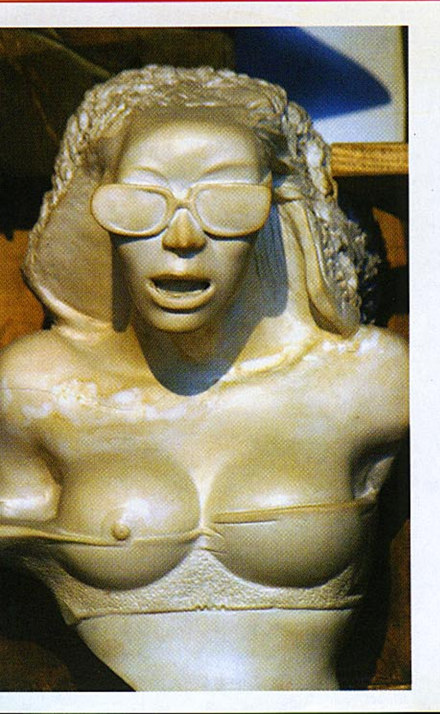
055

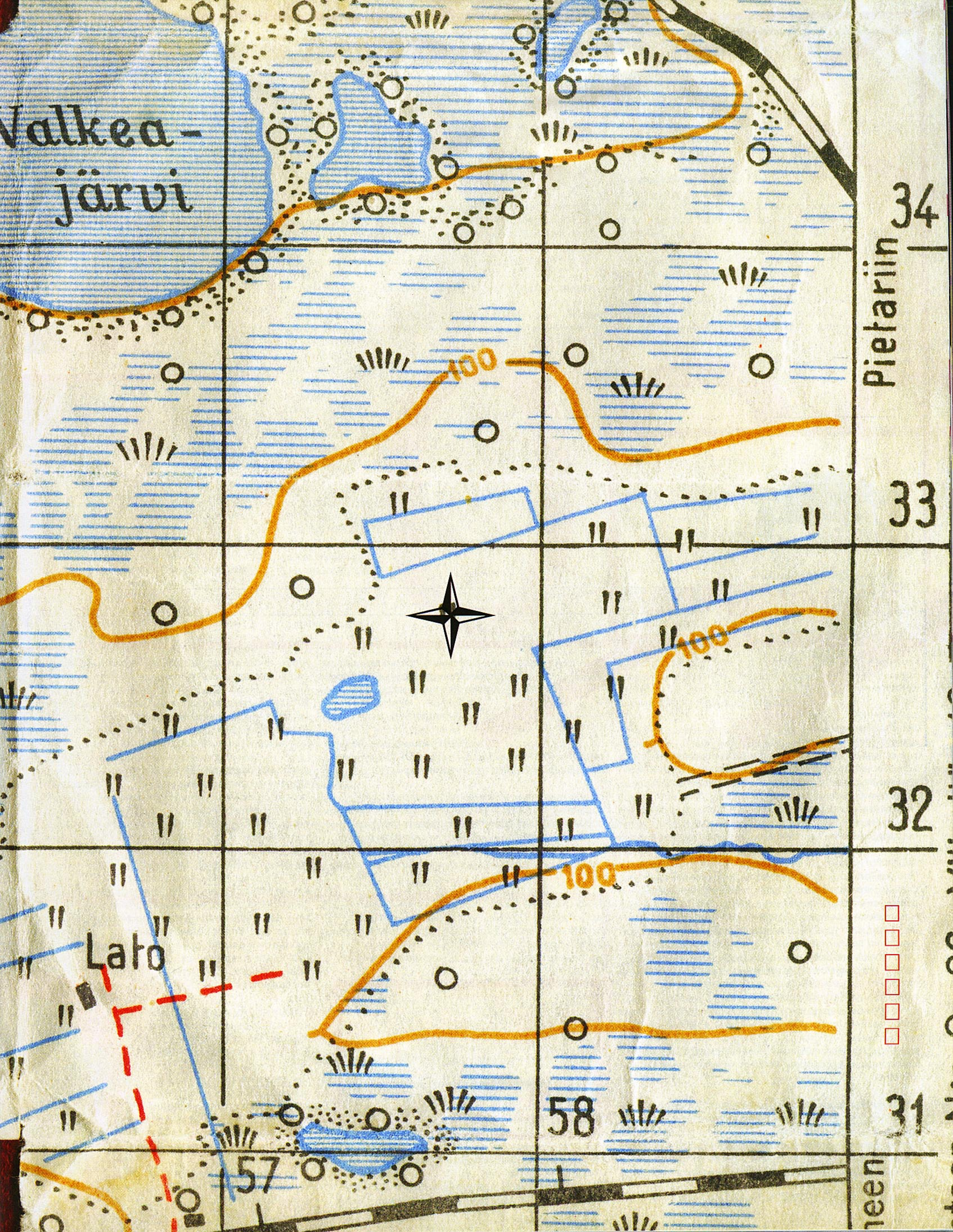

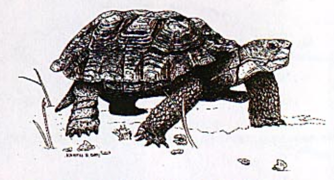
По своему обыкновению известный очернитель действительности А.Кадников и в Италии нашел и наснимал немало всякого негативу. Возмущённый итальянский народ выдворил незваного гостя, и, поскольку такого человека ни одна нормальная страна на свою территорию не пустит, ныне он пробирается домой нелегально – пешком, лесами и болотами. В данный момент постоянный фотограф журнала НА!!! находится в месте, обозначенном на карте справа крестиком. Продукты и тёплые вещи слать на адрес редакции.

Valkea-
järvi
Pietariin
34
33
32
31
100
100
100
Lato
58
57

идет загрузка заголовка к статье

tortoise

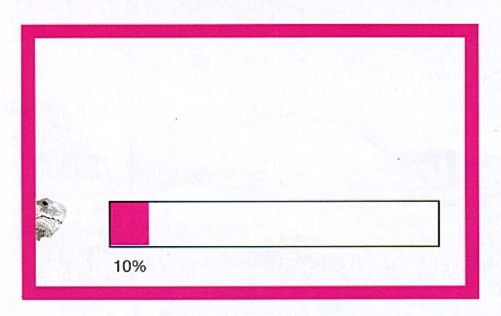
8%

Едва держась на ногах, симпатичная девушка пыталась протиснуться поближе к сцене. Там царила неимоверная давка. Время от времени над толпой поднимались бенгальские огоньки - чтобы не прожечь одежду на себе и окружающих, курившие были вынуждены протягивать руки с зажженными сигаретами вверх. "А что это за группа, и почему на них собралась такая куча народу? - прокладывая себе локтями путь сквозь активную биомассу, спросила девушка. - Мне предложили, я и зашла..."
"Это же Tortoise, они сделали для современной музыки столько, что... В общем, в двух словах не объяснишь", - решил не метать бисер перед дилетантами один из маньяков-меломанов, стоявших в зале уже не первый час. Девушка с удивлением посмотрела на него, загадочно протянула "даааа?.." и отправилась в сторону бара. Больше на нее никто не обращал внимания, все нервно вслушивались в звучащую со сцены музыку. Откуда-то сзади пьяные голоса на ломаном английском требовали слабать им построк, кто-то отлучался за пивом, чтобы, вернувшись, обнаружить, что пробраться на прежнее место уже решительно невозможно.
В московском клубе "16 тонн" начинался первый и единственный российский концерт чикагской группы Tortoise.

Tortoise придумали построк. Точнее, построк возник в сознании слушателей в связи с их творчеством. Они просто сочиняли и записывали музыку, но в какой-то момент, в середине девяностых, их музыка неожиданно оказалась дико востребованной, а сами Tortoise стали восприниматься не иначе как основоположники нового музыкального направления, получившего название "postrock". Хотя музыканты частенько признаются, что до конца не понимают, что же вкладывают в это слово придумавшие его критики. Хотите узнать о построке побольше - почитайте "Музпросвет" многомудрого и красноречивого г-на Горохова. Страницы 253, 254, 255, 257, 258 и особенно 259. Он знается на этом деле...

Tortoise прилетели в четыре часа вечера и сразу отправились в "Тонны" на саундчек, их сопровождающие заснули на тигровых диванах в обнимку с паспортами - уже в пять утра им нужно будет улетать в Австрию продолжать европейский тур в поддержку последнего диска группы "It's all around you".

Этажом ниже на бизнес-ланч собрались сливки middle class'a Красной Пресни. На плазменных панелях крутили флэшбеки с Евро-2004, официанты брезгливо наливали пиво, а посетители были вынуждены пережевывать свою еду под доносившиеся сверху

обрывки треков чикагских построкеров.

"Я торчу у "Тонн" с 12 часов, мы с другом принесли все альбомы Tortoise, ему удалось протиснуться к сцене, чтобы после концерта взять у них автографы", - нервно сообщал окружающим один поклонник.

Я сидел внизу, ожидая окончания саундчека, - было необходимо проявить сноровку, так как сразу после него американцы планировали перекусить и уехать в гостиницу - немного поспать перед концертом.

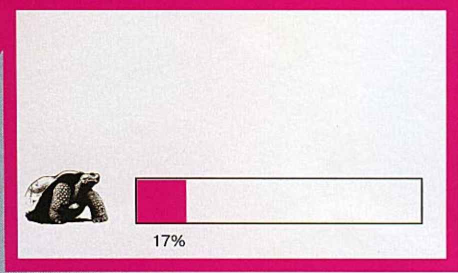
И вот музыканты заходят в зал, плавно передвигаются в сторону веранды, промоутер клуба Паша Камакин долго просит официантку принести меню на английском. Вместе с техперсоналом их оказывается человек двадцать пять, и они равномерно заполняют все пространство вокруг трех сдвинутых столов. Камакин дает на интервью пятнадцать минут, громко сообщает об этом Tortoise и пододвигает стул для меня.

Кто-то просит сигарету, ее передают через весь зал. "Мы с другом ждали этого момента девять лет! Девять лет! Мне даже не верится, что это происходит", - твердит все тот же фан. Более безразличные к творчеству Tortoise забираются с коктейлями на столы для меню и курят. Кто-то все еще пытается протиснуться к сцене, стены покрываются потом.

"Здравствуйте, меня зовут Леша, я хочу взять у вас интервью для журнала НАШ", - натужно улыбаюсь я, передавая Дэну Битни номер журнала. Он заинтересовался обложкой, пролистал несколько страниц, наткнулся на картинку с крылатой задницей и начал показывать ее остальным жующим участникам группы.

"Итак, первый вопрос, - я пытался как можно быстрее выложить свои наивные вопросы,

составленные накануне. - Российская музыкальная пресса больше писала о вашем предстоящем выступлении, нежели о вашем последнем альбоме. Многие журналисты прямо или косвенно намекали на то, что вам больше нечего сказать, что группа не в состоянии изобрести что-либо свежее и радикальное. Что вы думаете по этому поводу? Согласны ли с теми, кто считает, что новый диск принципиально не отличается от предыдущих?" - я протянул Дэну диктофон и расслабился, теперь была его очередь реагировать на происходящее.

"Ааа... хмм.. это тяжелый... да, тяжелый вопрос, слушай, тебе нужно поговорить с Джонни, потому что у меня нет никаких мыслей!"

На растянутом за сценой экране начали появляться первые образы, музыканты встали на свои места, зал приготовился...

Джонни Херндон устало пересаживается на место Дэна, и я повторяю ему свой вопрос.

"Ааа.. хорошо.. так.. я думаю, что, по большей части, мы просто концентрируемся на том, что важно для нас, и продолжаем делать музыку, которая провокационна и интересна нам самим. Мы пытаемся работать настолько хорошо, насколько это возможно, и, понимаешь, мы уже давно не молоды, но я думаю, что все же мы продолжаем становиться лучше и лучше". Музыканты налегали на салат, но Джонни оставалось только стоически глотать слюнки - от тарелки с едой его отделял разговор со мной. Кто-то перелистывал номер журнала, официанты постепенно приносили заказ, а мы пытались беседовать, хотя общая атмосфера этому не очень-то способствовала.

"И все-таки: считаете ли вы, что в последние годы музыка Tortoise эволюционирует или она постепенно превратилась в медитативные студийные эксперименты?"

"Хм, а сам-то ты, что по этому поводу думаешь?"

"Затрудняюсь сказать... Я пока так и не определился со своим отношением к вашему новому альбому".

"Мне тоже очень непросто вот так вот прямо взять и все тебе сейчас про это рассказать... На самом деле, меня это не так сильно и заботит, мы просто делаем то, что нам хочется делать".

"Вообще-то, меня это тоже не очень беспокоит, просто в контексте вашего героического прошлого хотелось это узнать..."

"Понимаю..."

Tortoise начинают играть, у музыкантов невозмутимые лица профессионалов, занятых привычным делом, они почти не реагируют на присутствующую публику, сосредоточившись исключительно на своих инструментах. Зрителям - помятым, вспотевшим, потерявшим всякую надежду разглядеть хоть что-то поверх голов впередистоящих - остается одно: слушать музыку. Собственно, для этого они сюда и пришли.

"Хорошо, можно пойти по другому сценарию. Недавно один британский журнал делал спецпроект: они составили список 100 лучших фильмов (по мнению редакции) и сравнивали эти фильмы с известными рок-песнями - например, "Голову-ластик" Линча они приравняли к "Now I Wanna Be Your Dog" в версии Sonic Youth. С какими лентами ты бы сравнил общее настроение музыки Tortoise? Может, это имена режиссеров или уже существующие картины..."

"Ну, мне трудно выделить какие-то конкретные имена, режиссеров очень много. Я... то есть мы... очень любим кино, ну, первое, что мне приходит на ум - это Акира Куросава. Из недавних мне очень понравился фильм "Трудности перевода"..."

"А первый фильм Софии Копполы?"

"Да, он тоже замечательный... Вообще-то, их гораздо больше... просто мой мозг мертв, я туплю и не могу больше никого назвать... Может, в другой раз... А!! Вспомнил! Еще Вонг Кар-Вай!!"

К середине концерта число слушателей сократилось почти наполовину - похоже, все случайные посетители "16 тонн" сбежали, не выдержав построковой мощи Tortoise. Зато оставшимся поклонникам группы наконец-то удалось сделать вдох полной грудью и встать на обе ступни.

14%

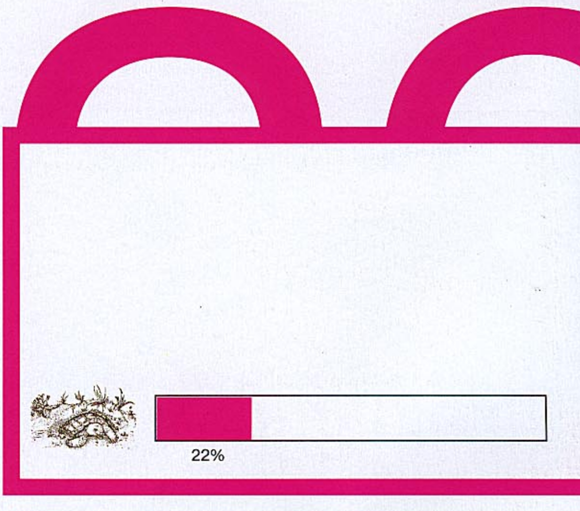
"Думаю, можно продолжить эмоционально-музыкальную тему... Вам нравится, когда вас сравнивают с чем-то схожим по настрою, но уже не с фильмами, а с какими-то другими командами?"

"В целом, я этого не люблю, но по большому счету мне опять-таки на все это наплевать... Я не знаю, с кем нас сравнивают, и во что это перетекает..."

"Мне часто приходилось слышать, как вашу музыку сравнивали с музыкой Radiohead; к слову, здесь, в России, многие воспринимают Tortoise как эдаких усложненных Radiohead..."

"Я не слишком знаком с их музыкой, но то, что я слышал, мне очень понравилось".

Несколько раз выйдя на бис, Tortoise окончательно попрощались с московской публикой. Их место на сцене и в клубе заняли какой-то ди-джей и совершенно другая музыка...

"А откуда вы черпаете свой настрой - то есть, с чем его сравнить, мы уже поняли, а продолжением чего он является, т.е. что ты слушаешь, читаешь, какое это производит на тебя впечатление?"

"Что я слушаю?.. Хм, столько много, что всего и не упомнишь... Давай я лучше назову то, что слушаю сейчас, во время нашего тура... Несколько пластинок Бада Пауэлла (Bud Powell (1924-1966), знаменитый американский джазовый пианист - прим. ред.) - "The Amazing Bud Powell, Vol.2" и "Time Waits", одну death-металлическую группу из Норвегии, с которой мы вместе играли, но у нее такое трудное название, что я его и не выговорю... Ну, и многое другое... Впечатление разное... Сам понимаешь... Все сооовсем разное... Кроме того я почти не читаю художественную литературу, разве что сборник эссе, посвященных истории джаза. В основном, я читаю биографии. Биографию группы "Крафтверк", например, "I Was A Robot"... Ну и все в таком духе.. Здесь тоже трудно что-то сказать, не могу сформулировать, я думаю, ты сам понимаешь, где можно узнать ответ..."

"Дааа... Ну и еще хотелось бы узнать, как проходит ваш тур. Было что-нибудь интересное за это время?"

"Да, много интересного было. Например, у нас было очень странное выступление в Загребе, еще мы давали необычный концерт с Lambchop возле Национальной галереи в Берлине, потом пять концертов с этой норвежской группой, о которой я уже говорил, нам было очень приятно видеть их на сцене - в общем, масса всего интересного".

"А хотелось бы поработать с кем-нибудь, например, с теми же самыми норвежцами?"

"Да много с кем хотелось бы поработать, со всеми, кто делает в музыке что-нибудь неординарное... Ну и с ними, естественно, тоже... Ты придешь на концерт?"

"Конечно".

Алексей Лайфуров

фото:позитиве растаманвибратион,<newglory@ua.fm>

"Баррикады в

Отрывок из повести

93

Ты приходишь на зачет по истории и ставишь, извинившись, свой мегафон на подоконник. Его больше некуда деть. После зачета тебе на митинг очень срочно. Профессор, пока готовишься, рассматривает наклейки на мегафоне - Красное немецкое радио, британский "Рок против капитала", товарищ Мао, Фронт Освобождения Палестины, полковник Каддафи, журнал "Потлач", флаг Северной Кореи, короткий автомат в пятиконечной звезде с буквами RAF, Курдская рабочая партия, Че Гевара, Индустриальное Товарищество Рабочих, герои радикальных комиксов в стремных шапках, с бомбами. Ты кладешь перед ним зачетку. Задав пару вопросов по крымской войне и новгородской республике, он искренне интересуется, что ты делал в девяносто третьем октябре, то есть год назад? Ты

былое и думы
моей жизни"

отвечаешь в двух словах. Глаза профессора оживают. У вас оказывается много совместных воспоминаний. Стрельба на Крымском мосту, Останкино... Вы ненадолго забываете про зачет, перебивая друг друга. Отличная возможность списать с конспекта для тех, кто сейчас готовится. Потом ты вешаешь мегафон на плечо и выходишь. Историк жмет тебе руку. Ты чувствуешь, как он завидует, потому что ты едешь туда - выступать, а ему ставить оценки дальше.

Если баррикады-91 были - бал прекраснодушной интеллигенции разных поколений, плюс андеграундная молодежь, то баррикады 93-его стали последним траурным парадом поугрюмевшего от реформ народа, плюс тот же андеграунд (мягкое слово "альтернатива" студенты еще не выучили). В 91-ом меня поил чаем из термоса вылитый Лев Толстой. В 93-ем к Дому Советов сошлись платоны каратаевы, но не как их хотел видеть граф, а какие они есть настоящие: с антиеврейским прищуром, армейско-уголовными наколками под тельничком и таким же жизненным опытом, сорокоградусным антидепрессантом и с топоришкой под пальтишкой. На каждой августовской баррикаде отрабатывали тактику защиты и отступления, правильную реакцию на газ и т.п. На октябрьских баррикадах больше ходили строем, стараясь, чтобы в ногу, и слушаться командира. С советскими песнями водили бесконечный хоровод вокруг парламента. Всем было велено вступить в "полк президента Руцкого" и не капризничать.

Имам Хомейни начинал свои речи словами: "Во имя Бога обездоленных!". Это про них. Сокращенные военные и рабочие, недоедающие пенсионеры, техническая интеллигенция закрывшихся институтов и конструкторских бюро. Но эстетизировать обездоленных опасно. Те, с кем хуже обращались, хуже и выглядят. Советский режим обращался с ними так себе, потому что никогда не принадлежал народу, два последних года тем более выставили их из жизни без права восстановления. Но и прошлая и будущая их обреченность выразилась только сейчас, когда демократическая романтика испарилась, парламент распустили, а самым оппозиционным партиям грозил реальный запрет.

В 91-ом обороняемое здание называли "Белый Дом". Приятная ассоциация с тем, столько раз проклятым советскими медиа вашингтонским Белым Домом.

В 93-ем защищали "Дом Советов". Ассоциация с тем, так и не построенным на месте храма Христа, оставшимся на советской бумаге, столько раз осмеянным в новой российской печати Домом со стометровой статуей Ленина на спиральной башне. В 91-ом мне нравились на баррикадах люди по отдельности, а толпа целиком - не вдохновляла.

В 93-ем обратная оптика: толпа, увиденная с большой высоты, могла вдохновлять, а вот её отдельные люди скорее расстраивали.

Я не знаю и никогда не узнаю, как выглядела толпа, штурмовавшая Версаль, защищавшая Парижскую коммуну, народ на баррикадах 1905-ого и 17-ого... То, что было тут в 91-ом, чего кому-то не хватало - романтика, теперь, из 93-его, представлялось игрушечным, стыдным, детским. Я хотел бы думать, что толпа, штурмовавшая Версаль, толпа Коммуны, толпа русских антимонархических революций сочетала в себе оба начала: социальный романтизм с нахмуренной народной брутальностью, поэтический утопизм и животную ненависть.

Кое-кого из "защитников" 91-ого, кстати, я встретил там, в 93-ем, "не вписавшихся" в новую жизнь. Как у поэта Емелина: "Победа пришла, вся страна кверху дном/У власти стоят демократы./А мне же достался похмельный синдром/Да триста целковых в зарплату". Ельцин для них оказался говнократом, и они до сих пор об этом переживали. "Тут у меня перец, - показывал в изодранную бисерную сумку один из таких, давно не мытый и нетрезво хмурый человек, - проверенное оружие, кидаешь козлам прямо в глаза". И он растопырил пальцы перед моим лицом. У меня в рюкзаке был черный флаг, который я достал из шкафа, как только телевизор сказал: "Сторонники Верховного Совета собираются к его стенам и намерены строить баррикады". "Перец" согласился "мутить" баррикаду вместе со мной, и мы пошли под памятник пролетариям, туда, где в 91-ом голодали анархисты за Родионова-Кузнецова. Я начал вкручивать арматурину со своим флагом в дёрн. Через пару минут мне уже помогали незнакомые люди в проклепанных куртках с обрезанными рукавами. Им просто понравился заметный издали флаг. Один из первых примкнувших назвался "Кымон Кымонов", а другой - "Пиздохен Шванцен". Больше всего оба любили меняться этими именами, чем безвозвратно запутывали собеседника. Играли в тяжелой группе, ищущей барабанщика. Тексты такие: "Крови больше нет - кровь всю выпил мент!". Показали нарисованную фломастером обложку: саблезубый вампир в милицейской фуражке. Я оказался не барабанщиком, чем сильно их разочаровал.

Дома у меня было свидание, но я об этом решил забыть. Она закончила с золотой медалью, училась во МГИМО, слушала "Queen", мечтала о достойных духах и одежде и строила планы отвала из страны в Объединенную Германию. Радикализм, то есть я, её "прикалывал", но она бы никогда сюда не приехала. Из ближайшего автомата, вставив спичку в монетную щель, я обзванивал тех, кто приедет. А кто-то уже и сам был здесь, не успевал я набрать номер.

Психологически, возводить завалы мне было легче, чем многим здесь. После 91-ого я научился смотреть на предметы именно с такой точки: а подходит ли эта вещь для их сооружения как материал революции или же не подходит? Ну, это как настоящий бизнесмен смотрит на всю систему вещей с позиции: а сколько это стоит, и нельзя ли это кому-нибудь продать? Есть и третий вариант: подходит для баррикады, но нельзя, т.е. штука имеет сакральное значение и неприкосновенна, уже находится в истории, как тот бетонный Павлик в этом парке, через который мы вновь идем к помойкам ближайших дворов. У бизнесменов подобное, думаю, происходит, когда продать-то можно, но тока оно уже и так кем полагается куплено.

"Приступим к сортировке мусора, - весело говорил я в сумерках сомневающимся лицам. - Берите это бревно!". Они нехотя обступали грязный обпиленный тополиный ствол. Приятно видеть: готовые строить "вообще", люди превозмогали себя в данном им судьбой конкретном случае, ради участия, а не просто "мнения", ради перехода от химер к их реализации. Сам я выбрал две большие белые двери и взял их подмышки. У дверей оказался примерно мой вес, всего качало и тянуло вниз, пока я тащился через парк обратно к Дому Советов. Надеюсь, был похож на ангела с отказавшими крыльями или на тех средневековых изобретателей, вешавших себе на руки неподъемные лопасти в надежде полететь с монастырской колокольни в грозу.

В искусстве возведения завалов за два года ничего не изменилось. Арматура и сетчатый забор опять нашлись в бесконечном количестве. Любимый анархистами принцип "Do It Yourself" на уровне городской архитектуры. Устраивать "не пройти - не проехать" так же просто, как играть в панк-группе, исповедовать малоизвестный культ или писать загадочные стихи - не нужно ничего, кроме желания. Вот только людей за первые сутки почти не прибавлялось. Все те же пять-семь тысяч. Самые политизированные аутсайдеры города, из которых под мой флаг извлеклось около сотни молодых неформалов. "Записывайтесь в сотни!" - кричал Анпилов в мегафон с балкона. Но все, кто хотел, давно записались. - "Очень нужны люди! Женщины, не стойте, берите мужчин за руки, ведите их сюда записываться!". Его соратник Гунько призывал что-то штурмовать, пока не начали штурмовать нас. Никто никуда трогаться не спешил.

Командовать нашей баррикадой вызвался панк по прозвищу Падаль. Я держался принципа: никакой власти ни себе ни другим и поэтому согласился с его "условным руководством". Состояло оно в том, что Падаль иногда ходил внутрь Дома Советов и возвращался с бутербродами и чем-нибудь вроде: "Наша задача держать эту ограду парка - когда начнется штурм, полезут прямо через неё". Все минуту-другую с опаской пялились на ограду, затем тянулись к бутербродам. К той же ограде ходили отлить. Падаль брал гитару и пел "Человека и кошку" Федора Чистякова. Это довольно депрессивная песня. И она отлично подходила к обстановке. Топливом этой обороны Дома была не эйфория, а подавленность и отчаяние. Ещё пел крупный парень из рок-группы "Русская правда": "Янки, катитесь домой" и что-то интересное про вандализм, за или против, я не понял.

"Давай бабушка, я тебя косяки забивать научу", - шутил анархист Костенко со сталинской старушкой, увешанной как ёлка серьезными медалями и несерьезными значками.

- За что вы выступаете? Ваша цель? - строго спрашивала елка.

- Всеобщая забастовка, - нашелся кто-то.

- Без требований! - добавил другой голос, вызвав дружный анархический смех.

- Чтобы каждый обходился своей головой, - объясняли ей по-понятному.

- Голова была у Ленина, у Сталина, а у тебя сундук! - не сдавалась звенящая бабуля.

- Дяденька, дай пострелять, - клянчил малолетний ирокез по прозвищу "Ингредиент" у казака, гулявшего с автоматом АКС на плече.

- Дай уехала в Китай, - находчиво отвечал казачок и сверкал лампасами дальше.

- Хочешь автомат, езжай в Приднестровье, - уже вполне серьезно советовали Ингредиенту знающие люди.

Девочка, на вид лет десяти, с цирковой вычуренностью крутила в руках два советских флага и кричала как заклинание: "Ма-ка-шов! Ма-ка-шов!". Интересно, через сколько лет эта фамилия потребует объяснительной ссылки? В который раз проходил мимо, расхваливая свою газету "Дубинушка", смазливый блондинчик в новеньком камуфляже. Родись он в Штатах, был бы звездой модного гей-клуба, а то и голливудской, родись здесь лет на двадцать раньше, играл бы царевича в детской киносказке. А нынче вот "Вся правда о евреях" у него в руках. "Изнеможденный", - писала одна из таких газет о народе. Я запомнил это слово. Нас окружали, в основном, красные, советские знамена, на некоторых гуашью был наивно выведен лик Христа. Поменьше было монархических. И, как в песне про "Варяга", андреевский: перечеркнутая заранее чистая страница, что на ней не напиши. Верхом юмора у костров были недавно изобретенные "дерьмократия" и "прихватизаторы". С новыми правыми установились разные отношения. Мой сокурсник Макс, денди и нацист, плюс его старший товарищ, оба в черном, пристроились к нам вместе со своим замысловато-руническим флагом. Вдвоем они представляли какой-то "Фронт национал-радикалов" и никому тут не мешали, тем более, что первую ночь вся анархистская баррикада пила баночное пиво на их деньги. Бегали до "Краснопресненской" в ларек.

"Революционный туризм!" - отмахивались нацисты, когда леваки расписывали им размах экологических акций на рельсах Германии. "Пиво, свастика, футбол!" - ответно острили красные, если нацисты рекламировали волну недавних расистских погромов в той же стране. Каждый нёс свой край. И клали, наконец, на арматурные растопыры полую афишную тумбу, оклеенную безобидными "Известиями".

Показывали пальцами друг другу прошедшего вдалеке "живого Лимонова".

"Похож просто", - говорили самые скептики. Идеологический альянс будущей "Лимонки", шокировавший столь многих, рождался именно здесь: молодые ультрас слева и справа легко шутили друг над другом и готовы были действовать вместе. "Лимонка" поднялась на этом общем ощущении. Против Системы, общего врага,

одержавшего тотальную мировую победу в реальности и умах. Но на базе чего, кроме отрицания расплывчатой "Системы", такие противоположные люди могли вместе нести бревно? На базе тяги к Иному, намеком на которое и было строительство баррикад. К Иному, которое не поддается исчислимости и не тиражируется в пропагандистских образах. Ведь нельзя построить две одинаковых баррикады.
К Иному Бытию, без "говнократов", "сионистов", "компрадоров", "русофобов", "масонов", "демократов", "мироедов", "шпионов", "ставленников". Античное слово "олигархи" ещё не вошло тогда в ругательный обиход. Все попытки уточнить, без чего должно быть это Иное Бытие, заканчиваются гротескной ерундой, ведь баррикада не имеет плана-чертежа и строится из чего придется.
В конечном счете, на базе воли к бытию без бытия и его оскорбительных законов. К Иному, которое наша лексика не ухватывает, а только намекает, потому и стала столь маргинальной, не важной для ловких "экономических человеков". Это постмодернистское ощущение условности языка твоей идеологической группы и признание безусловной первичности действия объединяло молодых анархистов, нацистов, троцкистов, сталинистов-комсомольцев, казаков и примкнувших ко всем ним не состоящих нигде студентов, гревшихся у костров, почти достававших одинаковым пламенем до таких разных знамен. Только те, кто был старше тридцати, относились к себе столь серьезно, что не могли перешагнуть через различия. Советский Союз, Коминтерн, Русская Империя, Третий Рейх, Гуляй-Поле, Казачья Вольница - убогие, конечно, представления об альтернативе, но вина за убогость - на тех, кто создает и предлагает людям эти самые представления. Других предложено не было, а изобретать сам способен не каждый. Радикальной молодежью эта убогость, сознательно или нет, ощущалась. Она видела в любом из этих исторических названий лишь призму-метафору, рассеивающую здесь нездешний свет безымянного Иного, лишь шанс попадания в общество, где люди заняты делами ради самих этих дел, а не ради внешнего, отчужденного, принуждающего "стимула", где результат не подменен прибылью.
Немногочисленная молодежь на баррикадах как бы говорила: "Посмотрите на нас, хотя бы по телевизору, мы хотим Иного, о котором вы не умеете даже подумать, невыносимо неуместного. Иного, в сравнении с которым вас и ваших жизней просто нет и не может быть. Вы скажете, что то, во что мы верим, то, что означают наши флаги, давно уже кончилось или наоборот, будет когда-нибудь очень нескоро, а мы вот готовы защищать это сейчас, здесь. Оцените хотя бы наш жест, мы готовы за него пострадать". Некоторым из них оставалось жить две недели. Они навсегда останутся здесь. В Студенецком, Глубоком, Капрановском переулках утром четвертого октября их догонят крупнокалиберные БТРовские пули. Рассвет этого дня так никогда для них и не закончится.
- Что с ними? - спросил я однажды во сне у всезнающей темноты.
- Теперь райский металл, - отвечала тьма, - только райский металл.
Я думаю, ответ как-то связан с посмертным превращением героя в волшебный меч - тема рыцарских мифов многих культур. И ещё, это мог быть криво переведенный во сне моим, почти не знающим английского подсознанием "хэви металл", как "хэвэн". Но это всё дневные объяснения.

С баркашовцами дружить не получилось. Их пост был рядом, часто подходили, все время пили и предлагали водку, желая понравиться, откровенничали, как недавно "ломанули аптеку" на благо организации. Всё время интересовались, где наш "батько", раз мы анархисты? С ними связался только малолетний Ингредиент, соблазненный халявным камуфляжем, но через полчаса вернулся в соплях-слезах. У баркашовцев его сразу начали физически учить жизни, уважать старших и всё такое. По ощущению они ничем не отличались от ментов.
- Я чувствую, что защищаю брежневский режим, - брезгливо, сквозь зубы, говорил нацист Макс, если у Дома Советов заводили песню "Мой адрес не дом и не улица, мой адрес - Советский Союз!". В ответ из агитировавшей всех разойтись по домам желтой "ельцинской" машины громко включали: "Путана-путана-путана, ночная бабочка, ну кто же виноват...". Мы прослушали эту "путану" не одну сотню раз. Не лучший способ умиротворить восставших. Машину прозвали "желтым Геббельсом", депутатам, которые покинут здание, она обещала льготы. Стояла у мэрии, то есть под домом-книгой, через дорогу от нас, защищена милицией, и говорила всё, чтобы однажды её сожгли.
- Каски строительные не нужны, ребята? - с надеждой предлагал какой-то активист-коммунист, сам уже в каске. Жаловался на то, что с другой стороны Дома, у реки, казаки не дают строить. Не верят в штурм.
- Нам, комсомольцам, съезд сейчас запретили, - жаловался мужик, - подпольно проводим. Возраста он был совершенно не комсомольского. Ещё нахваливал очки для бассейна "от газов". Мы отказались. Я спросил, как он оценивает социальный состав собравшихся.
- Производящие классы, - оглядываясь, доложила каска, - но многие в пенсионной или предпенсионной стадии...
В стольких лицах читалась одна тоска по советской Атлантиде и её канувшим бесплатным чудесам, казавшимся ещё вчера такими обычными.

Вот я снова ночую здесь, у этого Дома ("Площадь Свободной России" официально называется), на досках забора у своего огня. Почему мне здесь так хорошо, хоть и зябко? - спрашивал я себя. Лучше, чем в любом магазине, музее, галерее, клубе, редакции... Может, потому что я в детстве строил такие вот завалы во всю комнату. Кувырком игрушки, книги, стулья, взрослые вещи. Ни бабушка, ни мама не ругались, считалось, я "развиваюсь". Если спрашивали: "Что ты построил, крепость?" - я отмалчивался или называл это красивым словом "руины". Мне не нравилось воображать что-то на месте этих вещей, но нравились сами эти вещи в их перевернутом, не положенном, не сочетаемом состоянии. Закопавшись в хаосе "игрушечных" и "настоящих" предметов, я засыпал, и только тогда меня можно было перенести на кровать. Может быть, отсюда эйфория при виде баррикад? Похожие эмоции только от обгоревших или просто обглоданных временем автомобильных скелетов.

В одну из первых ночей мне запомнилась тревожная фигура, которую я никак не могу истолковать. В светлом кожаном плаще с элегантной, но не интеллигентской, скорее коммерсантской или даже иностранской, бородкой он приблизился вплотную к баррикаде и рассматривал нас, как будто мы в телевизоре, а он - у себя дома. Ингредиент спросил у подошедшего сигарету.
- Ну на, покури, большевичок, - после долгой паузы отозвался незнакомец и метко бросил ему открытую пачку. Казалось, он хочет добавить "в последний раз". Он мог быть кем угодно. Бизнесмен, приехавший посмотреть на "красно-коричневых", или даже прибывший по делу из Израиля или Штатов, а тут такой цирк, когда ещё своими глазами? Любопытствующий сотрудник спецслужб? Богатый расист, для которого мы - пролетарии не в марксистском (за счет которых все живут), а в древнеримском (которые живут за счет всех) смысле? Журналист демократической газеты или иностранной радиостанции?
- А вы большевичков, видимо, не любите? - не вставая с куска забора, поинтересовался я.
Не ответив, холеным и умным лицом он изобразил брезгливую снисходительность. Ещё посмотрев за нами, как смотрят жизнь мартышек в вольере, поплыл дальше между ночных баррикад. Я мог бы сказать ему про убогость альтернатив, распределение-потребление, осознание коллективной силы и прочее, но он говорил, только если хотел, а с нами не собирался. Кто это был? - и сейчас иногда с тревогой спрашиваю я себя. Кто это был? Как будто в ответе есть важнейшая разгадка.

Лагерь у баррикад кашлял и заливался соплями. Почти всегда шел дождь с мелким мокрым снегом. На ночь людей группами запускали в здание поспать, но не охотно. Там делались важные дела, при свечах заседал так и не распустившийся парламент. Принимались всё более отчаянные решения. Днем у подъездов гордо стояли люди в штатском, но с выправкой и автоматами. Они ни с кем не общались. Сделав крыши и шалаши из клеенки и зонтиков, баррикадники чистили картошку, варили яйца. Никто, даже те, кто с иконками, не верили в Патриархию, предложившую провести переговоры на своей территории. Сюда перетусовалось с киевского вокзала немало бомжей. А вот бродячих собак, как в 91-ом, не было. Их съели эти самые бомжи за два года экономических реформ. Если новости и были, то грустные. Баркашовец пообещал одному трэшеру сослать его в заповедник, а трэшер воткнул за это в фашиста нож. Обоих выгнали за оцепление. Трясущиеся руки, стариковские таблетки, сердечные приступы, поиски инсулина, нерукотворный спас в целлофане и размокшие хоругви под бледным облачным небом, куда уходил черный дым костров. Всё меньше это напоминало революцию и всё больше лагерь беженцев. "Желтый Геббельс" с вечной "путаной" и предложениями разойтись стал настолько привычным, что его больше никто не слышал.

Через неделю после начала событий пройти стало никак невозможно, и бои начались на подступах, у ближайших станций подземки. Краснопресненская, Смоленская, позже - Пушкинская.
"Душманы!" - кричал омоновцам парень с кровавым узором на лице и по всей тельняшке. Незнакомый панк с близкого расстояния швырнул что-то в цепь "космонавтов", вдавливавших толпу в метро, запутался в пальто, упал, все шли по его голове. Дедулю с красным флажком, отчаянно кинувшегося прямо в щиты, метнули в подземный переход с очень опасной для жизни высоты. Дальше я ничего не видел, потому что пришлось лечь на асфальт с руками на затылке. Если ты поднимаешь голову, на неё опускается дубинка ("демократизатор" - всё тот же простой митинговый юмор), сапог или ребро дюралевого щита. Сахарный хруст чьих-то шейных позвонков под тяжелой армейской подошвой совсем рядом - это звук, после которого отдельные слова про демократию тебе уже никогда "правильно" не понять и не посмотреть на всё с позиций "примирения и согласия". А вот сочетание слов "гражданская война" становится осязаемым, как "деревянный стол" или "ржаной хлеб".
Народ, впрочем, быстро учился и уже на следующий день я видел другого дедулю, метко тыкавшего стальным древком флага точно под шлем, в горло "космонавту". Попавшийся в объятия, придушенный студент ловко бил ногой по милицейскому колену и голени. Дело было не в том, что кто-то научил этих людей уличному бою, а в том, что они вдруг избавились от иллюзий и впервые увидели в милиционере того, кем он всегда и был - противника. Государство на несколько дней перестало быть для них безличной, как погода или гравитация, силой, и стало тем, чем всегда и являлась - машиной подавления, жующей всю твою жизнь от начала и до конца. Им было непросто, особенно старикам. Власть и справедливость слишком долго понимались советским сознанием как синонимы. Если смысл этих слов расходился, полагалось жаловаться всё той же власти, добиваться, чтобы она обманывала их лучше и не допускала никаких сомнений на свой счет. И теперь вот, в этой исторической трещине, когда власть под вой сирен и хруст скелетов окончательно отдавалась новой буржуазии, родившейся из номенклатурного чрева, она ненадолго распахнула на своём вечно прекрасном лице бездонную, механическую, воняющую гибелью пасть. У меня не может, а точнее, не должно быть общих интересов с тобой и теми, кого ты защищаешь - запоминал я, глядя в упор на шнурованные сапоги омоновца, - даже если вдруг

временно совпадут, все равно это будет означать совершенно разные вещи для каждого из нас.(...)

Стреляющая останкинская темнота была неизбежна. Все разговоры про "дайте нам эфир" просто маскировка. Радикалы уже требовали здесь эфира год назад. Разбили лагерь и жили у пруда под советскими флагами больше недели. ОМОН тогда обрушился на них ночью и "очистил территорию" с овчарочьим рвением. Теперь все понимали, что никакого эфира никому не дадут, и говорили только о штурме. На лицах многих стариков с военными плашками играло чувство мести. Наверное, так они смотрели в 45-ом на Рейхстаг, до которого оставались считанные, но простреливаемые, метры.
Грузовик ткнулся мордой в ненавистное здание. Люди врывались в проем и тут же падали там как роботы, которых выдернули из розетки. Подкатил абсурдный БТР, дал очередь по телецентру, брызнули стекла, башня повернулась и следующая очередь прошлась по распластанной толпе, так и не успевшей закричать: "Ура!". Мы бежали от него кто куда, полусогнутые, чувствуя спинами взгляд снайперов "Витязя", бивших с верхних этажей технического корпуса в понравившихся бегунов. Использовались пули со смещенным центром тяжести. Такие почти гарантируют загробную жизнь, куда бы в вас ни попали. То, чем занято телевидение в переносном смысле: организация движения людей в необходимом власти направлении, управление их будущим, превратилось в буквальность. Власть стреляла из телецентра в "неправильную" толпу, чтобы отправить одних домой, а других - к хирургам или в морг.
"Огонь на поражение!" - командовал слышный всем, но неизвестно чей голос свыше, "закадровый", подбадривая своих, распугивая штурмующих. Ночной столичный воздух пах горелым и жареным. Останкинские фонари купались в крови, щедро разлитой на асфальте улицы Академика Королева. По этому асфальту волочились ноги ветерана, которого несли на руках двое бегущих пацанов. Раненому в плечо парню передавливали кровь чьим-то ремнем под деревом. По кронам этих деревьев тоже очень много стреляли, полагая, видимо, что боевики расселись там, на ветках. Сыпались на голову листья и срубленные пулей сучки. В разных шарлатанских передачах будут показывать эти самые, сухие, в лишайниках, ветвистые мумии, доказывая, что у Останкинской башни "негативное излучение". На самом деле, это деревья, погибшие при штурме телецентра. Тогда в них попало слишком много крупных пуль. Несовместимо с жизнью растения. Потом Лужков их всех спилил. Где-то тут, в медицинской бригаде, был Ник, тот, что строил со мной баррикады в 91-ом. Таскал тела к "скорой", делал трупу массаж сердца. Но я его не видел, узнаю об этом потом. В который раз стихнув, стрельба разрасталась вновь и вновь. Самодельные бутылки с жидким огнем ничего не давали. Безоружная толпа рассеялась, а те немногие, у кого было из чего, заняли удобные позиции, и стреляли по телецентру без особых надежд. Тратили боезапас, руководствуясь мстительным бессилием. Подмога с депутатом Уражцевым - её все тут ждали - всё не подходила и не подходила. "Сейчас бы автомат!" - мечтал знакомый анархист, вжимаясь в бордюрный камень, потому что рядом опять засвистело и залетало. Я успел уже позавидовать такой искренней решимости биться за чужие, в общем-то, идеалы, но он добавил: "Его, если продать, знаю кому, можно такой журнал сделать!".
Хорошо это или нет, но таковым было мышление большинства склонных к экстремистской графомании неформалов: получить оружие, сбыть и издать на эти деньги вые*истый антисистемный журнал для развлечения друзей. Мои друзья были инфантилами, не выросшими детьми, а не революционерами. А путать инфантильность с революционностью - это все равно, что путать безработного с бастующим.
- Дали говна! - с восторгом говорил чумазый школьник, почти ребенок, с трофейным милицейским щитом, сам не зная, кого именно имея в виду. - Я видел, как застрелили американца!

Ночное отступление превратилось в прогулку по каким-то дворам в районе ВДНХ. Меня ребенком возили сюда гулять мама и тетка. Как Онегина в Летний Сад. Запомнилось удушающе много цветов на бесконечных клумбах, кафе "Мороженое" в виде айсберга и, конечно, павильон "Космос". Космосом я бредил, но летчиком, то есть военным, уже тогда быть не хотел. Я собирался быть ученым, палеонтологом, например, как любимый писатель Ефремов, или астрофизиком, как брат Стругацкий. "Не все мечты сбываются", - осторожно говорила мама. Что могло мне помешать? Ну, разве что ядерная война с американцами. На других планетах меня ждали не открытые твари и феномены, а на этой было немного скучно. Теперь мне так не казалось.
Окна большинства квартир были темны, там видели сны, хотя бой только что закончился так рядом. В некоторых: одно-два на подъезд, а то и на весь дом - стеклянно пульсировал синий прохладный свет. Смотрели. В это время ничего не показывают. Значит, идет какая-нибудь экстренная истерика. Прямой эфир. В одном окне открыта форточка: громко, со звоном посуды, ругались. "Да потому что!" - визжала женщина, - "да потому что!". Вряд ли это имело отношение к политике.
В похожих дворах вокруг Краснопресненской через несколько рассветных часов будут добивать выстрелами в лоб и штык-ножами спасающихся с баррикад защитников. Одну студентку, очень жестко, с переломами, изнасилуют два омоновца в подъезде, и она вскоре покончит с собой. Я ничего не сочиняю, всю эту информацию: имена, фамилии, свидетельства, медэкспертизу - собрала парламентская комиссия, расследовавшая подробности октябрьской драмы и закрытая в обмен на выход лидеров оппозиции из камер.
Я попросил закурить у панка, с которым забрел во дворы и сидел на лавке, рассматривая окна. Имен друг у друга мы не спрашивали. Он молча вынул пачку. Панк был, кажется, в шоке и вел себя автоматически. Я не курил с девятого класса, то есть два года. Прекратил, как только почувствовал зависимость. Помял в пальцах и вернул ему сигарету, поняв ненужность этого жеста. Он молча взял. В арке проехали поливальные машины. Кровь смывать - пафосно подумал я, хотя они могли ехать куда угодно. Мой спутник оживился, вытянул шею, провожая их взглядом, но когда стихло, обратно остекленел. Недалеко жила знакомая, но как найти её дом? Да и ломиться такой ночью к людям... К тому же я не знаю, за кого она. А теперь лучше быть в курсе: кто, где и за кого.(...)

Маме нужно было выходить на сутки в клинику и задержать меня, даже теоретически, никто не мог. Дома я записал ручкой на запястье: Алексей Цветков, группа крови 1, резус +. Телефон. Адрес. И отправился туда, где вчера поднимали красный флаг.
Все ближайшие к месту действия, нужные мне станции метро закрылись. Наземный транспорт в центре тоже не ходил. Пришлось шагать от Багратионовской. С моста и Набережной я видел то же, что и все. Пожар и расстрел. Это не интересно. И вообще не приятно - видеть то же, что и все. CNN передавало без купюр в прямом эфире. Снайперы передвигались по крышам, но зачем и чьи - никто не знал. Боевики стрелялись последним патроном в подземных тупиках, где-то под нашими ногами. Было не слышно, узнавалось потом, от выживших.
Плотная толпа с бутылками и банками в руках обсуждала, кого откуда вывели и куда повезли, а кого еще нет, и какими снарядами, скорее всего, танки давали залп по окнам, рыжим от огня. Пучеглазая публика "смотрела историю" и щелкала вспышками семейных фотокамер. Она была ни за кого. Средний класс с неисчерпаемым телевизионным юмором и бухгалтерской рассудительностью. Отмеряют семьдесят семь раз, а потом умирают, давно забыв, что именно и чем мерили. Хорошие люди, как бывает хороший товар, хорошая погода, хороший обед, оклад, сон. Несколько лиц, стянутых в узел внутренней истерикой, словно зубной болью, выдавали возможных сторонников Дома Советов. Но между собой они не общались, чтобы не подставляться.

Дома, по радио, размешивая чай, я слушал длинный список запрещенных теперь организаций. Сознательная интеллигенция, которую этот список не устроил, настрочила обращение к президенту с просьбой "добить гадину", заткнуть опасные голоса, не откладывая разыскать всех, кто участвовал и взыскать по всей строгости, чтобы вновь не пришлось через пару лет колотить бронетанковой дубиной поднявшуюся голову реакции...
- Цветков, мы тут, на баррикадах, а ты где? - не очень трезвый девичий голос в телефоне называл смутно известные мне прозвища разных тусовщиков.
- Что? - не понял я. Слишком тупо для шутки, если только не звонят с того света.
- Мы защищаем Моссовет с утра от фашистов, тут море пива и отличный пипл, подъезжай, никто расходиться не собирается, возможно, будет сейшн. Я положил трубку. Или нужно было час объяснять, зачем я попал к расстрелянным "фашистам" и почему все не так просто?(...)

К годовщине расстрела парламента я написал статью-тост "Педигри пал, а мы еще нет!". Она вышла на первой полосе "Новой газеты" с редакционной шапкой, поясняющей, что газета, конечно же, не подумайте, к мнению автора не присоединяется. Я называл там октябрьское восстание "попыткой антиноменклатурной революции". По телевизору в тот же день ("Пресс-экспресс") газету заклеймили "дающей слово сомнительным и криминальным молодым людям". К той же годовщине я придумал сделать пятиметровый черно-белый транспарант: "Капитализм - дерьмо!". Транспарант надолго стал брэндом крайне левых. Вообще же, я эти годовщины не любил и почти там не появлялся. Колокольный звон, слезливые припадки стариков, траурные портреты в руках родственников, откровения подавшихся в бизнес баркашовцев, бездарные речи тех, кто извлек из "событий" свой скромный политический капитал. Виктор Анпилов вспоминает у костра о том, как он видел сандинистскую революцию, работая корреспондентом в Никарагуа. Седая женщина рассказывает всем, как пряталась от пулеметов под декоративным горбатым мостиком. На месте нашей изначальной баррикады, у памятника пролетариям столетней давности, навтыкали православных крестов. Действительно, при штурме здесь погибло больше всего людей. Мемориал из венков-цитат-флагов-икон-фотографий погибших разрастался несколько лет. "Армия - кровавая сука!" - не дрогнула вывести рука советского патриота на заборе. В парке, где стоял когда-то бетонный Павлик, открыли деревянную часовню памяти жертв. Никто из громко выступавших на поминках не сказал вот чего: "Господа ельцины-филатовы-грачевы-ерины, нам не понадобится много бронетехники и больших дивизий, чтобы ассиметрично, но достойно, ответить вам, ведь пули летают в любую сторону. А пуля стоит доллар или меньше. Мы не смогли выиграть историю, но можем лично отомстить за себя и своих мертвых".

Дважды ставший полюсом такого разного неповиновения Дом обнесли высоченным забором. Глядя на острые его пики, я всегда вспоминаю тот, самый первый, разбиравшийся как детский конструктор заборчик из 91-ого. А внутрь, после ремонта, быстро сделанного турецкими арбайтерами, переместили правительство, справедливо полагая, что невозможно себе представить такой ситуации, чтобы народ защищал действующих министров на баррикадах у костров. Мы справлялись с этой проблемой так: отсюда к центру стартовали наши запрещенные студенческие волнения-столкновения и доходили по Новому-Старому Арбатам, скандируя "Ельцина на х*й!" и "Вся власть - студентам!", аж до Манежа, ценой вывихнутых костей и пробитых голов, одной из которых оказалась и моя. Если это кому-то важно, однажды я расскажу отдельно, назвав "Массовые беспорядки в моей жизни".

Алексей Цветков

Б.Г. сегодня (кратко)
В белой шляпе (наверное, Радзинский подарил), в темных очках (до сих пор не может избавиться от псевдорелигиозных предрассудков) наш герой (н.г.) пил халявное шампанское, предназначенное для зрителей, и пребывал в хорошем расположении тела и духа. Недавняя Испания вдохновила на новый альбом, за месяц написал 17 песен, так что анонсированный в прессе альбом "Репродуктор" отодвинулся на неопределенный срок, радуйтесь бородатые фаны, теперь песен будет в два раза больше, два в одном и об одном и том же. Любовниц замечено не было.

Б.Г.-концерт в "Квартире-Бабуин" (сжато)
На героя спрос есть, причем на концерты живьем, ему не грозит подвиг Блока - выступать для пьяного сторожа или ментов в "обезьяннике". Живье прошло на той грани, что и БГ цел и публика сыта, но не пьяна - бухла не приносили (оказалось, официанты не могли протиснуться между публикой, а превращаться в прекрасных лебедей не знают такого рецепта, жаль, а то поили бы из своих прекрасных клювиков, просто одна приглянулась). Ну, в общем, спел почти все новоиспанские песни, а чтобы ясно было, что за чувак на сцене, - спел парочку старых. На бис не вышел.

Б.Г. (краткая справка)
Вчера и всегда монопольный лидер ВИА "Аквариум", под лжефилософские типа песни пытается жить за наш счет (и недурственно). Некоторые из нас начинают думать, как БГ, говорить, как БГ, покупать билеты на БГ, пластинки БГ, ну и вообще (не лечится).

Б.Г. о себе, на пресс-конференции (кратко, сестра таланта, а у некоторых - сестра Хаос, три сестры и два молочных брата) Спортом не занимается, любит самурайское кино, кино же наше, советское и пост- не любит, с нетерпением ждет выхода новых альбомов R.E.M. и RED HOT CHILLI PEPPERS, пить и курить бросать не собирается, написав МАМА, Я НЕ МОГУ БОЛЬШЕ ПИТЬ, долго смеялся (врачам на заметку). О шуме вокруг Киркорова, слава Богу, ничего не ведает; некоторые вопросы переадресовывал Господу Богу.

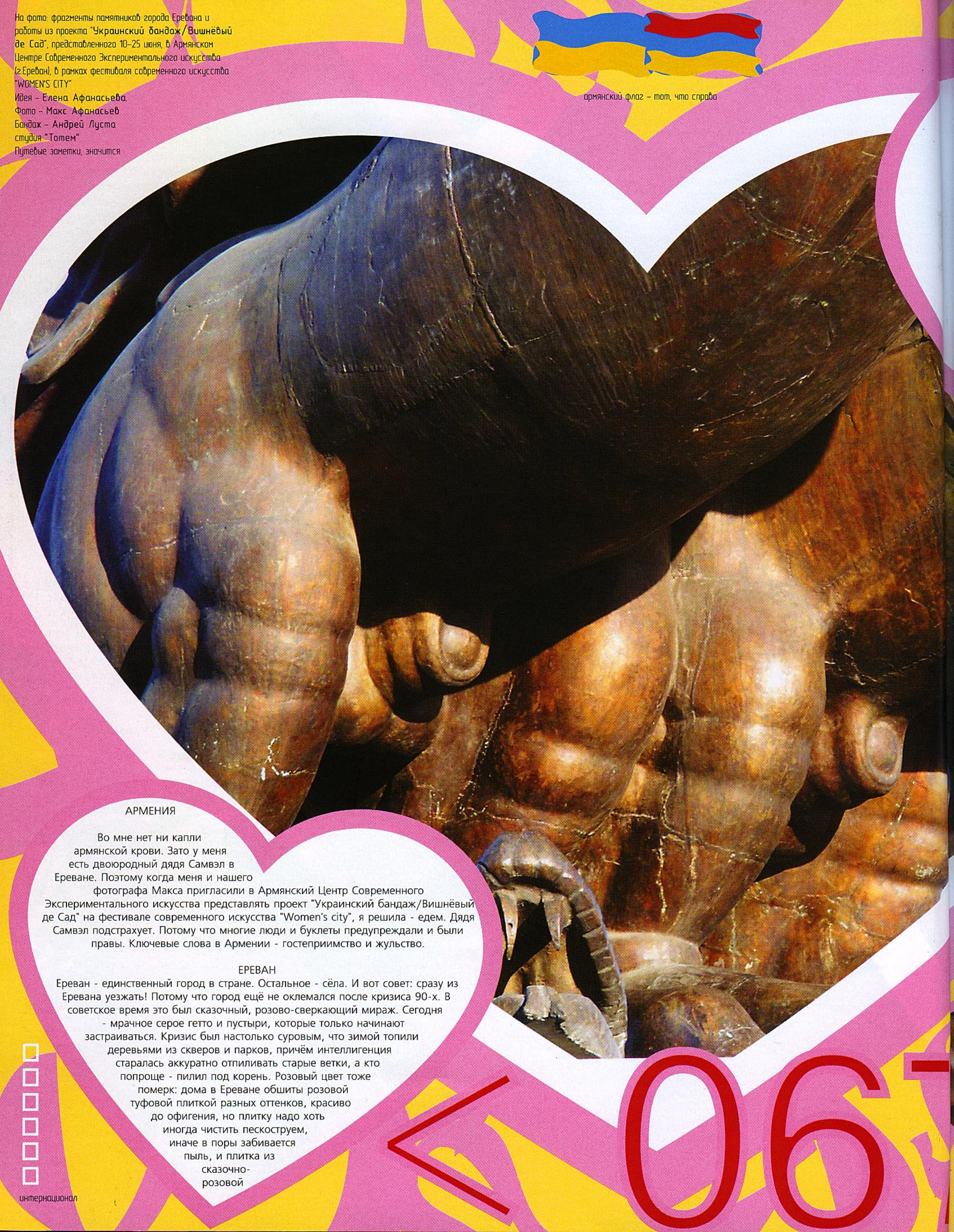
Б.Г. и я (читать не обязательно)
После того, как довелось услышать, как Хвостенко поет свой "ГОРОД", понял, что БГ попсовик и песню загубил.
После одной, всего лишь одной фразы любимой группы ПЕКИН РОУ РОУ "и висит над нами ангел - чистый, сука, как слеза" слушать о том, что "мертвые матросы не спят" - унижение умственного достоинства несовершенного человека.
Спасибо, суки, что дочитали.

□ TEXXXT

x
live

Текст и фото (БГ) человека, однажды разговаривавшего с Ангелом-хранителем, примерно в 2001 году, 20 января, в 21 час 38 минут в Карпатах (место не помню - был жутко пьян)

На фото: фрагменты памятников города Еревана и работы из проекта "Украинский бандаж/Вишнёвый де Сад", представленного 10–25 июня, в Армянском Центре Современного Экспериментального искусства (г.Ереван), в рамках фестиваля современного искусства "WOMEN'S CITY"
Идея – Елена Афанасьева.
Фото – Макс Афанасьев
Бандаж – Андрей Луста
студия "Тотем"
Путевые заметки, значится.

армянский флаг – тот, что справа

АРМЕНИЯ

Во мне нет ни капли армянской крови. Зато у меня есть двоюродный дядя Самвэл в Ереване. Поэтому когда меня и нашего фотографа Макса пригласили в Армянский Центр Современного Экспериментального искусства представлять проект "Украинский бандаж/Вишнёвый де Сад" на фестивале современного искусства "Women's city", я решила - едем. Дядя Самвэл подстрахует. Потому что многие люди и буклеты предупреждали и были правы. Ключевые слова в Армении - гостеприимство и жульство.

ЕРЕВАН

Ереван - единственный город в стране. Остальное - сёла. И вот совет: сразу из Еревана уезжать! Потому что город ещё не оклемался после кризиса 90-х. В советское время это был сказочный, розово-сверкающий мираж. Сегодня - мрачное серое гетто и пустыри, которые только начинают застраиваться. Кризис был настолько суровым, что зимой топили деревьями из скверов и парков, причём интеллигенция старалась аккуратно отпиливать старые ветки, а кто попроще - пилил под корень. Розовый цвет тоже померк: дома в Ереване обшиты розовой туфовой плиткой разных оттенков, красиво до офигения, но плитку надо хоть иногда чистить пескоструем, иначе в поры забивается пыль, и плитка из сказочно-розовой

превращается в грязно-серую. Раньше - чистили. Сейчас чистят только центральную площадь, и это заметно. Поэтому надо сразу ехать вдаль от Еревана, к тому же вся даль находится на расстоянии максимум три-четыре часа пути на машине или автобусе.

Сами армяне шутят, что Армения - одна из самых больших республик (стран) СНГ - просто её надо погладить утюгом... Действительно, в Армении главное - горы. Высота их немыслима, красота непостижима. Между горами - древние монастыри, которые и ездят смотреть со всего мира. Ну и, конечно, хачкары - резные кресты из камня (хач - крест, кар - камень). Все стены храмов снаружи и внутри изрезаны хачкарами разной величины и разного уровня мастерства - от шедевров до простых накарябанных крестиков. Каждый, кто в храме просит у бога и получает просимое, сдаёт в храм денежку на изготовление хачкара, и чем больше хачкаров на стенах - тем большему числу людей храм помог, т.е. такое визуальное мерило святости.

ГОСТЕПРИИМСТВО

Каждый армянин считает тебя своим гостем. Это очень приятно. Но опасно. Вот пример.

На карте Армении мы нашли гору Арагац и на её склонах - обсерваторию и развалины замка Амберд. На рейсовом автобусе мы доползли до ближайшей к развалинам остановки - села Бюракан. На вопрос, сколько километров до развалин, водитель автобуса сказал: "Километров пять. Но к ночи вы не вернётесь!" Пока мы пили кофе на горной площадке возле единственной в селе крохотной будочки-кафе, к нам подошёл местный Ваган. Сразу спросил, чем нас угостить. Рассказал, что четыре года служил в Германии, знает немецкий, нос перебит, потому что занимался профессиональным боксом, и если мы хотим, то у него тут есть "Нива", и если мы её заправим бензином, то он нас отвезёт и на развалины, и потом на водопад, который в другую сторону, но тоже недалеко, к вечеру успеем. В цене (60 тысяч драм - это примерно 12 баксов) сошлись, поехали заправляться. Заправка: в центре села стоит разбитый ларёк, из-за него выскакивают два деда с пластиковыми бутылками. В бутылках - мутная жидкость. На этом горючем мы поползли вверх по асфальтовому серпантину. Немыслимой красотой буяла природа, немыслимо барахлил мотор. "Ваган, у нас проблемы?" - "НЭТ! Нэт проблем!!" Когда машина стала останавливаться через каждые три метра, мы решили идти пешком, а Ваган - ехать задом. Так, пешком и задом, мы вылезли на плоскогорье. Там машина окончательно заглохла, а мы увидели вдали красивейшее ущелье и развалины. Застопорившийся Ваган ударил себя в грудь и поклялся съездить вниз, взять у брата другую "Ниву" и вернуться за нами. Через час мы договорились встретиться у развалин...

Конечно, мы не пошли по асфальтовой дороге. Мы пошли "как красиво" - через ущелье. Через два часа со дна ущелья мы увидели, как толпа людей сверху, подойдя к краю обрыва, наблюдает, как мы без штанов перебираемся через горную речку - а перебирались мы, надо сказать, не слишком эстетично, "крабиком", т.е. враскоряку цепляясь за скользкие камни и краснея ногами от ледяной воды.

"Экскурсия!" - подумали мы. Потом экскурсия ушла, а мы ещё полчаса лезли на гору к развалинам, возле которых зеленел единственный признак цивилизации - торговая палатка. А возле палатки за белым столиком сидела большая компания во главе с Ваганом. Это оказалась та самая "экскурсия", которую мы видели со дна ущелья. Уже изрядно подвыпивший и от этого ещё более гостеприимный Ваган стал нас знакомить: "Вот это мой брат! Это друг моего брата! Вот это моя жена! Вот это жена моего брата! Вот это жена друга моего брата!" А ещё были дети. Много детей Вагана, его брата, друга его брата... Оказалось, ВСЕ эти

желание!" - платишь 500 драмов (1 доллар), тебе дают голубя. С голубем ты лезешь на гору в монастырь, там загадываешь сокровенное и отпускаешь голубя. Голубь напрямую чешет куда? Правильно - домой в голубятню. Утром опять на работу. Вечный двигатель. Чистая прибыль при минимальных затратах.

ТРАНСПОРТ

Армянский феномен: в маршрутных такси, даже если все места заняты, пассажиры сразу подвинутся и найдут уголочек, чтобы ты примостился. Железнодорожный вокзал красивый, как дворцы в Питере. Стоит мёртвый. Все ездят автобусами через Грузию. Мы не рискнули - говорят, автобусы лезут горными тропами, и не все возвращаются на родину.
Звартноц, в своё время красивейший аэропорт в СССР, приватизирован (по словам дяди Самвэла) каким-то аргентинским армянином. Сейчас в аэропорту страшная разруха, но чего-то там строят. Фишка: имея на руках полностью оплаченные билеты и страховки, в самолёт из Еревана ты не сядешь, пока не заплатишь 20 долларов - какая-то загадочная "пошлина", без которой до регистрации тебя не допустят. Обычно у отлетающих драмов уже нет, надо менять. Единственный в аэропорту ларёк-обменник ловко меняет курс в зависимости от отправляющегося рейса - и ты вынужден менять по бандитскому курсу. Перед нами семья армян из 8 человек попала аж на 160 долларов. При этом в Duty free стоит DVD-плеер "Sony" за 110 долларов. Обидно, да?

ДЕВУШКИ

Те армянские девушки, которые красивые (а такие - почти все), красивы просто царственной красотой. Причём очень естественной - так, как будто царицами родились. С самого аэропорта мы плюнули на памятники и архитектуру, и стали фотографировать армянских девушек исподтишка, потому что нагло в лицо их фотографировать невозможно - это унижает фотографирующего. А до позирования они не снисходят.

КОНИ

Армяне очень любят свои большие памятники на

люди ждут нас уже почти час. Широким жестом Ваган пригласил нас в машину - садитесь! Рядом стояло три машины - джип, "Нива" и "Жигули". Но "наша" оказалась только "Нива"... И когда ВСЕ эти люди вместе с нами погрузились, мы поняли, что лучше про обещанную поездку на водопад не вспоминать... Мы уже почти не сопротивлялись, когда Ваган привёз нас в свой дом с видом на Арарат, за 10 минут приготовил роскошные куриные шашлыки и показал нашу комнату, где теперь мы будем жить долго и счастливо...

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ

Такой интеллигенции, как в Ереване, НЕТ НИГДЕ. Она настоящая. Один вечер общения в мастерской художника стоит многомесячных модных арт-тусовок. Даже быт превращается в искусство, когда к нему прикасается армянская интеллигенция. Нас научили делать долму (голубцы в виноградных листьях), подав это как перформанс "Еда" - японка резала чеснок, девушки из Словении месили фарш, немцы глотали слюни и всё снимали на видео. Наринэ, одна из кураторов фестиваля "Women's city" и женщина с неженским чутьём на искусство, вообще-то оказалась в Ереване во временной ссылке: после многих лет Москвы и скандальной московской выставки "Осторожно, религия!" в Ереване она ждала решения московского суда. Ну, и фестиваль по ходу организовывала вместе с Арпинэ и Эрикназ (тоже женские имена)...

КОФЕ

Принимая нас у себя дома, дядя Самвэл первым делом сказал: "Леночка-джян, у меня из крана течёт самая вкусная в мире вода!" И точно. И так из всех кранов в городе. Вода берётся не из скважин, которых просто нет, а прямо из горных источников. Течёт себе источник, а тут - труба! И по трубе прямо в город. В этом-то и секрет знаменитого армянского кофе: очень мелкий помол плюс чудо-вода. Кофе не выпадает в осадок на дно чашки, а равномерно распределяется, так что кажется, что не пьёшь, а жуёшь. Реклама по армянскому ТВ: мужик с собой в самолёт тащит баллоны с водой. Это то, что и вправду из Армении можно импортировать. Отдельно кофе вывозить - не стоит. Дядя Самвэл удивил, рассказав, что система водоснабжения Еревана уже перешла в частные руки - её выкупил какой-то французский армянин.

ГОЛУБИНЫЙ БИЗНЕС

Как и во многих странах, на подходе к каждому уважаемому монастырю встречаются деревья и кусты, густо обвешанные ленточками и новыми платками - "деревья желаний". А вот фишка с голубями достойна восхищения: сидят возле монастыря пацанята, в клетках голуби - красивые, белые, почтовые. "Загадайте

коням. Мужики с мечами из эпоса и реального прошлого сидят на матёрых жеребцах, а один мужик - даже на двух сразу. Нам объяснили, что он символизирует попытку объединить Армению и Карабах. Памятник неудачный - сразу видно, что одной попой на двух коней не сядешь... Памятники стоят возле дорог на постаментах, причём так, что в первую очередь в глаза бросается всё конское достоинство.

Фото - Макс Афанасьев

Фотографировали.

ФЕСТИВАЛЬ "WOMEN'S CITY"
Армянский Центр современного экспериментального искусства существует не на деньги Джорджа Сороса, и это потрясает. Фестиваль "Women's city" был призван "представить современную женщину с разных точек зрения, преодолевая сложившиеся в обществе стереотипы", что и делали в течение двух недель 34 участника и участницы из 11 стран. На открытии мы увидели и сказочного благородства

армянскую профессуру, и такую модную молодёжь. Народ не комплексует: на открытии в московскую смирительную рубашку нарядили куратора крупнейшего берлинского арт-проекта "Бункер". Но мой дядя Самвэл, первый раз попавший на современное искусство, в фестивале так ничего и не понял, и даже пытался вывести из зала армянского художника, который "вёл себя неприлично" - лежал на кровати во время открытия выставки, громко ругался и стучал газетой "Пушкин" по телевизору. Оказалось - один из армянских участников Венецианской биеннале. А в Венеции, как мне сказали ереванцы, живёт 200 тысяч армян. Дальнейшие расспросы о Венеции и биеннале показались мне бессмысленными.

Елена Афанасьева
(студия "Тотем", херсонская братия

ДИПЕНДРА
Андрей Бычков
ДИПЕНДРА
(главы из романа)

1.
Фотографии принесли в субботу. Вошли двое в узкой голубоватой форме (потом я догадался, что это были военные) и один в штатском, одетый в серый европейский костюм. Мне дали штаны. Я сидел на лавке, почему-то радуясь, что ноги не достают до пола, и разглядывал свои опухшие разбитые ступни. Похоже, был выбит один из больших пальцев. Штатский осторожно начал с того, что мне не следовало фотографировать там, где это по местным законам запрещено. Меня взяли, когда я снимал огромную статую золотого быка Нандина во дворе индуистского монастыря Пашупатинатх, куда я пробрался натерев себе лицо пеплом и накинув поверх рубашки и шортов старый,

купленный на рынке халат. Бык Нандин был весь из золота и светился на солнце так, словно и в самом деле был живым. Живой, яростно дрожащий от слепящего света бык Нандин, переносящий во время мистерий самого Шиву. Я хотел снять священную статую скрытой камерой из-под полы, но ко мне сразу же подскочили, повалили и начали бить. "Nikon", однако, не раскололи, даже не засветили пленку. Но зато выволокли за ворота и потащили к машине. Шиваисты плевали мне в лицо, стараясь попасть в глаза. Руки были выкручены за спиной.

В полицейском участке, куда меня привезли, я потребовал телефон, чтобы позвонить в посольство. Мне подсунули какие-то документы, мол, подпиши, а потом позвонишь. Я отказался, тем более, что бумаги эти были, судя по всему, на гуркхали. Мне рассекли бровь, повалили и стали бить бамбуковыми палками по пяткам, потом бросили в какую-то вонючую темную камеру, где я на ощупь нашел эти страшные нары. Ложе было вырезано из черного дерева. Это была лавка для пыток, к которой меня привязывали на ночь.

На следующий день последовал официальный визит, эти двое в военной форме и штатский. Я спросил их по-английски, знает ли по крайней мере моя жена, где я нахожусь. Мы еще не поженились, но в гостинице Лиза зарегистрировалась под моей фамилией. Штатский сделал удивленное лицо, а когда перевел мои слова военным, все вместе они злобно расхохотались.

- Так у вас есть семья? - спросил, снова поворачиваясь ко мне, этот штатский.

В своем сером костюме он напоминал мне клерка. Через два дня мы должны были с Лизой вылететь обратно в Москву.

- Да, - ответил я.

- Отец, мать, братья, сестры?

Я кивнул, хотя мать давно умерла, но отец был жив.

- Тогда зачем же вы это сделали?!

- Что сделал? - не понял я.

Глаза его вздулись и стали какими-то ослепительно белыми, белее воротничка его рубашки. Подбородок побагровел и затрясся. И этот клерк выкрикнул мне в лицо так, словно собирался приконить меня на месте:

- Убили нашего короля!

Я подумал, что или он или я сошли с ума. Или же я нахожусь в каком-то фантастическом сне. Но боль в выбитых пальцах ног сигналила о другом, боль - единственное и несомненное доказательство реальности. Они заговорили между собой на своем непонятном для меня, каком-то мягком певучем языке, в котором, как я уже постиг на своем горьком опыте, скрывалась невероятная жестокость. Один из них бросил мне пару черных тесемок. С лязгом захлопнув за собой железную дверь, они вышли. Я стал разглядывать, что за тесемки, какие-то узелки и кисточки, но тут снова загремела дверь. Огромный накачанный гуркх, его мускулы блестели, словно были намазаны каким-то маслом, медленно и как-то по-кошачьи вдвинулся в камеру. Он был в кожаном фартуке. Я вздрогнул, догадавшись, что это еще один палач и что сейчас опять продолжатся пытки. Черное ложе, к которому меня снова прикрутят веревками, рука к руке, нога к ноге, губы в губы, потому что это не просто лавка, а сама вырезанная из черного дерева Кали - богиня расчленения и распада, холода и смерти. Я оглянулся - деревянное ложе блестело. Выкрашенные белым глазницы с черными зрачками были по-прежнему обращены наверх и пусты. Между ее распростертыми деревянными ногами темнело тщательно отполированное отверстие...

Гуркх усмехнулся, швырнув мне пачку газет, какой-то желтый конверт и вышел. Я подумал, что в конверте, наверное, мои фотографии. А может быть, и не мои, а те, которые они хотят мне подсунуть. Хотел сразу распечатать конверт, но странный заголовок, бросившийся мне в глаза, заставил прежде всего взять в руки газету. Внизу, сразу под заголовком был напечатан снимок счастливой королевской семьи. Как ни в чем ни бывало, улыбаясь, смотрел на меня король Непала Бирендра Бир Бикрам Шах Дев. Как обычно - в узких белых брюках, клетчатой пилоточке и роговой оправы очках. Слева улыбалась его супруга, королева Аишварья. На заднем плане стоял наследник престола принц Дипендра, рядом его брат Нираджана. С двух сторон от королевы и короля сидели королевские сестры Шанти и Шарада. В короткой заметке под фотоснимком сообщалось, что вчера, первого июня две тысячи первого года в девять часов вечера во время королевского ужина во дворце Наранъянхти вся королевская семья была расстреляна прямо за столом, всего 11 человек, включая короля. Убийство совершил Дипендра, который расстрелял всю свою семью в упор из двух автоматических винтовок М-16, после чего попытался покончить с собой.

2.

Я всегда любил своего отца, и я всегда его ненавидел. В детстве он жестоко издевался надо мной. Он был неудавшийся, спивающийся художник. Я жил с ним в одной комнате, пропитанной непрекращающимся запахом блевотины. Он обожал Пинк Флойд и Вагнера. Вваливаясь среди ночи, он иногда врубал на всю катушку "Wish You Were Here", дирижировал и хохотал, громко распевая: "So, so you think you can tell Heaven from Hell... ". Вдруг начинал плакать и признаваться мне полусонному, разбуженному среди ночи, в любви к моей матери. "Если бы она только знала, как я ее люблю". Моя мать в это время рыдала в соседней комнате, она знала, что у него роман с его очередной натурщицей. Денег он не зарабатывал. Его девизом было: "Нас мало избранных, счастливцев праздных, пренебрегающих презренной пользой, единого прекрасного жрецов". В двенадцать лет, пытаясь сопротивляться, я рассек ему бровь. После этого он стал учить меня рисовать. Художник он был темный и злой, хотя и талантливый. Во время запоев забывал выключать свет в туалете, даже если с утра был слегка трезв. Потом я догадался, что делал он это сознательно. Он любил ночь и даже пил ночью. Одну картину у него купил старик Пендерецкий, известный какафонист, с которым отец как-то познакомился в консерватории. Несмотря на маленький рост, у Пендерецкого была большая сильная рука, и ему нравилось, здороваясь, делать больно своим музыкантам. Он не знал, что у моего отца лапа была помощнее, чем даже у некоторых из чемпионов мира, спивающихся там, в кабаке на Нижней Масловке. Пендерецкий купил у отца "Строжайшую машинку" за две тысячи долларов. На картине была изображена обнаженная женщина - фиолетово вздыбленные волоса, безумный, пронзительный, замешанный на белилах взгляд, расставленные колеса-ляжки и - крупно, черными и красными, рельефно фосфоресцирующими мазками - пи*да. В одной из рук-рычагов женщина держала отрубленную мужскую голову, а в другой - окровавленный фаллос. Моя мать никогда не могла простить отцу этой картины. Позировавшая для нее натурщица Клара была известная на Нижней Масловке б*ядь. У нее были отвислые, жидковатые груди, которые она, однако, не стеснялась показывать. Но разумеется не это привлекало художников. От Клары действительно исходил какой-то нежно засасывающий, завораживающий флюид.

Отец не знал, что я подглядываю за тетей Надей, нашей соседкой по даче. Она подходила в одном халатике к холодильнику, который стоял в общем коридоре, и наклонялась за молоком, а я ложился на пол и, слегка приоткрыв дверь нашей комнаты и наблюдая в узкую щель, как обнажаются ее белые ляжечки, мастурбировал. Но однажды отец застал меня за этим занятием, он случайно вернулся из города и увидел это в окно, которое почти всегда было раскрыто ради его любимого куста сирени. В тот раз отец бесшумно забрался через окно, неожиданно вырастая надо мной, жалким и отвратительным, - я подумал, что сейчас он просто забьет меня насмерть своими громадными желтыми ботинками. Он возвышался надо мной, как бог. Но "бог" не сказал ничего. На следующий день он повез меня в свою мастерскую. Клара курила, развалясь на софе и заложив ногу за ногу. Она была в коротком красном и каком-то скользком платье, проглядывали трусики. Я почему-то подумал, что сейчас они, отец и Клара, лишат меня чего-то глубокого, чего-то священного, о чем я даже и не узнаю.

- Клара, - как-то набычившись, сказал отец, - ты помнишь, о чем я просил тебя по телефону? - он внушительно помолчал, не глядя на меня, и строго добавил: - Только без дикостей.

- А ты подаришь мне ту картину? - невинно и жадно спросила она.

- Ты же знаешь, что я продал ее Пендерецкому.

- Но... но... ты продал не ту, - фальшиво и в то же время как-то обворожительно закривлялась она. - Ты же знаешь, что я хочу ту, где ...

- Ну ладно, - грубо оборвал ее он. - Я подарю тебе "Бессмертников".

Кивнул и вышел за дверь. "Бессмертники" была его лучшая картина, так он говорил. На ней было изображено вдохновенное и откровенное совокупление, все с той же Кларой. Распластанная, раздавленная женщина и свирепый как бык мужчина.Но я хотел броситься вслед за ним и вонзить ему в спину узкий шпатель совсем не по этой причине. Я вдруг догадался, что он задумал и что должно было сейчас произойти. Произойти со мной, о чем я только и мечтал, что мне только и снилось, и что надвигалось сейчас, как темная застилающая горизонт бесшумная гроза, и казалось таким ужасным. Меня словно бы заставляли совершить преступление. Клара задернула шторы и включила ночник. Долго магнетически смотрела, как-то странно раскачиваясь, словно примеривалась, куда ужалить. Меня зазнобило, я мелко задрожал. Она осторожно, как-то очень аккуратно сняла с меня рубашку, словно

я был маленьким ребенком, потом джинсы, майку и трусы. Я стоял как истукан. "Сними носки". Вдруг я понял, что мне надо бежать, пока не поздно, и дернулся за джинсами. "Я все знаю про тетю Надю", - усмехаясь, сказала она. Значит отец рассказал ей все?! Я был окончательно парализован. Я не выдержал и заплакал. "Люблю маленькие пенисы, - сказала она, внезапно присаживаясь передо мной на корточки. - Не бойся, сейчас ты станешь как твой папа". Мне было всего четырнадцать лет.

3.

Король был мертв. Его разорванная пулями батистовая рубашка быстро темнела от крови. Четыре пули, одна из которых попала в шею, одна в живот, а две другие в грудь. Король еще хрипел, но принц знал, что это уже неживой хрип выходящих вслед за кровью из разорванной аорты остатков воздуха. Нетронутая холодная оленина лежала перед монархом на белом, слегка забрызганном кровью столе.

Дипендра вышел в сад, где были разбиты две клумбы. Его любимые цветы - лилии, нарциссы и орхидеи, рядом декоративные кусты жасмина. Принц любил стихи. "Еще дрожали капли на лепестках рододендрона, преломлялся мягкий вечерний свет..." Покачиваясь, он повернулся. Оранжевая безобразная комната, где они все почему-то так... так дико кричат. Он медленно пошел обратно в этот яркий оранжевый аквариум. "Да, как рыбы, - он засмеялся. - Да-да, как сомики кандиру". Принц был все в той же помятой военной форме, которую одел после ссоры с отцом, чтобы возвратиться в гостиную. Черный мундир и черная фуражка с красным ободком, черный околыш, из под которого блестел его безумный взгляд. Один из сомиков пытался зажать другому хлеставшую из аорты кровь повязкой из своей одежды. Принц закричал и выстрелил еще, еще... Шарада, сестра, которой он попал в лицо, снося полчерепа, мозг медленно сползал по бархатистой оранжевой стене.

Кумар, муж королевской сестры, дернулся и неестественно, как какой-то подземный карла, застыл на спинке кресла, левый бок его розоватого френча был разорван, на золотистой коже темнела быстро запекающаяся кровь. Левее, на полу лежала в темно-бордовой луже старая наставница Бирендры ее тетя Джаянти. Справа опрокинулась на стол принцесса Шрути. Казалось, что еще шевелится под ветерком, еще жива ее прекрасная иссиня черная коса, и лишь приглядевшись, можно было увидеть, что это все еще курчавит ее медленно стекающая кровь. Дядя был убит выстрелами в грудь из второй винтовки, его надменная рука еще тянулась к бокалу темного красного вина. Дипендра вышел в сад. Кричала мать, она звала на помощь. Он засмеялся, глядя, как Нираджана, его младший брат, пытается прикрыть ее своим слабым гусиным телом. Дипендра выстрелил, попадая ему в спину, прошивая насквозь и тем же выстрелом убивая и мать...
Крики стихли. Луна желтила зубцы крепостной стены. Пошатываясь, Дипендра тяжело пошел к мосту, соединявшему дворцовые сады с его покоями.

4.
Я знаю, они разорвали тебя в детстве, мой маленький принц. Каждый из нас разорван в детстве. Каждый - по-своему... Ночные вспышки, когда ты спишь, когда тебя вдруг будят их крики. "Это мой ребенок!" "Нет, мой!" "Отдай мне его!" "И не думай!" Тебе еще год или два, тебе еще не четырнадцать. Пьяный бог в дверном косяке, плач матери, богини, свет фар через стекло, безукоризненно вежливый шофер - "вы заказывали такси?". Крик отца: "Ник-куда вы н-не по-й-едете!" Крик матери: "Пусти! Мне надоело твое *лядство!" "Это мой ребенок!" "Нет, мой!" Твой плач, маленький принц, твой плач. Езда через ночь на Красносельскую, к бабушке. Этот проклятый город, где ты родился и где ты мчишься в ночном такси и где неподвижно лежишь, маленькая кроватка с решеточками, над которой наклонился счастливый отец, пьяно вытирающий счастливые слезы, такси, над которым несутся ночные фонари, они заглядывают в лобовое стекло, они соскальзывают с капота под колеса, становится снова темно, и ты ждешь следующего из них, как он возникает вдали еле святящейся точкой и вот уже нарастает, проносясь над автомобилем, блестящий капот и заплаканное лицо матери, как она крепко прижимает тебя к себе. Ковер с джунглями, куда вы скоро приедете, ковер на стене в комнате на Красносельской, где ты наконец скоро снова заснешь в большой взрослой кровати, мой маленький, наблюдая за тигром, который прячется в зарослях, рубиновый бамбук и желтый с черными полосками тигр, что следит за приближающимися охотниками. Оранжевые слоны, охотники сидят на их спинах, охотники идут рядом с ними. Спи малыш, она уже близко, сказочная страна, и они тебя не застрелят...

7.
Подвесной мост - полная луна. Рельефные зубцы башен. Легкая вечерняя прохлада, жизнь где-то там за высоким выжелтенными луной дворцовыми стенами. Смех женщин, витиеватый говорок мужчин... А здесь мертвая мать и мертвый брат, их тела, белеющие внизу, у фонтана. Светящийся жук, выползающий на ступеньку. Разбуженная выстрелами стрекоза, зависшая над перилами. Ее огромные изумрудные глаза. Распахнувшаяся настежь дверь дворцовой залы. Вот нелепо замер в луже крови отец. Белая легкая, реющая как флаг, занавеска... Дипендра бросил винтовку. Мягко, почти без звука, она упала в траву. Бросил вторую. Тяжело опираясь на поручень, стал подниматься по ступеням. С каждым шагом - все выше и выше. И с каждым шагом вслед за ним поднималась луна. Завтра утром, когда на Катманду падут первые лучи солнца, его, наследного принца провозгласят королем и назовут по традиции живым воплощением Вишну. Он наконец станет богом и возьмет в жены Девиани. И никто не посмеет им больше ничего сказать. Священная пуля, настигающая и настигающая отца... Сын бога убил своего отца и стал богом сам. Подвесной, увитый плющом и рододендронами мост... Почему никто не кричит, никто не зовет на помощь? Страшная пустота, которая никогда отныне не станет пустой. Сколько бы очищающих обрядов не совершали брамины, сколько бы из них не давились ритуально отравленной пищей, сколько бы жертв они не принесли самой Кали... Вот и вершина радужного моста. Дипендра заплакал и упал на колени, фуражка слетела и покатилась вниз. Мгновение он медлил, но потом все же достал маленький черный браунинг. В безличной машинке отразилась разобранная на мелкие прямоугольники луна. Принц взвел курок, маленькая продолговатая деталь в хорошо смазанном механизме... И выстрелил себе в голову. Сын Вишну, убив Вишну, стал Вишну сам.
Бог выстрелил себе в лицо.

8.
Они наконец оставили меня в покое, перестав задавать свои однообразные вопросы. Их интересовало, встречался ли я с Дипендрой. Я вынужден был признать, что знаком с принцем. Но я действительно не помнил, встречался ли я с ним в Катманду. Офицеры ухмылялись. Кроме Дипендры их почему-то очень заинтересовала красная пирамидка, зачем я сделал несколько ее снимков. Я и в самом деле снял ее три или четыре раза, с разных точек, но почему я сделал это, пожалуй, я не смог бы объяснить и себе самому. Чем-то она меня заворожила. Стрела, воткнутая в одну из ее граней, разноцветные перья, череп... Они бросили меня в камеру опять. Взбудораженный после допроса, я все никак не мог прийти в себя. Перед глазами неслись фантастические прыжки лам. Огромные белые маски, слегка наклоненные назад, отчего казалось, что они смотрят в небо. Но другие взгляды были устремлены на нас с Лизой сквозь узкие щели между нарисованными губами. Черные волосы из хвостов яка, короны с маленькими человеческими черепами, радужные веера. Маски плясали перед глазами, подобно языкам пламени. "Я больше не могу здесь находиться, - сказала вдруг Лиза. - Пойдем отсюда, у меня кружится голова". Резкий оглушающий звук цимбал и ганлинов, больших барабанов и длинных труб был и в самом деле невыносим. В мистерии участвовала почти сотня музыкантов... Я сел на лавку Кали, пытаясь вспомнить лицо той, которую так любил. Я пытался вспомнить лицо Лизы, найти его в этом вихре головокружительных видений. Казалось, в мой мозг врывалась, наполняясь какими-то странными ликами, бушующая и сверкающая темнота. Какое-то странное чувство съезжающего со своей оси мира, словно я вдруг оказался где-то рядом с ним, чуть в стороне от самого себя. Я подумал, что еще чуть-чуть и я упаду в обморок. И тут я почему-то вспомнил слова Музиля из той книжечки, что когда-то дал мне с собой в Америку отец. "Значит, единственным, с чем он, в сущности, оставался в этом великом смятении, была та доля невозмутимости, которой обладают все преступники и герои, это не мужество, не воля, не вера, а просто способность упрямо держаться за самого себя". Я словно зацепился за какой-то центр, и видения исчезли.
Миска, в которой мне два раза в день оставляли еду, стояла на земляном полу. Перченый, заваренный на вытопках сала, чай. Иногда в нем плавали кусочки хлеба. Я встал, поднял с пола миску. С минуту медлил, глядя в это месиво, а потом начал тупо есть. Тупо и бесстрастно есть, вылавливая пальцами кусочки хлеба и запивая их прямо через край этим острым и жирным настоем.

Вот озеро Фева. Смеясь, Лиза выходит из воды. Ей лень переодеваться, она обнимает ладонями свои маленькие груди, отжимая купальник. По ее загорелому узкому телу пробегают струйки воды. Заснеженные вершины вдали.

Вот загорает, сидя, немецкий турист - огромный старик, он достает бутерброд двумя пальцами из целлофанового пакета, рядом буддийская ступа.

А вот и я сам, смеясь, захожу в воду по пояс, поднимая руку с сигаретой все выше и выше, плыву, форсисто держа ее на отлете. Затейливый дымок над водой.

Садится за вершинами солнце, стали виднее храмы на острове и на том берегу. Тень горы выползает на самую середину.

Здесь, в тюрьме, я, наверное, должен догадаться, почему случилось то, что случилось, и за что я наказан. Они просовывают на ночь в деревянную дырку мой фаллос, называя его "лингам". Они привязывают меня на ночь к лавке Кали. Рука к руке, нога к ноге, губы в губы. Если я не буду совершать феллиций, они запорят меня насмерть. Я что-то такое должен им подписать. Они подсовывают мне бумаги и ручку, вместе с газетами. Но ведь я не убивал их короля! Я не тот, за кого они меня принимают. Но ведь и каждый из нас не таков, кем он представляется для других. Ты догадываешься, папа, что сейчас я говорю и о Лизе. Ты скажешь, что ты меня предупреждал. Но однажды ты же мне и сказал, что одно и то же видение предстает перед нами на разных этапах жизни, в разных обличьях является та или то, что так трудно назвать по имени. Я помню, как ты усмехнулся. "Страж охраняет сокровище, - сказал, усмехаясь, ты. - И каждый раз битва с ним все безнадежнее". Вся эта история с Лизой. Если я и хотел чего-то, то только ради нее. Где начало, спрашиваешь ты меня, где начало?
Гремит в замке ключ. Опять на допрос. Я ничего не подпишу...

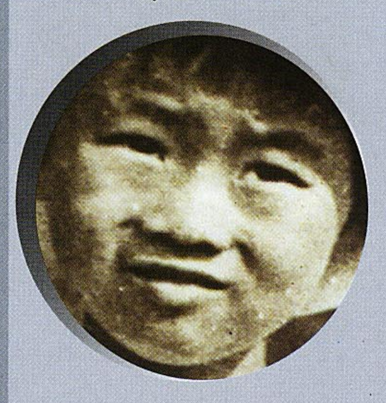
11.
Очнулся я уже совсем в другой камере. Скорее, это была даже не камера, а комната. Здесь было как-то подозрительно чисто. Окно было забрано решеткой. У подоконника стояли привинченные к полу стол и стул. Я сам был уже в свежем белье и свободно лежал на широкой кровати. Слабое жжение в паху заставило меня протянуть руку. Да - чертово кольцо! "Венчание..." Меня опять накрыло мутной черной волной. "Приговор..." Я стянул с фаллоса кольцо и с отвращением отбросил его в угол. Инстинктивно встал, стараясь отвлечь себя движением от мрачных мыслей. "Не думать ни о чем, если впустить в сознание все, что произошло вчера, то просто не выдержишь..." Сглатывая с болью (болел кадык), я подошел к столу. На краю лежала нераспечатанная пачка сигарет, "Pall Mall". Я распечатал, взял одну и закурил. "Как-то все же это... странно, - вдруг спокойно, где-то в глубине мелькнула мысль. - Приговор без суда и следствия? Да что я сделал-то, сфотографировал этого их Нандина? Они мне там подсовывали что-то еще. Но я же ничего не подписал. Значит, это невозможно?.. Ясно - причина в том, что я звонил Дипендре. Но пусть даже и прослушивали. Почему я не помню, встречался я с ним или нет? Все равно, надо же разобраться. Скорее, какой-то гнусный спектакль, непонятная инсценировка... Что за дурацкое венчание? Приговор... Исполнение в присутствии королевской семьи... Кто такой якши?.. Или кто такая якши? Невеста что-ли? Та наркоманка? - Я снова вспомнил, как сомнамбулически покачивалась та странная кукла в белом сари, не отрывая от меня своего блестящего взгляда. - Приговор... Казнь?! Нет, это невозможно!.. Безумие". Я почувствовал, как отлегает от сердца и глубоко вздохнул.
Вдруг холодный ветер снова словно бы пронизал меня. Тантра! Я вдруг обмер, ясно вспоминая теперь, что однажды сказал мне Дипендра тогда, два с половиной года тому назад, когда мы общались с ним в Америке. Да, тот пьяный разговор! Как это вдруг так вспомнилось?! Однажды он что-то пьяно

объяснял выпивавшему тогда с нами голландцу и сказал, что в его стране, помимо обычных тантристских общин, есть и закрытые, есть даже один религиозный орден, где и по сей день практикуют человеческие жертвоприношения. Он как-то странно даже тогда засмеялся, Дипендра, нервно. А потом как-то подавленно замолчал.
Я оглянулся: над кроватью в черной раме висело изображение все той же Кали. Богиня бесстрастно взирала на меня своими белыми, рельефно как-то намазанными глазницами, на которых чернели ее всевидящие зрачки. Богиня была в желтом сари, в одной из четырех рук она держала какой-то странной формы меч, в другой - человеческую голову...

12.
"Когда якши завершит свои подготовительные ритуалы..."
Я сел на стул и посмотрел в окно. Узкий маленький дворик, высыпанный искрящейся на солнце щебенкой. Две красные кирпичные стены какого-то другого (а может быть, и этого) здания, где я находился, замыкали двор. Окон больше не было. Я подумал, что где-то здесь, может быть, томится и Лиза, где-то за одной из этих стен, которые как будто вырезали в пространстве какой-то острый неумолимый угол, над которым поднималось свободное и желтое от зноя небо. "Венчание... " Вдруг меня пронзило: "Лиза! Они же имеют ввиду Лизу! Она сказала им, что мы еще не поженились..." "Венчание, а потом... казнь". У меня закружилась голова, и красный угол поплыл перед глазами. Что-то словно бы разверзлось там, глубоко во мне. Я словно бы увидел, как приоткрылась какая-то мерцающая подкладка моей жизни - скрытый и до конца еще не ясный план, что-то, что было выше моего понимания, что я прожил за эти годы, что, конечно же, пытался, как и все анализировать, и что было лишь логикой, игрой в прятки от самого себя. Сейчас же... Увы, я ничего не мог назвать по имени, вернее, мог бы, но это были бы не те слова, не то, что я знал сейчас и что мне словно бы кем-то давалось - какая-то скрытая от меня моя другая жизнь, от которой я, быть может, и хотел бы избавиться, и единственность, неповторимость которой были сейчас для меня так несомненны. Я вглядывался в эту неизвестную мне известность, в эту правду о себе, и хотел и все не решался спросить там, у себя. Осталась ли еще хоть какая-то надежда или теперь все кончено, теперь все уже только после? Глубокая тоска и жалость к себе вдруг охватили все мое существо. Эти чувства пришли откуда-то извне, заслоняя собой открывшиеся было мне глубины, и я не удержался и уже снова был словно бы выброшен на поверхность, обнаруживая себя среди этой непонятной, абсурдной и отвратительной реальности, снова сидящим на стуле у окна, все тот же острый кирпичный угол и мысли, мысли, страх, что меня казнят... Загремел замок, я вздрогнул, но не оглянулся. Заскрипела, медленно открываясь, дверь. Зашаркали шаги и передо мной возник гуркх в черном. Он поставил на стол завтрак. Я увидел мясо и бобы, стакан красного вина. Теперь я уже был только тело. Я жадно набросился на мясо, запивая его вином из глиняного стакана. После обеда меня сморил сон, и я заснул. Спал я без сновидений, но когда проснулся, снова возникла мысль о грозящей мне казни и стала вгрызаться в мое нутро с прежней силой. "Венчание... а потом... Но кто невеста?.. Лиза?" И вдруг все та же страшная догадка, словно порыв холодного ветра, пронзила все мое существо: "Девиани!"
Три дня неизвестности и ожиданий измучили меня настолько, что я понял, если не найду себе здесь какого-нибудь занятия, то просто-напросто сойду с ума. И тогда я вспомнил о том человеке, который дал мне деньги на это путешествие. На следующее утро я знаками попросил у охранявшего меня гуркха бумагу и карандаш. Он кивнул, но потом отрицательно покачал головой. Но через день, видимо, посовещавшись с кем-то, он принес мне и то, и другое.

13.
Америка. Я начну с Америки. Двигаясь с Запада на Восток, против солнца. Может быть, теперь, поверх слов, поверх описаний и картинок меня снова настигнет это, как и тогда, когда я только и мог, что сказать там или здесь, указывая самому себе дорогу к тому, что так трудно назвать по имени, чертовы банальности, я спотыкаюсь, но почему бы все же не попробовать рассказать себе эту историю, попробовать подобрать слова к тому, что я увидел, как в пропасти, может быть, тогда я как-то догадаюсь, почему все это происходит именно со мной? Вспомнил вот вдруг сон перед отлетом в это чертово королевство, где я принимаю таблетку, обследую какие-то готические залы, вдруг выясняется, что это не что иное, как полость моего собственного рта, мое собственное нёбо, вот внизу гниющий зуб мудрости, коричневая кариесная дырка, я проникаю, зловоние, лаз ведет еще глубже вниз, пробираюсь сквозь смрад, белая натянутая нитка нерва, и сверху чей-то злорадный смех, они сверлят так, что все вокруг трясется, я остаюсь в каком-то гроте, сверху лаз замурованный полупрозрачной пломбой, на которой изображено усатое, как у Дали, лицо Джоконды. Наверх дороги нет, я вынужден начать спускаться и соскальзываю в темноту... Сам себе Шехерезада, расскажи историю, может быть, она поможет тебе выбраться, как сказала бы та имиджмейкерская скотина, из-за которой тоже (косвенно) я попал сюда, в эту, б*ядь, тюрьму, где я, наверное, медленно сойду с ума, если не буду делать хоть что-нибудь, например, вот это - писать, выдавливая из себя яд и гной... Эх, если бы можно было разбежаться и самого себя догнать. Оттолкнувшись, перепрыгнуть, ха-ха, кажется, здесь, в этой мнимости я набираю форму, вот, даже пошутил, как бы только не разрыдаться. Да, лишь бы что-то делать. Или все уже сделано? Осталось только описать, приправляя кое-где юмором висельника? Отказываешься верить, что это происходит с тобой и происходит на самом деле? Вот, вспомнилась опять цитатка из книжечки отца: "Человек свободный не думает о смерти". Кто это сказал? Ха-ха-ха! Попал бы сейчас сюда автор. Бессмысленность всего. Похоже, что я и в самом деле боюсь, что меня приговорят... приговорят к... Сука, *лядь, чтоб вы все сдохли, падлы!.. Господи, но почему именно я?!

Тихий университетский городок на Среднем Западе, куда отец заслал меня учиться, куда он меня продал, чтобы наконец избавиться, заплатив за избавление восемь тысяч долларов после смерти моей бабушки. Мы все только и делали, что ждали ее конца. Не хочу сейчас лицемерить, мы все успокаивали себя тем, что ей за восемьдесят и, следовательно, уже пора. Тогда я понял, что лучше не доживать до старости. Нет, старых не любят и не уважают, они противны как ссохшиеся жуки, на них неприятно смотреть, от них воняет, и от них хотят только избавиться. Старый человек окостеневает, отчуждается и превращается в жужжащий надоедливый предмет, который лишь какой-то странный долг не позволяет выбросить на помойку... Мать умерла молодой, я еще не успел ее разлюбить, но бабушка, эта безумная жалкая лягушка с желто-голубыми глазками, я отказывался верить, что это моя бабушка, к которой когда-то меня мчали ночью на такси, которая когда-то рассказывала мне сказки. Я по-прежнему любил ковер с тигром и охотниками, но теперь, увы, не это эфемерное создание, присаживающееся на корточки в коридоре, чтобы навалить, как ребенок, кучу дымящегося говна. Разумеется, на похоронах я плакал и, надеюсь, где-то все же искренне. Может быть, самое ценное в этой смерти для меня было то, что я понял, что никакого того света нет, и ничто не возвращается обратно. Может быть, я плакал и от этого. Хотя, скорее, мне, как и каждому, было жалко самого себя, а не эту страшную восковую куклу с полураскрытым усмехающимся, залепленным какой-то зеленой пастой ртом.
Продав бабушкину квартиру, отец сделал благородный жест - не хочешь быть фотографом (он хотел, чтобы я поступил на операторский во ВГИК; за месяц до этого я завалил все экзамены), валяй, занимайся своими дурацкими компьютерами. Я, конечно, прочитал его душевное послание: "Видишь, какой я добрый, дал тебе денег на образование, вдобавок не где-нибудь, а в Америке". После смерти матери прошло уже девять лет, два последних года отец жил в новом браке с женщиной, которая была ненамного меня старше. Мне было ясно, что, засылая меня в Америку, они, отец и Нина (так звали его новую жену), просто хотят от меня избавиться. Эта Нинка, эта длинная сучара (она была меня выше на полторы головы), которая каждый раз так очаровательно улыбалась, когда мы сталкивались перед туалетом в коридоре, я, естественно, пропускал ее, а после не мог зайти иначе, как через полчаса, зажимая нос и прежде всего опрыскивая все дезодорантом, я ненавидел ее запах. Я даже думал, что она специально, как скунс, напускает эту вонь, так она меня ненавидела. А за что? За то, что я всего-навсего был его сын и жил с ним в нашей квартире, перебравшись в комнату матери? Хаос, я не могу это все как-то правильно описать. Каждому прежде всего нужен унитаз. Вот, начал с Америки и сбился. Унитазы... но ведь с них тогда началась и моя Америка! Эти аппараты, наполовину заполненные водой, куда падает, плескаясь, человеческое дерьмо, и брызги, неприятно холодя, долетают до жопы. Я привставал, оборачиваясь, и нажимал на рычаг, глядя, как мое светлое (перемена воды и пищи) по спирали, в ту же сторону, что и стрелки на часах, засасывается в отверстие и исчезает. В первый раз в номере гостиницы я даже подумал, что машинка неисправна, раз в ней так много воды, и даже хотел позвать служителя, но потом, понажимав несколько раз, догадался, что так и должно быть, и что аппарат работает нормально.
Я вышел из университетской общаги, где временно поселился. Я не хотел думать ни о своей

молоденькой мачехе (какая-то дурацкая у нее была фамилия - Пастова), ни об отце. На реке широкогрудый янки поливал из шланга лодку, южный ветер сдувал струю, парень отвлекался, заглядываясь на девушек, и получалось так, что он собственно поливает реку, а не лодку (шланг через помпу засасывал воду из этой же реки).
В первом семестре мне предстояло изучать информатику и другие точные науки. Две тысячи долларов на житье лежали у меня в кармане. "В конце концов, он не такой уж и скряга и заплатил неплохо, чтобы от меня избавиться". Я вспомнил бледнозеленое нинкино лицо, как у нее поехала по диагонали челюсть и оттопырилась с козявкой ноздря, когда папан объявил за ужином, что часть бабушкиного наследства пойдет на мое образование в американском университете. Но все же я был доволен, что все так обернулось. Спасибо, наконец, и бабушке. Все-таки другая жизнь, теплый ветер с юга. Я вспомнил, как еще с самолета вглядывался в эти прямые, уходящие за горизонт четко по сторонам света хайвеи и поблескивающие на солнце игрушки городов, последние чем-то напоминали мне взаимозаменяемые детали компьютера. Логика, самодостаточность и воля - может, это мне и было надо для достижения моих неясных пока еще, но безусловно высших целей. Моей Статуей Свободы был Билл Гейтс и одновременно Роджер Уотерс, игравший когда-то в Пинк Флойде, хотя Уотерс, пожалуй, достался в наследство от отца, врубавшего по ночам его вперемешку с Вагнером. Я стоял у реки лицом на Запад, и не хотел оглядываться. Какой-то чувак промчался мимо на низком трехколесном, почти лежачем велосипеде, он крутил педали руками над собой, неподвижно вытянув вперед ноги. Хищный разноцветный шлем, черные узкие очки, за спиной велосипедиста развевался университетский флаг, "hawkeyes" было написано на нем, что означало

"ястребы". Я чуть не закричал: "Да здравствует Америка!" Потом я зашел в какой-то бар, где выпил залпом два "гиннесса". Мне предстояло еще отметить свое прибытие в деканате, но я решил все отложить на завтра. Я взял еще два "гиннесса" и даже попробовал сыграть в пул, зарядив в машинку четыре четвертинки доллара. Высокий пластичный негр, белозубо улыбаясь, взялся меня учить за мои же, сука, деньги, направляя мой гулявший кий так, чтобы я бил только по цветным и не трогал черный, потому что если этот черный невзначай попадет в лузу, то я сразу проиграю. Негр быстро расстрелял по лузам свои полосатые шары и предложил мне еще урок за мои же деньги. Но я отказался и побрел в гостиницу. Кролики и белки перебегали по дорожкам с газона на газон, автомобилисты вежливо пропускали пешеходов, на улицах было много инвалидов в самокатящихся креслах, некоторые из инвалидов управляли своим движением через специальный шланг, касаясь его лишь самым кончиком языка. "Графоманы", - усмехался я. И все не переставал удивляться этой волшебной и вторичной Америке. Абстрактные скульптуры времен Поллака на улицах, гипсовые или из папье-маше скульптурки диких животных, нелепо выкрашенные под натуру и

возвышающиеся во двориках коттеджей... Пару раз я споткнулся, падая на газон. Хотелось обнимать всех попадающихся по пути девушек. Но когда наконец решался, в моих объятиях почему-то оказывались одутловатые университетские старикаsuccessions в шортах и в маечках. В итоге, я отставил свои амурные затеи и взял еще пару "гиннессов" в каком-то пабе, а в магазине, помнится, бутылку виски.
Очнулся я уже у себя в комнате. На моей кровати сидел какой-то не то индокитаец, не то индокореец и, мелко хохоча, указывал мне на мою блевотину, на столе стояла недопитая бутылка виски. Я слушал исковерканные русские слова и вспоминал абитуриентскую общагу там, в Москве, куда съехались на поступление провинциалы. Приторно причмокивая, азиат этот продолжал: "Ситё ете тибе нядe убрат, панимаесь, да, убрат, ситё зидеся так не принято, панимаесь?" Он заулыбался, похлопал меня по плечу и ушел, словно только того и дожидался, чтобы я проснулся. Было светло, я догадался, что это уже утро следующего дня. Дико трещала башка, но я решил не похмеляться. Я выпил три таблетки анальгина и вылил остатки виски в раковину, убрал подносом из-под кофеварки блевотину. Через полчаса головная боль утихла, но накатила смертная тоска. Я вдруг страшно захотел домой. Хотя куда мне было возвращаться? К кому? К отцу?.. Да любил ли он когда-нибудь меня? Я лег опять, как был, в помятых брюках и в ботинках, на кровать и глубоко задумался. Отец... Как я его подчас не ненавидел, он все же оставил в моей жизни след, но сам по себе он все же оставался для меня загадкой и, может быть, я и ненавидел его иногда за то, что не мог эту загадку разгадать. В отце все как будто было смешано в каких-то несуразных пропорциях - и агрессия, и доброжелательность, глупость в форме назидательности, мудрые цитатки, тщательно скрываемая похоть, тяга к мистике и откровенное семидесятничество, маркузеанский (как он сам выражался) отказ, поиски какого-то своего бога, его порой порнографические картины, любовь к "тупой и беспощадной" русской нации и, одновременно, западничество... Я не знал, любил ли он мою мать, любил ли он меня. И кто тогда я - любимый плод его похоти, тщеславия и *лядства, или хоть чего-то еще? Наверное, каждое восемнадцатилетнее существо хочет надеяться, что оказалось в этом мире по причине любви. Я почему-то вспомнил, что мать рассказывала, что она визжала, пока я так долго и мучительно пытался появиться на свет, буквально раздирая ее на части. Ей было трудно разродиться, акушер боялся, что она умрет, и моя бабушка (другая) побежала ставить свечку в церковь на Преображенку. Не знаю, свечка ли или нож вовремя решившегося на кесарево врача послужили причиной моего рождения.
Быть может, я и в самом деле безумен, если так легко, по-графомански, несусь по строчкам сейчас, здесь, в этой тюрьме, зная... нет, не зная, пусть то, что случится, случится с кем-то другим, с каким-то другим Виктором, который сейчас просто сидит на стуле, тупо уставившись в окно на острый кирпичный угол... Когда же они за тобой придут, Вик? Это невнятное писание - опять как мастурбация, да, как мастурбация, чтобы не сойти от ужаса с ума. Да нет, я уверен, что скоро все разъяснится и меня наконец выпустят...
Ну что же, продолжим дрочку. Все же я не совсем прав по отношению к отцу. Перед тем, как он привел эту Нинку в наш дом навсегда, он решил со мною выпить. Я помню, была уже ночь, и я уже спал. Несколько лет после той истории с его рассеченной бровью он не позволял себе входить ко мне после двенадцати. В ту ночь он постучал и вошел с бутылкой водки, молча разлил в две рюмки и разрезал пополам лимон. Заспанный, я ничего не понимал.
- Завтра, - сказал тихо и как-то глухо он. - Завтра мы с Ниной расписываемся.
Это было, как удар грома.
- А как же я? - тихо спросил я.
- Что - ты? Ты как жил, так и будешь жить, и, - он помолчал, - я даже надеюсь, лучше. Нина будет нам готовить... стирать...
- Ты что, из-за этого и женишься?
Он как-то потускнел. Мне показалось, что он вспомнил мать.
- Я хочу семьи, - сказал он, глядя в пол. - Я уже устал от всего этого, - он сделал неопределенный жест, но я понял, что он имел в виду женщин. - Вдобавок, Нина хорошо к тебе относится.
- Это что же, самое важное?
Я усмехнулся. Мы давно не говорили с ним откровенно. А последнее время так только, формальничали - здравствуй, привет, как дела - но в глубине души мне было жаль, что расстояние между нами все увеличивается и увеличивается, а ведь он все же когда-то учил меня рисовать, читал стихи. Помню, ездили еще на море, с матерью, там он переносил меня на своих плечах, шагая по камням у самого края скалы, я видел в глубине водоросли и разноцветных рыб, мне было года три, но я это навсегда запомнил.
Он молчал.
- Мне казалось, что важнее то, что ты ее любишь, - наивно продолжал я, а скорее всего, не так уж и наивно.
Он протянул мне мою рюмку.
- Или ты что... ее не так уж и любишь? - спросил, снова не удержавшись, я, зорко вглядываясь в его лицо. Конечно, я больше заботился о самом себе. Я все еще надеялся, что и между нами не все еще потеряно.
Он молча взял и свою рюмку.
- Ну что же, - снова сказал я, - за твою будущую жену.
Мы чокнулись.
- Зря ты так, в самом деле, - сказал он и выпил.
Я тоже выпил. Он отрезал дольку от своей половины - и себе, и мне. Я хотел, чтобы он сказал сейчас, что он любил и любит только мою мать, несмотря на все свое б*ядство. Он молча разлил еще. Потом как-то странно, долго, не моргая посмотрел мне в глаза, так, что я не мог отвести взгляда, и наконец сказал:
- Я знаю, ты хочешь спросить, любил ли я твою мать... Да... Наверное... - он грустно усмехнулся. - Но ведь я был неравнодушен и к... Кларе.
Я вспоминаю это и сейчас, здесь, в тюрьме. Я вспомнил это и тогда, в Америке.
Двигаться дальше, чтобы успеть дорассказать себе эту историю, пока, как они сказали, не завершит свои подготовительные ритуалы якши. Кстати, кто такой этот якши, может, это и есть палач? Хотя они сказали же, что не сразу, что у меня еще будет свидание с Лизой. С Лизой...
Один раз я все же видел, как он делал это с Кларой. Еще до того, как он меня ей отдал. Голый, почему-то с очень белой кожей, с неестественно длинным и темным членом. Это случилось в его мастерской. Мне было еще не четырнадцать, а, наверное, десять или двенадцать. Я остался намеренно, чтобы попробовать его коньяк, и спрятался в стенном шкафу. Я не знал, что они вернутся. Я никогда не видел, как это делается. И я не верил в то, что, осклабясь, с таким смаком описывали хулиганы. Но теперь... Какое-то странное чувство брезгливости охватило меня оттого, что отец гол. Но когда он стал размеренно бить своим животом в ее опрокинутое разъятое тело, когда так откровенно стали шлепаться друг о друга их животы, я слышал и еще какой-то свистящий хлюпающий звук, я видел, как каждый раз, при каждом его ударе вздрагивают ее задранные вверх ляжки... Это было какое-то жестокое мучительное зрелище, мне показалось, что они за что-то друг друга наказывают, и она, и он, но прежде всего он, да, я понял, почему про это в школьном туалете говорили "порет". Я боялся, что он ее убьет, забьет вот так насмерть. А потом, потом он почему-то закричал и повалился на нее мелко дрожа. Мне стало страшно, я подумал, что он умер. Я не знал, что делать. Хотел что есть силы закричать. Он вдруг ожил и стал переворачиваться на спину. Мокрый блестящий член его, еще дергающийся в сладостных конвульсиях... я не мог оторвать взгляда, словно бы этот гигантский член и был целиком мой отец. Вот это и есть именно он, и теперь я знаю это. И еще эта страшная мокрая дыра, мокрая и темная, с какими-то обвисшими губами, почему-то напоминавшая мне могилу. Это было чудовищно. Отвратительно и почему-то так притягательно одновременно. Тогда я и понял, что это и есть самое главное в жизни людей.

22.

Из Америки я вернулся совсем другим. Отец, конечно, был в шоке, что меня выгнали. Но меня это мало волновало. Я все же прошел свой западный университет. Дипендра заразил меня своим аристократическим нонконформизмом. Он, кстати, любил ту же музыку, что и я. И панк, и рок, и классику (мое почтение папаше). Часто мы, плавно перетекая из одного бара в другой - из "Дублина" в "Атлас" или в "Кью" (Дипендра предпочитал дешевые студенческие бары), затягивали что-нибудь старинное из "The Wall", что-нибудь вроде: "We don't need no education". Или из "Led Zeppelin" просто: "Пам- пам-пара-па-пам". И, беззвучно смеясь, смотрели друг на друга, как две экзотические, еще не вымершие цапли. А потом бодро принимались за "Rammstein". Нет, мы не только развратничали, хотя и развратничали тоже. Давенпорт - как она раздвигает это свое для тебя, двумя пальчиками блестящие лоснящиеся губки, глаза в глаза и наглая насмешечка - может быть, это был даже не разврат, а какое-то священное изумление. "Дионис, разорви меня в клочья! - кричал Крис, подхватывая какую-нибудь пьяную хохочущую мулатку за ляжки и тяжело, неуклюже переваливая через плечо, она визжала от наслаждения. И снова, теперь с высоты, снова это извечно завораживающее меня отверстие, манящая засасывающая вульва или, попросту говоря, пиз*а, куда можно будет потом засаживать и засаживать, залезая на стол и упираясь пятками в дверной косяк... Я надеюсь, эти девочки хоть чуть-чуть, но все же любили нас искренне, а не только за деньги. Хотя, прежде всего это было издевательство над буржуа, которые предаются своему разврату в магазине или перед телевизором. Однажды Дипендра на глазах у банкира прямо напротив парадного входа в "Фистар банк" сжег пачку из пятидесятидолларовых бумажек, которые одну за другой выдавал ему банкомат. Я видел мучительно искривленное лицо банкира, казалось, как будто сжигают его самого. Дипендра смеялся и громко рассказывал про вирус, который якобы изобретают в его стране, вирус, передающийся только через американцев и поражающий доллары, рассыпающий эти дьявольские бумажки в прах. Он издевательски закончил тем, что деньги давно уже

потеряли свою меру справедливости в этом мире, и что капитал это на самом деле социальная форма рака.
Вторичный мир - пластмассовые одноразовые тарелки и пластмассовые профессорские сынки, поющие с чужих слов пластмассовые гуманистические ценности. Мы предпочитали живые пиз*ы и распаляющий воображение кокаин, белый смертоносный порошок. Как я, дрожа, ссыпаю его на стеклышко, слежу, чтобы не пропало ни одной снежинки, и осторожно разделяю маленькой стеклянной палочкой на две равные (и, увы, неравные) линии. Как Дипендра тихо говорит мне "вот так" и, не дыша, о, не дыша, приближает к лицу, к самому носу, и так же и я, и так же и я, как второй Дипендра, и мы кружимся, кружимся в снежном вальсе, кокаиновые хлопья снежных п*зд, здравствуй, принц, здравствуй моя непризнанная печаль, моя любовь и надежда, только ради тебя я стану как женщина, как твоя и жена, и мать, и сестра. Я не хочу принадлежать этому миру, о, жизнь - строжайшая машинка, - отпусти...
И машинка отпускала. Ни тебе лекций, ни семинаров. *ляди из "Доллз" были моими профессорами.
Крис вдыхал по-другому, через длинную трубочку, через специальный кокаиновый аппарат, боясь передозировки, как бы не заморозиться. Крис говорил, что знает методу как открывать себе третий глаз. "Просветление - это секреция, - смеялся Крис, - и у каждого есть эта таинственная железа, вырабатывающая эзотерическую жидкость. Моя метода шаг за шагом физиологически превратит тебя в бога". Он ссылался на Олдоса Хаксли, предпочитавшего молитве ЛСД. Крис напылял в свою носоглотку и в легкие через день, начиная с 0.2 и прибавляя по 0.1 условных единиц, рассчитанных на каждый килограмм веса. Через два дня на третий сбрасывал по 0.2, а потом на четвертый набавлял по 0.3 и так, пока его не начало рвать. Нам с Дипендрой он сказал, что он где-то ошибся и продолжал настаивать, что метода верна.
Да, папа, я открыл для себя другие университеты. Я узнал, как живут короли (ну хорошо, пусть не короли, а наследные принцы). Да, я стал против, я стал против всех, законченный монархист с анархистской подкладкой. Не революция, нет, но монархия с открытым вопросом о вере, как говорил второй мой учитель Крис. "Открой, что ты бог сам и стань по ту сторону богов, которых тебе навязывают другие. Говори всем (хотя тебя, быть может, и не поймут), что у каждого человека своя религия".
"Ты ничего не понимаешь", - я так и сказал отцу в первый же вечер, когда он обвинил меня, что я просто выбросил на ветер деньги, которые он мне дал на образование. "Вы оба, - оборвал его я, кивая на Нину, - доживете до старости и будете счастливой парой ездить на инвалидных колясках по супермаркетам, я видел таких там, в Америке, и мне такого счастья не надо!" Я хлопнул дверью своей комнаты, показывая, что разговор окончен, а через час собрал вещи и поехал ночевать в общагу к своему другу. Это было вечером, часов в десять. В Москву я прилетел в тот же день в семь утра. Пятнадцать часов в семье, и я уже был сыт по горло. На хер! Его проповеди взбесили меня с первых же слов, как будто он и был один из тех клерков, которых так презирал Дипендра. Я почувствовал в себе какую-то странную морозную легкость, легкость морозного солнечного дня, все ту же кокаиновую легкость (хотя я уже с неделю как не забрасывался), претворенную теперь в священный гнев, и я обращал его в слова, которые так свободно и так легко бросал им как несомненную правду - "Неужели же вы, взрослые люди, не видите!" Я словно бы хлестал их презрительно по щекам, вот вам, вот вам, вы же хотели от меня с этой Америкой избавиться, думаешь, я, папа, не понимаю?! Поддельный мир, папа, поддельный мир, вы просто разыгрываете по инерции ваши супружеские роли, но вы уже все давно для меня мертвецы. А для меня остается только любовь и свобода. И ты, папа, так ничего и не понял в этой жизни, потому что ты неудачник и ты предпочел инфантильное болото брака своей любви! Чего я только не наговорил тогда. На Нину я вообще не обращал внимания, словно бы ее и не было, хотя она стояла рядом с ним вся красная от слез, закрыв лицо руками, пока я продолжал хлестать и хлестать его словами, его, своего отца, этими жестокими словами. Он стоял, опустив голову, а потом тихо сказал:
"Какая же ты дрянь..."
Так я и выскочил в свое ничто, свободный и никчемный, без копейки денег. Мне пришлось жить то в общаге, то на даче у кого-нибудь из своих друзей, заражая их своими крамольными речами и разыгрывая роль несправедливо изгнанного из семьи сына. К моим кумирам Биллу Гейтсу, Роджеру Уотерсу и Тиллу Линдеману присоединился еще и Лимонов (я покупал его газету и все мечтал что-нибудь туда написать). В целом получалась довольно гремучая смесь. Кое-какие деньги я зарабатывал сборкой компьютерного "железа" и наладкой программ по разным знакомым. Развлечения, конечно, были все больше не те, что в Америке, как правило просто пьянки. В компаниях с девочками я пытался напевать Уотерса, чтобы понравиться им, или заводил мятежные разговоры, но это были не те девочки, как в "Доллз" или в Давенпорте, которых можно было бы просто взять за сиськи, показав перед этим десятидолларовую бумажку. Увы, моя отвратительная внешность, я буквально ненавидел свои отражения в зеркалах, в особенности ассиметричность своего лица, хотя в детстве мать утешала меня, что у многих талантливых и гениальных людей было лицо с нарушенной симметрией, и приводила в пример Пикассо, Дали и моего же собственного отца, от которого я унаследовал эту ассиметрию, вдобавок мой маленький рост и вес давали мне не много шансов в конкуренции с другими самцами. Да и идеалы здесь были не те, эти "принцы" хотели теперь просто хорошо жить, вписавшись после института в какую-нибудь инофирму на должность менеджера или бухгалтера, так же, как и их "принцессы", которых я впрочем иногда пытался у них отбить своими сбивчивыми аристократическими разговорами. "Витек, да ты же фашист! - дразнили меня некоторые из них. - Дай тебе пулемет, ты же нас всех перестреляешь". "Ну не всех, конечно, - отшучивался я. - Девочек ждет кое-что поинтереснее". "Что, например?" "Ну, например, перемена пола". Кто-то, ухмыляясь, подливал мне вина. Потом все парами разбредались по комнатам, а я, как всегда, оставался один. Денег на проституток не было.
Однако несмотря на свою внешность и весь привитый мне Крисом цинизм, втайне я все же ощущал себя нежным и красивым. Конечно, я мог бы найти себе какую-нибудь подружку, но какую-нибудь мне было не надо. Мне нужна была королева и я искал только ее. Вечерами я часто вспоминал Дипендру и даже иногда ловил себя на странных мыслях. Что было бы, если бы мы были с ним геями? Наверное, есть же и что-то чистое в однополой любви - мужская дружба, доведенная до совершенства... Впрочем, я со стыдом прогонял эти неясные, стесняющие меня фантазмы. В дневной жизни я все жаднее и жаднее вглядывался в мелькающие под юбочками ляжечки (когда мерзавки любезно, словно бы специально для меня, перекидывали в своих креслах нога на ногу). Крис научил меня не стесняться мастурбации. "Когда наступают тяжелые времена - проблемы с деньгами, а значит и с женским полом, - сказал как-то мне он, - не мучай себя воздержанием. Онанизм - не детский порок, как нас обманывают в школе. Онанизм - это закон природы. Бери пример с животных и богов. Онан - персонаж Ветхого Завета". Он добавил, что в некоторых тайных религиозных культах мастурбация - часть ритуала для вызывания божества, надо только знать, как правильно сконцентрироваться в последний момент, чтобы семя не пропало даром и чтобы успеть послать божеству заклинание. "Но не словами, - тихо и серьезно проговорил он, приближая ко мне свое фаллосообразное лицо, - а из самого сердца, как бы поверх слов, чувством, как учит нас Алистер Кроули". Он вдруг отодвинулся и как-то странно подмигнул. Я долго не мог понять, подшутил он надо мной или нет, ведь там, в "Доллз", лучших девочек выбирал себе прежде всего Дипендра, потом он, Крис, а я - то, что оставалось. Хотя, как младший я и не жаловался, тем более, что, как правило, расплачивался за нас все-таки Дипендра.
Об отце и о Нине в эти месяцы своего добровольного изгнания я старался не вспоминать, словно бы они остались где-то там, за моей спиной, маленькие, еле видные, словно бы я оставил их где-то внизу на равнине. Правда, иногда среди ночи отец вдруг вырастал из моих снов, он долго плакал и молился, а потом вонзал нож в мое сердце. Я тоже плакал, но не умирал, и тогда он вонзал нож еще и еще. Я старался не вспоминать об этих ночных кошмарах. Я ждал каких-то других событий в моей жизни. Я предчувствовал, что моя судьба уже таинственно изменяется, хотя пока еще, словно бы невидимая река, течет под землей, чтобы выйти наружу в совсем неожиданном месте.
Однажды вечером, когда за осенним лесом садилось солнце (я жил один на даче у своего старого друга), однажды вечером, когда было как-то особенно грустно, как-то особенно тихо и пронзительно, словно бы вокруг раздвинулось само пространство, раздвинулось само в себе, раскрывая еще какие-то другие невидимые ходы, и вечерние стрижи, словно бы почувствовав эти новые невидимые измерения, беспокойно устремились на их поиски, я видел, как они стремительно исчезали и вдруг неожиданно появлялись, закат, зеленея, медленно обращался в ничто, однажды вечером я почувствовал словно бы чье-то присутствие за своей спиной. Это было странное ощущение, какого я еще не знал прежде, как будто кто-то и чего-то от меня хочет, но я не знаю, кто и чего. Я стоял у окна, глядя, как догорает закат, иногда я слышал, как в саду падают яблоки, и вдруг в меня прокралось предчувствие какого-то нового наслаждения или даже не наслаждения, а какого-то нового рождения, проникновения в новую жизнь. "Сними с себя одежду", - услышал я изнутри тихий, но властный голос. Я стал медленно раздеваться. "Сними все". Я снял все. "Открой дверь". Я был в ужасе, хотя в это время в деревне все уже разбредались по домам и было маловероятно, чтобы кто-нибудь меня увидел. Я открыл дверь. Фаллос мой поднимался, наливаясь и наливаясь кровью. "Да, - сказал голос, - сделай это. И перед самым концом загадай желание". Я вспомнил Криса, словно бы он тоже был здесь, и вместе с Дипендрой они принимали меня в какой-то свой священный орден. Я начал... Нет, это было не безумие и не просто мастурбация, я не знал, что это было, но я принял это как какую-то епифанию, как непонятное явление божества, словно бы это и делал со мной бог. И я загадал желание. Нет, не о деньгах, не о власти и не о славе. Я не знал имени той, которую я мечтал встретить. Но теперь я знал, что она появится, потому что, потому что...

Андрей Бычков

Полностью этот мистический роман (или "алхимический детектив" - жанр читатель вправе определять сам) будет опубликован осенью в изд-ве "Ультра.Культура". С предисловием Юрия Мамлеева, не к ночи будет сказано...

спасибо за фото лехе карагодину

фото человека, выступающего против всех ядовитых трав <kodak67@mail.ru>

на спектакле режиссера Андрея Жолдака: звериные лики дегенеративного искусства

СЛЕДОПЫТ/следы пыток/

фото: **александр кадников**
<kodak67@mail.ru>
соавтор проекта **анна петрова**
<ganja@poluostrov.net>

благодарим за наследие
романа кухар

apm

A.S.POPOVA v/n RĪGAS RADIO RŪPNICA
РИЖСКИЙ РАДИОЗАВОД им. А.С.ПОПОВА
RĪGA-10
ГОСТ 5651-51

фото:николай трох,8.050.9803982<troh@nash.ru>

Двадцать седьмое августа

Домашняя работа

Тема: "Рейвах": как это было на самом деле

Цель: написать сочинение-отчет с элементами репортажа о фестивале "Рейвах", проходившем 21-23 июля 2004 года в развлекательном комплексе "Солнышко" в 10 километрах от Евпатории.

Обстоятельства создания данного текста

Я, Вова Пахолюк, 30 лет, холост, проживаю в городе Сумы, Украина, работаю в еженедельнике "Данкор", в свободное от работы время танцую в группе "Хамерман Знищує Віруси". Вечером 20 августа 2004 года, вернувшись из бани, получил от арт-директора журнала "НА!!!" Игоря Николаенко телефонограмму с предложением написать для сентябрьского номера журнала материал об июльском фестивале "Рейвах", в котором принимала участие группа "ХЗВ". Я, рассчитывая получить за материал деньги, необходимые для оплаты труда делающих в моей квартире ремонт строителей, согласился.

34

35

н о е

- Ты знаешь, кто такие "Хамерманы"?
- Это те, шо када-то пели про мягку писю, а теперь - про грусного кучму?

(Из подслушанного)

46

45

Руководство по оформлению статьи см. на следующих страницах

р е

СМ. СНАЧАЛА ТУДА

44

Три "Рейваха" для Вовочки

На "Рейвах", который, по мнению электронных СМИ, этим июлем чуть не стал главным альтернативным музыкальным событием украинского лета, группа "ХЗВ" ездила три раза. Первый раз публика носила нас на руках, второй раз публика заплевала нас харкачками, в третий раз публики вообще не было.

В начале лета я сидел в редакции "Данкора" и сочинял слова к песне "Ой, прожив я нэх*йово". Мне позвонил Альберт, певец и композитор группы "ХЗВ". Я подумал, шо он хочет узнать, не останусь ли я в редакции на ночь, шоб прийти скачать какой-то предсмертный бутлег Дэвида Боуи. Зная, шо на работе у Альберта (он работает врачом-диагностом в поликлинике ОАО "Сумыхимпром") возникают проблемы с начальством из-за того, шо он постоянно шото давнлодит, и к нему в кабинет невозможно дозвониться, я уже был готов сказать "да". Но Альберт вместо этого сообщил, шо группу "ХЗВ" пригласили на фестиваль "Рейвах" в конце июля. Мне ехать на фестиваль не то шоб очень хотелось: шоб уехать среди недели мне нужно заранее сдать все материалы в номер, а для этого нужно работать на выходных, а это - не мой стиль. Но Альберт привел железные аргументы: проезд оплачивают, питание-проживание оплачивают, плюс гонорар, добавив к которому 500 грн. мы сможем купить микрофон, необходимый нам для записи третьего альбома "Поп-звезда", плюс два дня на море, плюс посмотреть-послушать группу "НОМ", если получится взять у нее интервью, ну и вообще, че б не съездить, если нас на "Рейвахе" всегда так о*уенно принимают.

Как принимают нас на "Рейвахе"

"Рейвах" первый

Первый раз на "Рейвах" мы попали в 2000 году. Это было наше первое большое выступление после днепропетровского финала "Червоной руты-99", во время которой я впервые попробовал сибазон с кетамином, которым меня двигали доктора, шоб вырезать аппендицит, который, скорее всего, воспалился из-за того, шо после выступления я напился пива с рыбой, которую ел вместе с костями. В общем, фестиваль мы не выиграли, в шоу-бизнес не попали, да еще хирурги решили, шо я пассивный гомосексуалист: когда меня доставили в больницу и положили на операционный стол - я был в подаренных мне одной из конкурсанток белых женских трусиках с вышитым на передке тюльпаном (я не успел их переодеть, када приехала "скорая"). А поскольку "Рейвах" был для меня (по форме) продолжением "Руты" - я очень переживал. Но мы были хэдлайнерами. Быть хэдлайнерами у нас значит выступать последними. Я думал, шо к моменту, когда мы на сцену выйдем, все уже напьются, и нам все сойдет с рук. В общем, так и получилось. Фестиваль проходил в Тернополе на открытой площадке, и все нам хлопали, и мы решили, шо мы звезды.

"Рейвах" второй

Второй раз мы выступали на "Рейвахе" зимой этого года. Опять в Тернополе, опять хэдлайнерами. Вот шо писала о нашем выступлении электронная пресса:

"...порадіти за "...іДМГ" не було часу. На сцені з'явився "Хамерман Знищує Віруси"..."Хамермани" підготували провокацію, яка спрацювала з точністю аптечних терезів. Вони почали свій виступ російською мовою, пояснивши, що на "Рейваху" будуть тренуватися "проганять телеги": їх не зарахували до "української асоціації хіп-хопу", а тому треба тренуватись на живих людях. Спочатку почали верещати і тикати свої середні пальчики рагулі-"скіни": "ка-ца-пи, ка-ца-пи..!" Вокалісту це сподобалось. "Смерть москалям!" - прокричав Володя Пахалюк. А потім, в такт натовпу: "На-х@#! На-х@#! На-х@#!..". Рагулі зам'ялись - так що ж їм кричати і якими словами висловлювати свій протест?..

...Потім в "ХЗВ" почали плювати. "Це були соплі", - прокоментує згодом поведінку публіки хтось із журналістів".

А вот как все было на самом деле

Мы приехали в Тернополь, когда концерт уже шел вовсю. Естественно, не настроились. А петь и танцевать без настройки - не наш стиль. Поэтому я предложил выйти из ситуации следующим образом. Пока Альберт будет переодеваться, я расскажу людям слова первой песни, а в это время дядя настроит микрофон. На том и порешили. С чувством гордости за Вову Пахолюка, которого уже второй раз приглашают хэдлайнером на фестиваль в другой город, я принялся рассказывать песню "Ебатца хочеться як волку". Но, то ли у них там никто не е*ется, то ли они волков не любят, но когда включили фанеру (а мы всегда выступаем под "плюс", пропагандируя такой способ выступления, как одно из достижений НТР) зала за стеной мокроты я не видел. После первой песни на сцену выперся секьюрити из якогось ультраправого общества и сказав: "Кончайте матюкатца. Вони зараз вас розирвуть". Я, поклонник бокса вообще, и братьев Кличко в частности (я даже песню про них начал сочинять: "Мечтал життя я поиметь в очко и стать боксером як Кличко") знаю, как поступают в таких случаях рефери в ринге. Подошел к более сухому Альберту и спросил: "Желаете продолжать?" Альберт желал. После следующей песни организатор фестиваля крикнул в зал: "Заспокойтэ лохив". Публика не сообразила, шо он имел в виду, и стала нас заспокоювать.

Электронная рассылка с названием "Хамерман наткнувся на тризуб" появилась неделей позже, а сразу после концерта нас как "Битлз", когда они выступали де-то в Азии, и их чуть не зарезали, выводили через черный ход, запихивали в такси и говорили, шо обязательно организуют для нас в Тернополе еще один концерт. На вокзале нам рассказали, шо такие провокации для местных быков дело нужное, и шо мы правильно сделали. Тогда никто кроме меня и Альберта не знал, шо мы никого не провоцировали, и шо такой исход был нам дан в наказание.

За шо нас заплевали

Ожидая тернопольский поезд на киевском вокзале, мы с Альбертом сидели ебловали время убивали. Часа 4 сидели в одну точку смотрели. А там, на киевском вокзале, прямо в помещении воробьи летают. И вот мы сидим, а тут подходит девочка лет 15, мы ее спозиционировали как вокзальную проститутку. Она села напротив нас и начала выгребать мусор из карманов: какой-то срач, гандоны. И на нас смотрит, хихикает. "Жыды, шо вам тут надо", - говорит. "Я ее щас на *уй пошлю", - говорит мне Альберт на ухо. Потом достает из кармана часы время посмотреть (у а него часики женские). "А че у тебя часики женские?", - девочка спрашивает. "Пошла на *уй", - говорит Альберт, оторвавшись от спинки кресла. "Грубиян", - сказала девочка. "Пошла на *уй", - опять говорит Альберт. Девочка ушла на *уй. "А чево ты ее на *уй послал?" - у Альберта спрашиваю. Он мне рассказывает, шо он чистый украинец, но якось так получается, шо его несколько раз с жыдом путали. Я даже помню, как однажды, когда мы, дипломанты "Червоной руты", на фестивале "Хлиборобська писня" пели песню "Мама, пися на полшестова", какой-то дядя сказал про нас: "А, оти два еврэйчика".

Так вот Альберт не то шоб комплексовал, но справедливо возмутился. А я ему и говорю, шо она про воробьев говорила, потому шо воробьев еще жыдами называют. Альберт када это услышал, чуть свою шапку не съел. Он, ерзая в кресле, начал оглядываться по сторонам, искать глазами эту девочку. "Давай ей хоть денег дадим", - говорил он. Чувство вины распирало нас изнутри как дыня с кефиром. Но девочку мы не нашли, и денег ей не дали. И за то, шо оскорбили невиновную, были покараны заплеванием. Я так думаю, шо еще и легко отделались.

"Рейвах" третий

И вот после этого мы решаемся съездить пробздеться на море. Ну и как бы между делом сыграть на концерте. Я специально для этого "патриот-шоу" (так или иначе, оно было продолжением предыдущего) достал за 20 грн. в нашем театре красные шаровары для себя и голубые для Альберта, напрягся на выходных, хотя это и не мой стиль, и отправился на юга.

Первое, шо бросилось в глаза по приезде в "Солнышко" - принимающий воздушные ванны редактор журнала "НА!!!" Макс Шевцов со своей женщиной Таней, чья сентенция "матка все приймэ" ужэ разошлась по Сумам многотысячным тиражом. После того мы рассказали Максу все написанное выше и ознакомили с концепцией визуального оформления нашего шоу: красные шаровары должны великолепно смотреться с красной футболкой "Манчестер Юнайтед", подаренной мне одним старым другом, который через 15 минут после акта передачи мне этой реликвии нарыгал в армянском ресторане и забросал апельсинами официантку, отчего я думал, шо маечку эту носить мне уже не прийдетца. Потом мы решили прорепетировать единственную живую песню в нашем репертуаре. Шоб ее спеть, Алька специально привез из Сум детскую ионику с трубкой, в которую нужно дуть, шоб это все играло. Максу и Тане мы спели следующую песню.

(Альберт играет мелодию Курта Вайля "Мекки-мессер", я пою)

Вже кілька років як лягаю спаты
Завжды дывлюсь одне і те ж кіно
Після роботы грусный кучма
Йде расслаблятцa в казіно

Там не для мене сукно зелене
Там сільних міра мір зібрав
І грусный кучма сів пограты
І украину проіграв

(Альберт играет "Марсельезу", я пою)

Вставай великая країна
Вставай всім ворогам на зло
Стій непохитно як бувало
Стоїть у взрослому кино

(Альберт опять играет Вайля, я пою)

Нас плюндрували, орлы клювали
Німецькі польські і російські теж
Тут прилетів американський
Із апетітамы без меж

Но краще хай на нашім стязі
Зірок и смужок сяє перебор
Чім затягне до себе в путы
Трансазіатский тріколор

(Альберт играет "Марсельезу", я пою)

Вставай велыкая країна
шоб правда зло перемогла
шоб батько міг дывытця сыну
в жовтоблакитные глаза

Потом мы выпили по три бутылки пива и съели по три пачки кальмаров, покупались, встретили Брэка, который кроме "летающей тарелки", которую он всегда носит с собой, принес на пляж бутылку водки и покушать. Потом мы пошли на саундчек. Бля, как я ненавижу это слово. А не, я все вру, я все вру. Перед тем как пойти на саундчек, бля, как я ненавижу это слово, я взял первое интервью у группы "НОМ".

Первое интервью с группой "НОМ"

- А "НОМ" приехал, не знаешь? - спросил я Макса.

- Наверно, приехал, - Макс говорит. - А вон Турист пошел.

- Где?

- А вон.

Вдоль линии прибоя шел мужичек в леопардовых плавках с вытатуированным лет 20 назад и от этого потерявшим всякую форму орлом на лопатке. Я пошел к Туристу.

- Здравствуйте, вы Турист?

- Да.

- Я давний поклонник вашего творчества.

- Спасибо.

Мы соприкоснулись мозолями правых рук.

- Вы когда выступаете?

- Часов в 12.

- А можно будет потом с вами сфотографироваться?

- Конечно.

Конец интервью.

- Ну шо, - спросил Макс.

- Круто, это Турист, - сказал я.

- Пойду, презентую ему журнальчик с материальчиком про "НОМ".

"Хер ты пойдешь один", - подумал я.

Мы пошли вместе. А потом уже пошли на саундчек, бля. Там сцена в три яруса, если е*анешься оттуда пьяный, "скорая" как на Руте в Днепропетровске приехать не успеет. Мы бесполезно пытались отстроить микрофон, шоб хоть шото было слышно. Но, видно, не судьба. Специально законченную к фестивалю "Жизнь прожыв я не *уйово" Альберт, слушающий из зала, еле понял.

Как дожили до фестиваля, не помню. Мы допивали водку, когда в крытом манеже "Солнышка" парни пытались донести до зрителей какой то рок-мэсидж, но из-за херовой настройки не смогли.

Ай-да, говорю, внутрь. Зашли. Там человек 60 народу - все музыканты и ихние подруги. Ну, мы сели на стульчики, сидим. Тут якись бутылки по кругу ходят с мадерой, якась банка с клиторами (потом объяснили, шо это были мидии, но воняли они, як клиторы). Потом я, приехавший в Крым с 20 грн. в кармане и успешно пробухавший их днем, попросил у Брэка двадцатку, шоб купить диск "НОМа", продававшийся на входе. Серега тода был пьян и дал двадцатку без разговоров. Купил "Альбом реального искусства".

И тут бац, и гаснет свет. Нет, это был не нокаут. Просто на всем побережье до Евпатории света нет. В голове вертится словосочетание "е* твою мать", которое, в конце концов, вырывается наружу. Шо за ху*ня, шо случилось?

А хто его зна. И никаких комментариев. В ожидании включения света пошли на пляж, там предлагали драп, я сказал "нет", потом понял, шо это условный рефлекс, хотел сказать "да", но, будучи отравлен алкоголем, забоялся непредсказуемой реакции. Потом в полной темноте мы пили водку по 40 грн. за поллитра и пепси-колу по 6 грн. за литр. Спонсировал один Брэк, а от цен евпаторийских о*уевали все. А я еще как подумал, шо раз мы не выступили, то, значит, нам денег не дадут, мне еще хуже стало.

Через три часа пошли проверить, як там у рокеров концерт продолжается. В зале темно, накурено, раздаются звуки анплагда. Хтось говорит: "Ну, типа, не по нашей вине, вы ж понимаете". И тут хоп, и включается свитло. И шо, вы думаете, происходит. Тут же на сцене появляются наши гости из сантк-бля-питербугра группа "НОМ" и начинает резво так настраиваться. Торопятся. Наверное, подумали то же, шо и я, и решили быстренько отлабать, шоб гроши не прое*ать. А до этого, еще до того, як свет отключили, я взял у Брэка еще двадцатку, шоб купить "Картонные песенки" Ливера. Но на входе сказали, шо, как токо свет отключили, "НОМ" диски забрал. И я пошел справиться про пластинку Ливера. Наткнулся на Уткина, который уже настроился и ждал остальных.

Второе интервью с группой "НОМ"

- А можно диск купить?

- А диски там, возле входа продаются, - говорит Уткин.

- А мне сказали, шо вы их забрали.

- Конечно забрали, - сказал подошедший Кагадеев. - Свет потушили - мы и забрали.

- А Ливера можно купить?

- Можно. После концерта.

Конец интервью.

"НОМ" - это просто сказка, жаль, шо ее, кроме пятидесяти присутствовавших в зале, никто не видел. Потом после "НОМа" объявили "Грузовиков". "Токо шоб не хэдлайнерами, токо шоб не хэдлайнерами", - думал я. Тут подошли и сказали, шо мы будем выступать последними. Ну конечно, а как же еще? Быть хэдлайнером - это еще хуже, чем чувствовать во рту мидию из пластиковой бутылки.

Договорились так: Альберт поставит клавиши, а потом за сценой оденет шаровары, шоб не светить поправку раньше времени. Попросили МС, шоб пока Альберт клавиши поставит, он шото поговорил. А он, видать, не понял и говорил минут 15-20. Мы уже и орали, и кричали технику, шоб он его забрал, ниче не помогло. "Заберите этого пи*араса", - не выдержал я.

В общем, кое-как мы начали, якось отыграли. Пока МС разговаривал, еще половина людей ушла, наверно подумали, шо больше ниче не будет.
Неудовлетворенными мы спускались со сцены, и тут на наши раны техник посыпал бертолетовой соли: "Он не пи*арас, он мой друг". Я сначала не понял, про шо он говорит. А, про МС. Та ладно братан, забыли уже.

МС я встретил через 5 минут в гэндэлэкє.

- Ничего личного? - спрашиваю.

- Ничего личного.

- Ну вот и ладушки. Пис. - Бля, как я ненавижу этот подростковый сленг.

В палатку идти впадляк, а на улице комарье заедает. Хуже евпаторийских комаров может быть только хэдлайнерство, честное слово. Макс, Таня и Брэк свалили в Евпаторию, а я пошел к домику группы "НОМ" ждать, кода они проснутся, шоб купить Ливера. Перед дверью гостей из сантк-язык-поломаешь-пока-выговоришь я просидел на корточках 5 часов. Тете из соседнего номера стало меня жаль, и она, воскликнув "пора вставать", начала грюкать в номовские двери. Вышел Кагадеев.

Третье интервью с группой "НОМ"

- А можно Ливера купить?

- Можно.

- А сколько стоит? - Решил подъе*нуть рок-звезду на предмет запоминания цифр в иностранной валюте.

- 20. - Не растерялся Кагадеев и полез в картонную коробочку искать диск.

- Ой, а можно мне другой, шоб коробочка была без трещины. Мне на подарок, - сбрыхал я. Кагадеев долго копошился в коробочке, достал три последних диска Ливера, каждый - в треснутой коробке.

- Ну, вот это последние, - тоном оправдывающегося школьника сказала легенда.

- А больше нет?

- Нет, больше нету, наверное вечером, когда забирали, треснули.

- Вот этот. Спасибо.

- Пожалуйста.

Конец интервью.

Потом у меня от недосыпа начала кружиться голова. Я кое-как дожил до полудня, покакал в мужском туалете в присутствии бабушки уборщицы, встретил Альберта и пошел за гонораром. Гонорара не было. До поезда полтора часа. Ехать до Симферополя на автике шото в районе часа с копейками. До поезда час. Денег нет. Сорок минут. Денег нет. Ну все, пи*дец. Это, Вова, твоя последняя поездка в рабочее время на концерт. Тут уже и бабло привезли, но времени-то вобще нет. Альберт говорит: "Пойдем тачку ловить". Пойдем, ни одна не останавливается. В Симфер мы таки попали на голубой "копейке" за 50 грн. за 25 минут. По пути в Симферополь я понял одно: чем с такой скоростью ездить по переполненным крымским дорогам, лучше быть хэдлайнером.

ПАСПОРТ ГРОМАДЯНИНА УКРАЇНИ
ПАСПОРТ ГРАЖДАНИНА УКРАИНЫ

МА 735068

Пахолюк
Володимир
Олександрович
02 травня 1974 року
місто
Суми
Вова

вместо подписи

Низкий поклон Зоряну и его команде, або Рейвах форзва!

ХОЧУ
СТАРОСТЬ

Я хочу ТАКУЮ старость. Конкретно хочу. Хотя и посмеивались, что, мол, это всё бабулькины грибы, а всё равно Полина Райко была ядерной бабкой. Она и слыхом не слыхивала ни про какой наив-примитив и теперь уже только на том свете свидится с Марией Примаченко. Просто бабка на старости лет решила рисовать, купила на базаре самую дешёвую красочку ПФ, и давай живописать на стенах по своим понятиям. А откуда взяться понятиям у бабульки из Цюрупинска? (это такой город под Херсоном, кто не знает). Телевизора в доме нет - сын пропил. Книг и не было. Подобрала возле церкви этикетку с церковного кагора - нарисовала в гостиной храм. Принесли баптисты открыточку с Пасхой - нарисовала ангела с детьми. Только добавила ему красную звезду, а дети - вылитые пионеры получились. Капитаншу с ружьём увидела во сне в ночь на 9 мая. А когда помер муж, нарисовала его в лодке с удочкой и разноцветными бутылками - любил мужик выпить, вот заботливая жена и нарисовала ему и вино, и коньяк, и водку, и самогонку - чего душа пожелает на том свете. Удочку нарисовала красивую - в жизни-то у него был дрючок из ветки, потому-то и на картине в лодке лежат махоньки рыбки, а рядом в реке плавают огромные. Не мог он при жизни поймать большую рыбу, может, ТАМ повезёт... И при этом ведь ничего и не слыхивала бабулька о древних обрядах, когда умершему клали в могилу всё то, что

он любил при жизни, а иногда и просто хоронили в лодке, которую спускали по реке...
Через полгода такой "живописи" (хотя тут лучше подходит украинское слово "малярство") дом превратился в total crazy installation. И летняя кухня, и сарайчики, и пристройки, и заборы, и калитки, и

Справа вверху: "Дорога в рай". Такая вот, вымощена кафельной плиткой.

двери. Красочка ПФ принципиально не смешивается, поэтому бабулька всё так мелкими мазочками - тюк-тюк-тюк! В результате - полный галлюциноз по всем плоскостям. Иноземные матёрые галеристы, увидев фото, просто фигели - даааа, говорят, но только как это выставить? Это ж надо весь дом перевозить! А что

дом? А куда летнюю кухню, сарайчики, пристройки, заборы, калитки, двери?... Чудеса нумерологии: Полина Райко начала рисовать в 74 года, получала пенсию 74 гривны, которую целиком тратила на краски, жила в доме № 74... И чудеса терпения: сын по пьяни чуть не зарезал, старость прошла на чужих огородах, соседи считали "странной"... Только пару лет назад, когда обнаружили бабульку падкие на местный колорит "зелёные туристы", пошла слава, но не деньги: раз в полгода приедет автобус, гости походят по дому, поахают, соберут в шляпу по рублю... Но бабка и тому радовалась. Водила, как по музею, охотно пела цюрупинские частушки с матюками:

На горе стоит шесток,
тот шесток качается.
Милый мой домой нейдёт,
он с другой @бается...

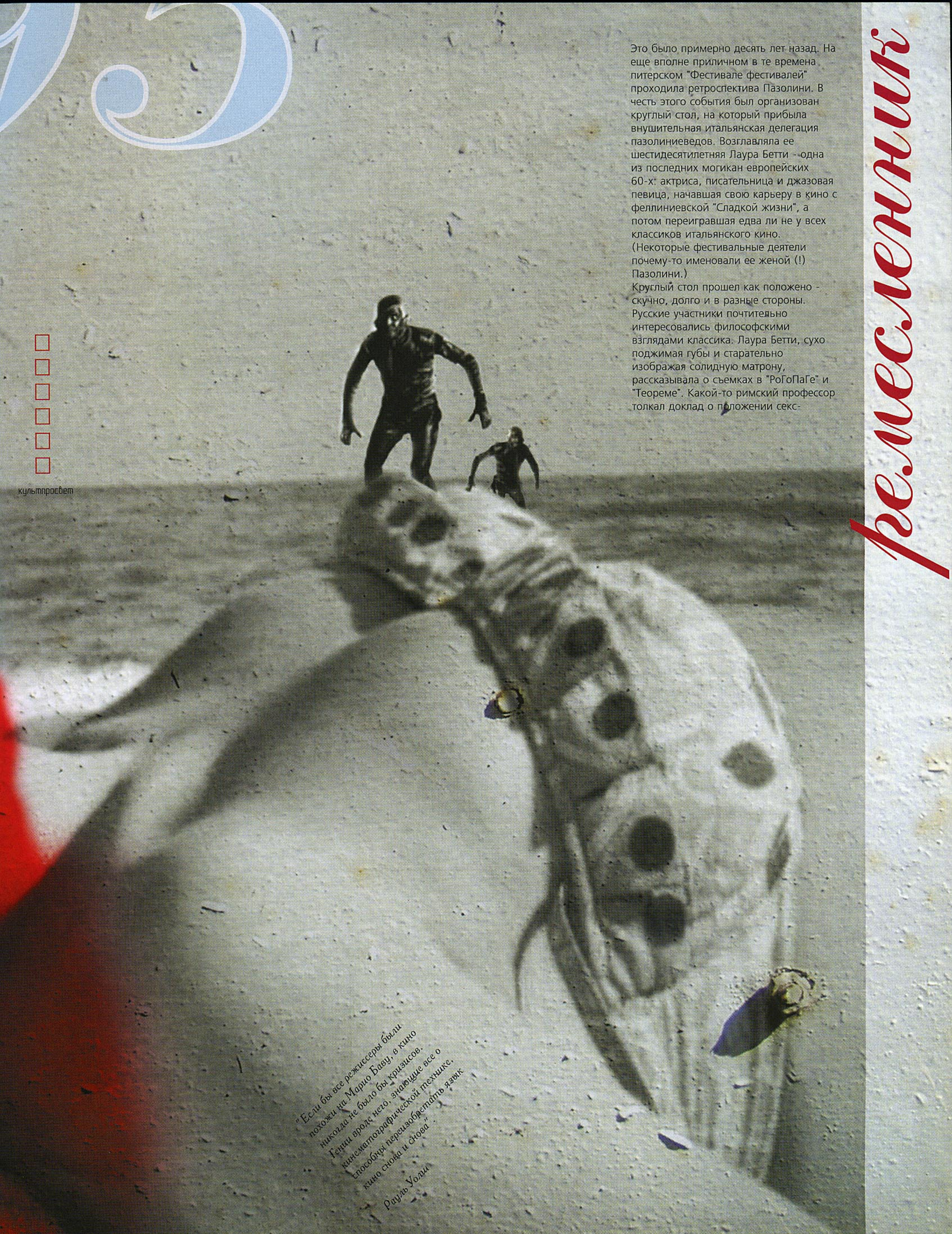
Прошлой осенью показали бабулькино творчество участникам фестиваля современного искусства "ДІДЦЕБАБА". Поразило. Полюбили бабку сразу и все до глубин бессознательного. После нового года повезли ей красочки, планшетики - всё жаловалась бабка, что рисовать больше не на чем. А всё, померла бабка. Не болела. Тихо так, в один момент. В доме мыши бегают, воняют. Хана дому. И никак эту инсталляцию не сберечь. Холодно в доме стало, пусто, мыши бегают, воняют... Бегают и воняют даже в той комнате, где женщина по фамилии Райко нарисовала дорогу в Рай. Но я всё равно хочу такую старость.

Елена Афанасьева
Все фото: Макс Афанасьев

ремесленник

Это было примерно десять лет назад. На еще вполне приличном в те времена питерском "Фестивале фестивалей" проходила ретроспектива Пазолини. В честь этого события был организован круглый стол, на который прибыла внушительная итальянская делегация пазолиниеведов. Возглавляла ее шестидесятилетняя Лаура Бетти - одна из последних могикан европейских 60-х: актриса, писательница и джазовая певица, начавшая свою карьеру в кино с феллиниевской "Сладкой жизни", а потом переигравшая едва ли не у всех классиков итальянского кино. (Некоторые фестивальные деятели почему-то именовали ее женой (!) Пазолини.)
Круглый стол прошел как положено - скучно, долго и в разные стороны. Русские участники почтительно интересовались философскими взглядами классика. Лаура Бетти, сухо поджимая губы и старательно изображая солидную матрону, рассказывала о съемках в "РоГоПаГе" и "Теореме". Какой-то римский профессор толкал доклад о положении секс-

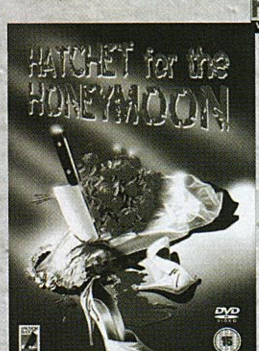

"Если бы все режиссеры были похожи на Марио Баву, в кино никогда не было бы кризисов. Гении вроде него, знающие все о кинематографической технике, способны переизобретать язык кино снова и снова"

Рауль Уоли

меньшинств в кино.
После окончания действа, с трудом поборов дремоту, я подошел к Лауре Бетти за интервью. Мне было дано 15 минут. Но вместо того, чтобы спрашивать про "Теорему", я задал ей вопрос о Марио Баве, с которым она тоже успела поработать.
Тут случилось чудо.
Первую секунду после того, как перевели мой вопрос, достопочтенная синьора Бетти смотрела на меня с некоторым изумлением. Потом вдруг хлопнула себя руками по бедрам, издала громогласное "Ха!" и воскликнула: "Вы хотите узнать про Марио?"
И солидная матрона исчезла без следа. Помолодев лет на десять, весело сверкая глазами и размахивая руками, бабушка принялась рассказывать старые киношные анекдоты, над которыми сама же смеялась первой. Марио Бава в ее интерпретации являлся ходячим собранием всех мыслимых добродетелей, а самый часто употреблявшийся эпитет в ее повествовании был - "божественный". "Божественно остроумный, божественно интеллигентный, божественно талантливый, - скороговоркой перечисляла Лаура Бетти, потом на секунду делала паузу и со значением произносила. - И всегда сидел без денег". Поток ее воспоминаний был неостановим - вместо 15 минут мы говорили около часа.

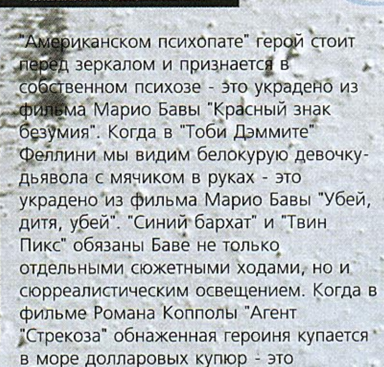

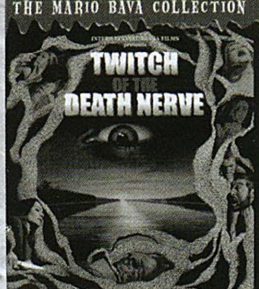

Из рассказа Лауры Бетти:
"Однажды Марио снимал какой-то фантастический фильм. Нужно было снять сцену посадки звездолета на другую планету. О спецэффектах не могло быть и речи: Строить декорации не позволял бюджет. Никто не мог ничего придумать. И только Марио нашел выход. Он сварил в большой кастрюле 50 килограмм кукурузной каши и разбросал ее по полу в павильоне. Когда каша кипела, в ней образовывались и лопались пузырьки. По мере охлаждения каши на месте этих пузырьков возникали миниатюрные кратеры, каналы и горы. Когда их снимали крупным планом, подсветив красным светом, возникала полная иллюзия, что это - марсианская поверхность. И на эту кашу Марио успешно посадил макет звездолета".

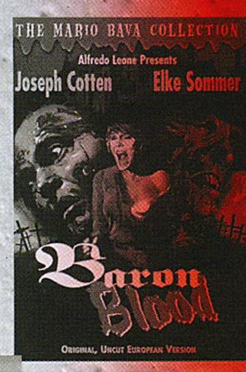
В те времена я еще не очень много знал про Марио Баву. Знал, что в Италии его прозывали "синьор хоррор", знал, что он - основоположник целого ряда жанров в тамошнем кино, плюс видел умышленно старомодную, черно-белую "Маску демона", похожую на полуторачасовую галлюцинацию, которая сделала бы честь любому из классиков немецкого экспрессионизма.
Но это интервью поразило меня, причем не столько тем, что было сказано, сколько тем, как это говорилось. В метаморфозе, случившейся с Лаурой Бетти, в выражении ее лица, глазах и голосе внезапно зазвучала нота бесшабашной, непочтительной праздничности настоящего искусства. На уровне подсознания я всегда знал: кино должно именно так действовать на человека, а люди кино должны выглядеть и вести себя именно так, как Лаура Бетти и - если верить ее рассказам - Марио Бава. Но если часто и помногу смотреть русские фильмы и современный фестивальный артхаус, об этом постепенно забываешь. Тогда в твоих текстах заводятся мохнатые, членистоногие словосочетания, такие как "репрезентация парадигмы" и "дуализм деконструкции" или, что еще хуже, вдруг какое-нибудь "лучезарное тело русской поэзии" вылезает. Веселая, бульварная праздничность оставляет кино, превратившееся для тебя в "фильмический текст", и ты пополняешь ряды тоскливых интеллектуалов, озабоченных "стратегиями успеха", или становишься одним из городских сумасшедших, вещающих о духовном Чернобыле.
Одним словом, я стал разыскивать и смотреть фильмы Марио Бавы. И он меня спас. Вот уже десять лет я лечу его картинами депрессию, возникающую в результате регулярного просмотра лицензионной чумы, выходящей на наш рынок. И то, что после 10 лет писания видеообзоров и отсматривания 40 фильмов в месяц, я еще не возненавидел кино или не попал в психушку - его бесспорная заслуга.
Существует миф, гласящий, что в России мало кто смотрел Марио Баву. Это чепуха. Мы все его смотрели, но - в фильмах других режиссеров. Когда в "Американском психопате" герой стоит перед зеркалом и признается в собственном психозе - это украдено из фильма Марио Бавы "Красный знак безумия". Когда в "Тоби Дэммите" Феллини мы видим белокурую девочку-дьявола с мячиком в руках - это украдено из фильма Марио Бавы "Убей, дитя, убей". "Синий бархат" и "Твин Пикс" обязаны Баве не только отдельными сюжетными ходами, но и сюрреалистическим освещением. Когда в фильме Романа Копполы "Агент "Стрекоза" обнаженная героиня купается в море долларовых купюр - это буквальное воспроизведение сцены из картины Марио Бавы "Дьяболик". И уж совсем бессмысленно перечислять заимствования в фильмах классиков хоррора, вроде Ардженто, Де Пальмы или Карпентера. Не будет большим преувеличением утверждение, что буквально каждый кадр из фильмов Бавы был кем-нибудь когда-либо скопирован.
Но в истории вряд ли найдется другой гений, так сильно повлиявший на развитие кино, который являлся бы при этом столь неамбициозным и несерьезно относящимся к собственному творчеству.

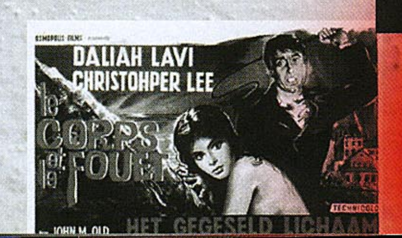

Достаточно сказать, что будучи сыном одного из пионеров итальянского кинематографа (Эудженио Бава - оператор и мастер спецэффектов на ряде классических картин; в частности, именно он работал над сценой извержения вулкана и обликом Молоха в "Кабирии" Джованни Пастроне), уже в пятнадцать лет войдя в киноиндустрию в качестве ассистента отца, Марио Бава дебютировал в режиссуре лишь в 45 лет, и то под давлением своего друга Риккардо Фреды. До этого он освоил чуть ли не все технические профессии в кино и приобрел европейскую известность в качестве оператора. Как оператор Бава работал с Г.В.Пабстом, Роберто Росселини, Дино Ризи, Марио Моничелли и Раулем Уолшем.

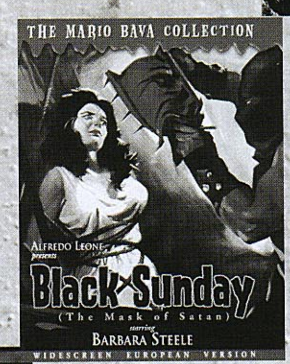
Уже в конце 50-х итальянские продюсеры стали приглашать его спасать фильмы других режиссеров. Так, к примеру, случилось с картиной Жака Турнера "Битва при Марафоне" (1958). Турнер не знал, как снять великую битву, имея в распоряжении всего две сотни югославских статистов и, разругавшись с продюсерами, ушел с проекта. Бава, работавший на этой картине оператором, снял требуемую сцену за два дня, избегая общих планов и разбив сражение на ряд мини-поединков, которые, соединившись при монтаже, дали иллюзию ожесточенного побоища. Эпизод, в котором персидская колесница на скорости врезается в шеренгу греческих воинов, переворачиваясь и давя под собою людей, возможно, единственный у Бавы, который не был никем позаимствован - в силу того, что никто, включая продюсеров фильма, не смог понять, как это было снято.
Когда дебютная картина Марио Бавы "Маска демона" (1960) вышла на экраны, наступила новая эпоха. Колоссальный коммерческий успех этой ультрамалобюджетной сказки для взрослых не только в Европе, но и в США, открыл новый путь развития европейского жанрового кино. ("Маска демона" не была первым итальянским хоррором; однако, предыдущий фильм в этом жанре - "Вампиры" Риккардо Фреды, на котором Бава выступил в качестве оператора, провалился в прокате.) Он также прославил исполнительницу главной роли англичанку Барбару Стил, сыгравшую в "Маске демона" сразу две роли: вернувшуюся с того света ведьму Азу и ангелоподобную княжну Катю - последнюю представительницу старинного дворянского рода. (Действие фильма разворачивалось в России XIX века и было якобы основано на рассказах Гоголя!) Аза стремится завладеть телом Кати, подчинить ее себе, в то время как Катя слишком слаба, чтобы самостоятельно противостоять одолевающему ее злу. Такая истинно католическая интерпретация женских образов стала типичной для итальянского фильма ужасов,

трансформировавшись позже в гротескные образы женщин-маньяков из лент Ардженто. В 60-е же чернокудрая красавица Стил воплотила не менее десятка подобных дуалистических персонажей, став настоящей садомазохистской иконой жанра.
Центральным в "Маске демона" (как и во многих последующих фильмах Бавы) стал образ прошлого, столь же прекрасного, сколь и зловещего, таинственным образом довлеющего над упадочным, вырождающимся настоящим. Мертвецы и призраки в этой картине выглядят куда более деятельными и активно борющимися за место среди живущих, чем их беспомощные, растерянные живые противники, способные лишь повторять вслед за княжной Катей: "Моя жизнь - как этот запущенный сад: все здесь умирает, все приходит в упадок". Болезненная красота этого распадающегося мира, ностальгия, смешанная с ужасом неизбежной гибели, породили причудливую поэзию, которая впоследствии превратилась в родовую черту фильма ужасов по-итальянски.
Спустя два года Марио Бава объяснился в любви Хичкоку ироническим триллером "Девушка, которая слишком много знала", повествовавшим о юной американке Норе Дэвис, приехавшей на каникулы в Рим и впутавшейся в загадочную историю с убийством. Фильм был встречен публикой благосклонно, и Бава продолжил детективную тему картиной "Шесть женщин для убийцы" (1964) - мощным саспенсом о маньяке, истребляющем хорошеньких манекенщиц. Верный себе, Бава добился в этой картине призрачной атмосферы, характерной для его готических лент, а убийцу сделал более похожим на фантом из потустороннего мира, чем на существо из плоти и крови. Это был "человек без лица", неопределимого пола и возраста, одетый в черный плащ с поднятым воротником, черные перчатки и нахлобученную на самые уши шляпу; он приходил ниоткуда, убивал с чудовищной жестокостью (всегда холодным оружием) и после этого уходил в никуда. В финале убийца (точнее два убийцы, обеспечивавших алиби друг другу - привет, "Крик"), разумеется, был разоблачен и уничтожен, однако, образ, созданный Бавой, оказался так эффектен, так кинематографически органичен, что стал немедленно тиражироваться другими режиссерами. Так родился жанр giallo - жестокий и провокационный детектив по-итальянски. Мастерство, с которым Бава добивался в своих фильмах иррациональной, тревожной атмосферы, восхищает и сегодня.
Он был способен, всего лишь чуть изменив освещение, заставить выступить из только что ровной поверхности стены фигуру убийцы. Или, особым образом двигая камеру, без всяких

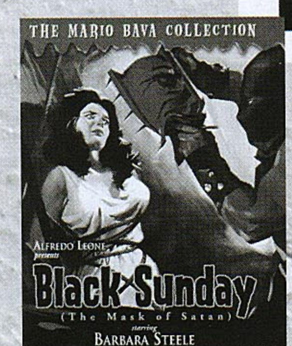
спецэффектов показать зрителю, как монолитный камень раздвигается, образуя проход. Чтобы заставить публику ощутить волнение персонажа, он подсвечивал его лицо пульсирующим светом, чередуя красный и синий цвета, и тем буквально передавал на экране смысл выражения "то в жар, то в холод". Во время ночных натурных съемок Бава прятал осветительные приборы в кронах деревьев, и, проходивший сквозь листву, рассеянный, казалось, не имеющий источника свет придавал этим сценам сюрреалистический оттенок. Задолго до Джармена и Гринуэя он экспериментировал с "экранной живописью", стилизуя кадры своих фильмов под работы Магритта и Де Кирико.
Самый яркий пример его мастерства - история с фильмом "Дьяболик", снятым по популярному итальянскому комиксу под тем же названием. Продюсер Дино Де Лаурентис выделил Баве колоссальный по итальянским меркам бюджет - 3 миллиона (старых) долларов, и самый длительный съемочный график в его карьере - целых два месяца. Но Марио Бава, привыкший больше полагаться на свое воображение, чем на деньги, закончил картину за две недели, истратив всего 400 000 долларов. "Дьяболик" стал кассовым хитом в Европе в 1967 году (знаменитая "Барбарелла" была снята под впечатлением от этого успеха), и потрясенный Де Лаурентис тут же предложил Баве сделать сиквел на сэкономленные деньги. Последовал отказ - работа на высокобюджетном проекте не понравилась Баве: "слишком много посторонних на съемочной площадке".
Техническая изощренность Бавы породила другой миф о нем. Лучше всех его сформулировал Леонард Молтин в своем справочнике Movie & Video Guide (статья о фильме "Кровавый залив"): "Те, кто любят Баву, любят его не за сюжеты, но за экстраординарное кинематографическое мастерство, яркость показываемого им".
Иными словами, длинно по стилю, коротко по смыслу, и нечего огород городить.

Оспорить этот миф гораздо сложнее, чем предыдущий, в основном потому, что сам Марио Бава немало потрудился для его создания. Во всех выступлениях он напрочь отрицал существования какого-либо смысла в своих картинах, соглашаясь обсуждать только их технические аспекты. Характерный пример: последнее интервью режиссера, данное в 1979 году журналу L'espresso.

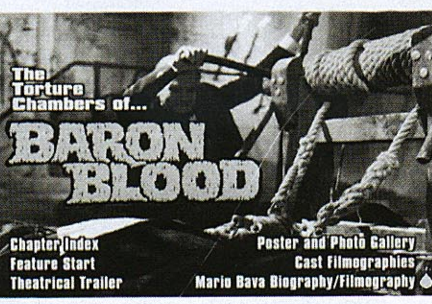
Корр: - Что вы можете сказать о своих фильмах?
Бава: - Все мои фильмы полное дерьмо, можете не сомневаться.
Корр: - Но сегодня они высоко ценятся.
Бава: - Сегодня люди утратили культуру.
Корр: - Вас называют Мастером...
Бава: - Вы чересчур впечатлительны. Я просто столяр. Романтический столяр.
Корр: - Как это?
Бава: - Я делаю фильмы, как столяр делает стулья - ради денег.
Корр: - Есть что-нибудь в ваших фильмах, что вам самому нравится?
Бава: - Возможно. Но это касается технических аспектов. Работа с цветом, например. Когда-то я начал смешивать красный и зеленый, и все кричали, что я сошел с ума. Сегодня так делает Феллини, и все говорят, что это гениально!

Так Марио Бава пестовал миф о себе, как о холодном ремесленнике, озабоченном лишь техническим совершенством фильмов. Критики - люди простые, если вы сами не объясните им, чем хороши ваши фильмы, они ни за что не догадаются, это вам любой режиссер скажет. Но та ревностность, с которой Бава оберегал мир своих картин от посягательства интерпретаторов, должна была заставить многих задуматься.

Она и заставила.
"Необычный и тревожащий визуальный ряд фильмов Бавы коренится в его трактовке бытия, как не слишком комфортного союза иллюзии и реальности. Мир Бавы - это искаженное пространство, скомбинированное из различных временных сфер, оптических обманов и переменчивых цветов. Как на символическом, так и на чувственном уровне драматический конфликт его картин заключается в поиске точки опоры на пограничной полосе между двумя экзистенциальными крайностями. Эта узкая тропинка, связывающая обыденный и сверхъестественный миры, есть некая сумеречная зона, где тени и галлюцинации могут становиться реальными и, что более важно, где нет никаких вех, указывающих путь назад".
В 1975 году эти строки, написанные американскими киноведами, преподавателями UCLA Аланом Сильвером и Джеймсом Урсини, открыли дорогу к серьезному анализу фильмов Марио Бавы - и заодно объяснили, почему он всю жизнь ему сопротивлялся. Легко рассказывать о своих политических взглядах; гораздо труднее признаваться, что являешься убежденным мистиком; и уж совсем невозможно объяснять кому попало, что это значит. А Бава был мистиком и всю жизнь снимал один и тот же фильм, суть которого составлял мистический опыт героя, грезящего наяву. Так, в "Маске демона" герой должен сделать выбор между своей живой возлюбленной и воскресшей ведьмой, имеющей тот же облик. В "Лизе и дьяволе" (1973), самом личностном фильме Бавы, героиня не в состоянии отличить людей от их двойников-манекенов. Но еще ярче подобная дихотомия проявляется в изобразительном ряде его картин. Бава почти всегда сам был оператором собственных фильмов, он снимал длинными планами, с активным движением камеры, задействуя все

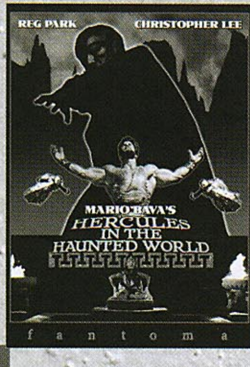

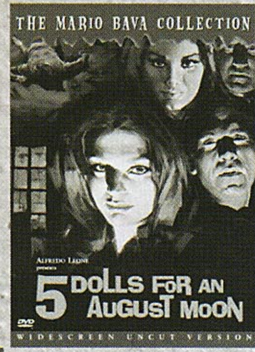
приемы из своего богатейшего арсенала, - наезды, тревеллинги, зумминг, оптическую игру, - чтобы создать образ призрачного, текучего пространства, где люди и предметы способны зловеще меняться прямо на глазах у зрителя.

Из рассказа Лауры Бетти:
"Однажды мы снимали эпизод, в котором я играла привидение. В этом качестве я должна была подняться по лестнице, причем так, чтобы это выглядело зловеще. Как снять походку привидения? Марио поставил камеру на самой верхней ступеньке, лег на пол рядом с ней и,

когда я начала подниматься, стал рукой покачивать объектив в такт моим шагам. Из-за этого на пленке создалась иллюзия прерывистого движения, словно я не поднимаюсь, а взлетаю на каждую ступеньку. Он был божественно изобретателен".

Бава часто применяет субъективную съемку, заставляя зрителя воспринимать события фильма глазами одного из героев, но при этом не упускает возможности намекнуть, что увиденное - не обязательно реально. Так, в фильме "Кнут и тело" (1963), кадры, воспроизводящие точку зрения героини, показывают, как она обнимает своего любовника, но Бава на миг врезает в сцену взгляд другого, наблюдающего за ней персонажа, и мы видим, что она стоит одна, сжимая в руках нож. Он не столько заставляет актеров играть, сколько сам играет актерами, вписывая их в затейливый маньеристский орнамент кадра, где они существуют на равных с отражениями в зеркалах, тенями на стенах или изгибами декора. Однако если быть совсем точным, нельзя сказать, что Бава использует какие-то технические приемы, чтобы передать некое содержание. Прием в его фильмах - и есть содержание; оптический обман является смысловым элементом картины; ошибка чувств - например, органов зрения - и легкость, с какой ее совершает герой (и зритель) является одновременно техническим трюком и месседжем фильма. Как и должно быть в настоящем кинематографе, в фильмах Марио Бавы попросту невозможно отделить форму от содержания. Это кино, каким оно должно быть, и каким оно давно уже не является.

Поймите меня правильно: Бава относился к своему делу без особой серьезности. Его картины являются авторскими не потому, что он - Великий Художник и много думал об Искусстве. Просто ремесленный способ производства, когда режиссер вне зависимости от его желания или склонности к самовыражению, должен участвовать во всех этапах работы над фильмом, обладает способностью выявлять личные качества ремесленника: его талант или бездарность, его ум или глупость, его трудолюбие или леность. И в случае с Марио Бавой все сошлось правильно.

Примечание: я не смог выбрать три лучших фильма Бавы - по мне, так они все лучшие - и те три фильма, про которые вы прочтете ниже, определил следующим образом: с закрытыми глазами три раза ткнул карандашом в его фильмографию. На какие картины попал карандаш - про те и пишу.

"Кнут и тело" La frusta e il corpo

В ролях: Кристофер Ли, Далия Лави, Харриет Уайт. Италия, 1963 г.

В американском прокате этот фильм шел под названием "Что!" - и, как замечает автор книги "The Haunted World of Mario Bava" Трой Ховарт, это название лучше всего передает реакцию зрителей во время просмотра картины. Во-первых, в титрах ее вы не найдете не только имени Марио Бавы, но и ни одной итальянской фамилии вообще, а во-вторых, ее сюжет представляет собой смесь готического фильма о привидениях с грядущим маньячным триллером-giallo, густо замешанную на садомазохистском сексе и эротических фантазиях. Если бы годом раньше не вышел еще более безумный фильм Риккардо Фреды "Ужасная тайна доктора Хичкока", посвященный некрофилии, "Кнут и тело" можно было бы назвать самым скандальным итальянским хоррором десятилетия. Историки кино до сих пор спорят, выходил ли этот фильм на экраны Италии, а если да, то сколько там продержался - неделю или десять дней. Именно махровая скандальность ленты заставила ее создателей скрыться под псевдонимами (Бава взял кличку "Джон М. Олд"); по той же причине ни одна местная актриса не согласилась в ней сниматься - роковую красотку Далию Лави Бава выписал аж из Израиля! Не раскрывая сценарных сюрпризов, можно сказать лишь одно: большая часть действия разворачивается в воображении героини, благодаря чему авторский стиль Марио Бавы впервые предстает во всем блеске. Пульсации красного, синего и желтого цветов, барочная насыщенность кадра, активное движение камеры, иллюзорная пляска теней и отражений в зеркалах, - на этом фильме Бава явно обрел кураж, и в дальнейшем ему уже не требовалась сценарная индульгенция, чтобы перенести действие из реального мира в ландшафты души.

"Камера пыток" Baron Blood

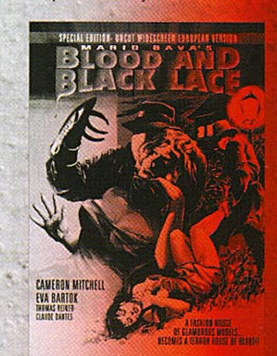
В ролях: Элке Соммер, Джозеф Коттен, Массимо Джиротти. Италия, 1972 г.

Молодой ученый Питер Клейст (явно не случайно сделанный однофамильцем классика немецкого романтизма) приезжает из Америки в Австрию, где живут его родственники, и знакомится с легендой о своем предке, "кровавом бароне" фон Клейсте - садисте и чернокнижнике из XVII века. Дальше все просто - мерзкий предок оживает и начинает злодействовать в округе, а многочисленная родня пытается запихать его обратно в могилу - без особого, впрочем, успеха. Как и в других фильмах Марио Бавы, сюжет значит здесь очень мало. Освещение - вот главный способ создания таинственной, мистической атмосферы. Помещая источники света в ветви деревьев, Бава превращает ночной парк в царство теней и смерти, а город - в каменный склеп, где только живой мертвец может чувствовать себя комфортно. Со времен Мурнау и Дрейера мало кому удавалось создавать столь мощную атмосферу средствами чистого кино.

"Лиза и дьявол" Lisa e il diavolo

В ролях: Телли Савалас, Элке Соммер, Алида Валли. Италия-Испания, 1973 г.

Декадентская фантазия на тему некрофилии. Голубоглазая американская девушка Лиза (в исполнении немки Соммер), приехала на каникулы в Европу и оказалась в сетях нечистой силы. Лиза угодила на старинную виллу, где обитает старая слепая графиня, а также фамильные призраки, восковые манекены и даже сам Князь тьмы в исполнении лысого, как колено, Саваласа. Но хуже всех - сын графини Максимилиан, хранящий в спальне разложившийся труп своей жены Елены, которая, по странной случайности, была как две капли воды похожа на Лизу. А может быть это и есть сама Лиза - в прошлой жизни? Или нынешняя Лиза - лишь призрак умершей Елены? Психоделический и провокационный, этот фильм стал высшей точкой в череде кинематографических медитаций Марио Бавы. Его премьера на Каннском кинофестивале 1973 года прошла успешно и, казалось, что впереди не менее успешная прокатная судьба. Но... в это самое время по экранам триумфально шествовал "Экзорцист" Фридкина. Продюсер Альфред Леоне быстро подсуетился, перемонтировал уже готовую картину и сам доснял ряд сцен, в которых Элке Соммер изрыгает зеленую блевотину и богохульства. Небеса не разверзлись, молния не убила этого кретина, и он соорудил из шедевра Бавы свой "Экзорцист" для бедных, который тут же провалился в прокате. Сейчас оригинальная копия "Лизы и дьявола" выпущена на видео и DVD и считается лучшим фильмом Бавы. А "Дом дьявола" продают в русский лицензионный видеопрокат. Кому он еще нужен?

Дмитрий Комм

КОГДА ГРУСТНО
БУКЛЕТИ
КАЛЕНДАРІ
ПЛАКАТИ
ЖУРНАЛИ
ЕТИКЕТКА
УПАКОВКА
КОЛИ СУМНО -
ДОПОМОЖЕ
КОЛЬОРОВИЙ
ДРУК(Г)!
ПОВНИЙ КОМПЛЕКС
ПОЛІГРАФІЧНИХ ПОСЛУГ
056.7294200; 0562.347711
ЦВЕТНАЯ ПЕЧАТЬ
ПОМОЖЕТ
типографія
УКРАЇНА
ЗРАЗКИ ПОЛИГРАФИЧНОІ ПРОДУКЦІЇ - НА КОЖНІЙ СТОРІНЦІ ЖУРНАЛУ НА!!!

В общем, так: один начинающий английский художник понял, что на другом берегу трава зеленее. Учитывая свое островное происхождение, на континенты он размениваться не стал, а соригинальничал - отправился в Японию, не менее островную, но зато более культурно-миксОвую и по-синтоистски гибкую.
Мистер **Тревор Браун** мутировал в Тревор Браун-сана, параллельно приняв на себя нелегкое бремя гайдзина. Гайдзин, если кто не знает - это довольно недобрый и даже слегка нацистский термин, определяющий жителя Японии неяпонского происхождения. Ситуация смягчалась лишь наличием в запасе у Браун-сана жены Хиппи Коко, урожденной Кономи, японки, загулявшей по Европе в поисках все той же мультикультурности. "Алхимический брак Запада с Востоком", Виктор Пелевин, копирайтед.

Спустя несколько лет, Браун окончательно увязает в японизмах, все больше увлекаясь темами кинбаку (см. НАШ № 9/2002) и японских кукольных типажей, а его жена Кономи, наоборот, штурмует бастионы Запада, бросая вызов масскульту "медведей Тедди" (см. НАШ № 10/2002). Ее эксклюзивные косолапые куклы продаются на всех всемирных слетах апологетов "тедди-биринга", стоят немалых денег и все такое... Пара нашла друг друга, а потом и себя. Очень поучительно. Можно даже в загсах молодым зачитывать.

Наткнувшись в Интернете на персональный сайт Тревора Брауна, редакция внимательно изучила его содержимое. У одних оно вызвало неподдельный интерес, у других - легкую брезгливость. Так или иначе, захотелось малость покалякать с художником-экспатриантом за его жизнь и творчество. Хотя бы для того, чтобы еще раз убедиться в выработанной с годами аксиоме: чем страшнее картинки, тем милее их автор. Браун-сан ответил незамедлительно, написав, что типа "с радостью", "очень заинтересован" и проч. Но следующее наше письмо провалилось в какой-то японский почтовый тартар, равно как и пара-тройка продолжателей его нелегкого дела электронной коммуникации. Задумались мы: а не задолбался ли в какой-то момент "видатний митець та корифей" Тревор Браун направо и налево раздавать интервью разным лохам (читай: "копеечным фэнзинам" и "независимым телепрограммам"). А спустя пару дней, уже совсем отчаявшись подружиться семьями, обнаружили подтверждение собственной догадливости. На первой же страничке своего сайта, обидевшись на какой-то французский телеканал, так и не выславший ему кассету с записью программы о нем, любимом, Тревор заявил: "Мало того, что они [потенциально - МЫ!] не платят нифига за интервью, так потом от них даже авторского экземпляра не дождешься!" Обнять и плакать - обидели юродивого, отобрали копеечку!.. Мы, конечно, совсем не такие, но ладно, сам виноват - его картинки на этих страницах могли бы быть покрупнее и покачественней. А так - маемо, шо маемо...

Короче, Тревор Браун - весьма любопытный, местами даже хороший, иногда печальный, иногда агрессивный, немножко жадный, капельку комплексующий гайдзин. Эстет, сноб, фетишист, возмутитель общественной морали... Сети его паутины раскинулись по всему миру: его картины ухудшали карму галерей "NG" (Япония), "Merry Karnowsky" (США), "Mondo Bizzaro" (Италия)... От его пристального внимания не скрыться никому: при очевидном попустительстве Интерпола ему удалось опубликовать дорогие книжки для взрослых "(Hear No, See No, Speak No) Evil" (1996), "Forbidden Fruit" (1997), "Temple Of Blasphemy" (1999), "Medical Fun" (2001) и др.; тех, кто помоложе и победнее, творчество Брауна настигло в виде обложек к альбомам различных групп - от "Coil" до Джона Зорна... Оформив в своем неповторимом изуверском стиле детскую азбуку (книга "My Alphabet", 2000 г.), ему удалось добраться даже до самых маленьких и беззащитных... А последнее по времени творческое достижение Брауна - книжка для девочек-припевочек наинежнейшего школьного возраста. Называется "Li'l Miss Sticky Kiss".

А еще Тревор Браун разговорчивый как не скажу кто. Наше несостоявшееся интервью мы торжественно заменяем вытяжками из других, в изобилии валяющихся на его сайте http://babyart.org. Встречайте - кукольное шоу Тревора Брауна в редакции журнала НАШ. Джим Хенсон воскресает и продает акции.

###

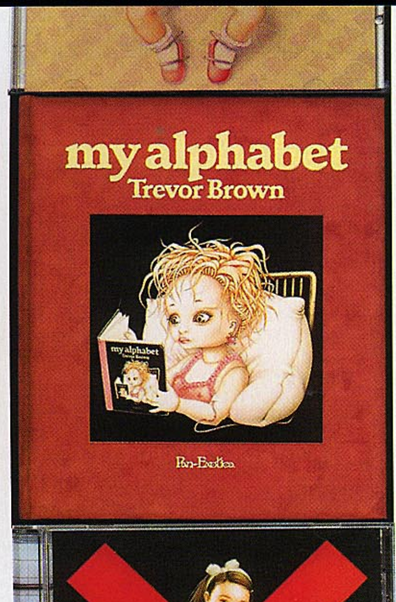
1995 г., журнал "OHM Clock"

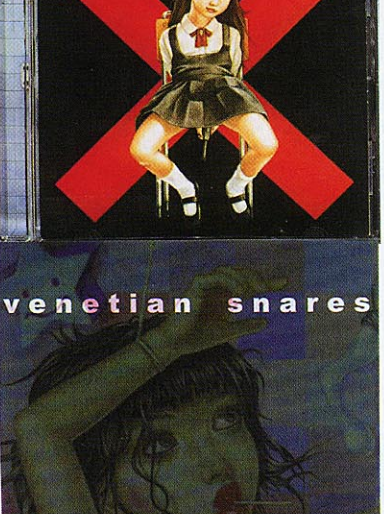
Расскажите, пожалуйста, вкратце свою историю.
В середине 80-х я собственноручно выпустил несколько буклетов, тематически ориентированных на слияние сексуальности и медицины. Улыбающиеся девушки с синяками и прочими ссадинами. Мне захотелось передать атмосферу "Автокатастрофы" Балларда, очень меня впечатлившей. Тираж каждого издания не превышал 100 экземпляров, и распространялись они через сеть фэнзинов, посвященных "индустриальной" музыке. Несколько копий попали в руки Уильяму Беннетту из группы "Whitehouse", после чего он предложил мне нарисовать обложку для их альбома "Another Crack Of The White Whip". В результате, я оформлял практически все их последующие альбомы - думаю, мое имя стало более-менее известным (само собой, в определенных кругах) именно благодаря сотрудничеству с этой группой. В начале 90-х среди моих знакомых появилось несколько японцев, и постепенно я стал интересоваться всем, что хоть каким-то образом было связано с этой страной. Моим первым прорывом на японский внутренний рынок стал альбом "Come Again II" - компиляция нескольких нойзовых групп. Его обложка тоже была для меня в какой-то степени дебютом: я впервые использовал в своей работе аэрограф. В 1992 г. при поддержке французского художника Романа Слокомбе, разделявшего мои увлечения "медицинским фетишизмом" и субтильными японскими девушками, я стал все более серьезно относиться к своим художественным экспериментам. Тогда же я познакомился с девушкой (естественно, японкой), работавшей администратором в садо-мазо клубе и официанткой в ресторане с эротическим антуражем. В конце 1993-го мы, торжественно взявшись за руки, покинули берега Британии ради более толерантного Токио, где и расписались в январе следующего года. Кстати, годовщину нашей свадьбы город Кобе отметил серьезным землетрясением... С тех пор мои работы публиковались во множестве журналов, в виде обложек музыкальных альбомов и так далее, в том же духе. В результате, недавно в Токио открылась моя первая большая персональная выставка.

Есть ли у вас какое-либо художественное образование?
Пять лет я проучился в художественной школе, по окончании получил диплом с отличием, однако не могу сказать, что многому там научился. После этого я работал в различных рекламных агенствах и дизайн-студиях, но, опять же, не считаю это важным для своего опыта.

Назовите, пожалуйста, музыкантов, литераторов и других людей искусства, чьи работы вызывают ваш интерес?
Их очень много. Про Балларда и де Сада мы уже говорили. "История глаза" Жоржа Батая также напрямую повлияла на меня и мое творчество. Стилем своих первых работ я, пожалуй, обязан Кики Пикассо из радикальной французской комикс-арт группы "Базука Продуксьон". Позже я стал большим поклонником культового японского художника Суэхиро Маруо... Еще моим героем является Роберт Крамб - за его подход к жизни и искусству - так же, как и Энди Уорхол. Среди прочих - Готфрид Хельнвайн, фотографии Джоэла-Питера Уиткина, анимация братьев Квей и Яна Шванкмайера, Дэвид Линч, Ханс Бельмер, Франц фон Байрос и перформансы Рудольфа Шварцкоглера... Музыкантов назвать труднее, поскольку мои музыкальные вкусы все время меняются. В данный момент - Акира Ифукубе и его саундтрек к фильмам о Годзилле.

###

1996 г., журнал "Sewer Cunt"

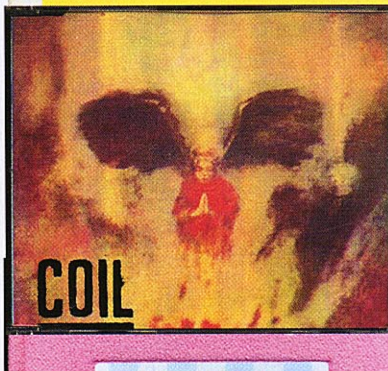
Скучаете ли вы по чему-либо из того, что оставили в Британии?
А по чему там прикажете скучать?! По безденежью, по безразличному правительству, по футбольным хулиганам, по бездельникам-попрошайкам с их вонючими собаками, обсирающими улицы, по цензуре, вырезающей из фильмов все интересное, по викторианской морали, шарахающейся от всего, что несет хоть какой-то оттенок сексуальности, по поездам, никогда не приходящим по графику?... Если мало, то я могу продолжить.

Откуда у вас появился интерес к изображению избиения женщин? И какие отношения были у вас с собственной матерью?
Жаль вас разочаровывать, но нормальные были отношения. Самые обычные. Наверное, вам было бы интереснее спросить про наши отношения с женой? В любом случае, я что-то не припомню, когда я рисовал "избиение женщин". Я вовсе не женоненавистник. По мне, так мужчины значительно более жалкие и беспомощные. Мои интересы - в наслаждении и удовольствии. В моих рисунках царит согласованность причин и следствий - если у девушки под глазом синяк, так это только потому, что ей этого хотелось и чувствует она себя с этим синяком более чем прекрасно! Это просто эстетика, акцентирующая женскую красоту и призванная лишь усиливать чувства влечения и любви.

###

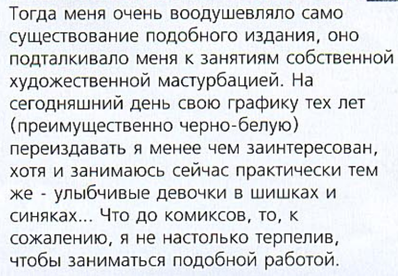
1997 г., журнал "Descent"

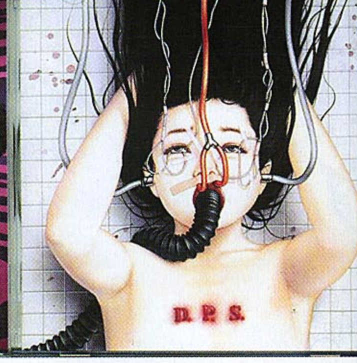
Расскажите о ваших самых первых публикациях для "Force Mental", "R&D Group 28" и "Coup de Grace". Не появлялось ли у вас желание переиздать некоторые свои работы того времени? Коллажи, посвященные Питеру Куртену (т.н. "Дюссельдорфский Вампир", серийный убийца из Германии, казненный в 1931 г. - прим. ред.), и "комиксы" из "Force Mental" по сей день выглядят актуальными и интересными... Вы занимались с тех пор чем-то подобным? Например, комиксами?
Я работал с несколькими фэнзинами во времена бума "индустриальной" музыки в 80-х... Андеграундное издательство "R&D Group 28" первым опубликовало буклеты с фотокопиями моих рисунков. Параллельно они выпускали кучу всякой малотиражной лабуды: фэнзин "Apocalypse A-Go-Go", книжку о Рудольфе Шварцкоглере, записки Чарльза Мэнсона, архивы "Throbbing Gristle". "Apocalypse A-Go-Go" был одним из самых известных и плодотворных фэнзинов того периода, вызывающе скандальным и эпатирующим. На его страницах примитивные панковские коллажи, составленные из пестрых журнальных вырезок, соседствовали с хардкор-порно - естественно, у журнала постоянно возникали проблемы с британскими таможенниками. Тогда меня очень воодушевляло само существование подобного издания, оно подталкивало меня к занятиям собственной художественной мастурбацией. На сегодняшний день свою графику тех лет (преимущественно черно-белую) переиздавать я менее чем заинтересован, хотя и занимаюсь сейчас практически тем же - улыбчивые девочки в шишках и синяках... Что до комиксов, то, к сожалению, я не настолько терпелив, чтобы заниматься подобной работой.

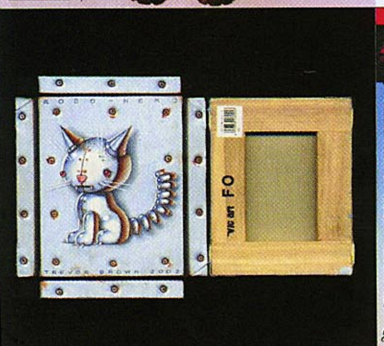
Кто из музыкантов при оформлении своих альбомов первым прибег к вашей помощи?
Самыми первыми были "Coil". Я рисовал обложку к их пластинке "Hellraiser" 1987 года.

Обложка "Hellraiser" с изображением черепа, плавно переходящим в изображение ангела, существенно отличается от всего, что вы обычно рисуете. Это была идея группы или ваша? Вы по-прежнему поддерживаете отношения с "Coil"?
Необычность этой работы заключается в технике, которая мне, в общем-то, не присуща. Насколько я помню, опубликованных работ, сделанных в подобной манере, у меня больше нет. Идея рисунка была моя, но группе она очень понравилась. Я до сих пор помню дословно их реакцию - "inspired and desired"... Джон Бэлэнс позже сильно помог мне в поисках контактов в Японии, но с самими "Coil" я общался очень мало. До сих пор я время от времени отсылаю им письма с новостями о себе, которые, как мне кажется, могли бы быть им интересны, но я отнюдь не уверен, что все это проходит через преграды их менеджмента... Их творчество всегда вызывало у меня глубокое уважение.

###

2002 г., сетевой журнал "Pixelsurgeon",

Вы не раз называли себя "яяпонившимся", но все равно чувствуете себя чужим в этой стране. Прокомментируйте это.
Этот термин я впервые услышал от своего друга, спустя несколько месяцев после переезда сюда. Он относился не столько ко мне,

ВАС ВНИМАТЕЛЬНО СЛУШАЮТ

"Индра, читая мантру, всего лишь один раз поставил не там ударение и - вместо того, чтобы поразить врага, поразил друга..."
(А. Секацкий, "Моги и их могущества")

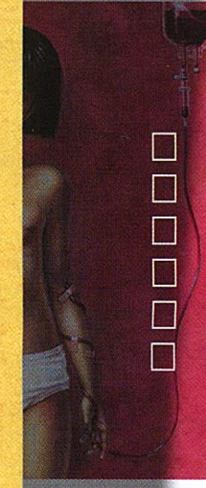
Если вы думаете, что не состоите в тайном обществе, то это ещё не значит, что вы в нём не состоите.
Все мы - большие и маленькие, мужчины и женщины, мёртвые и живые - состоим в тайных обществах. Иногда эти общества насчитывают миллионы людей, иногда - только одного.

Если вы думаете, что не состоите в тайном обществе, то вы в нём уже состоите.
Самая тайная из известных организаций - это Комитет По Спасению Слов, или по-другому - орфоэпики-террористы. Их жертвами становятся те, кто неправильно произносит слова, ошибается в ударениях и пренебрегает языковой нормой. Раз - если орфоэпик-террорист услышит, что ты на работе, на улице, в очереди, на автобусной остановке говоришь вместо "красИвее" - "красивЕе", вместо "так много" - "столько много", вместо "тОрты" - "тортЫ", вместо "овЕн" - "Овен", вместо "кулинАрия" - "кулинарИя", то тебя берут на заметку и за тобой устанавливается слежка. Два - следя за тобой, орфоэпик убеждается, что твоя ошибка не случайна, что ты - злостный нарушитель чистоты логосферы, что в твоей речи "лОмоть" заменил "ломОть", "маркЕтинг" - "мАркетинг", "мелькОм" - "мЕльком", "крЕмень" - "кремЕнь", а "петлЯ" - "пЕтлю". Три - тебе делается первое замечание, а со стороны это выглядит так: незнакомый человек мягко поправляет тебя, когда ты произносишь "намерЕние", а не "намЕрение", "катАлог", а не "каталОг", "ложить", а не "класть", или "покласть", а не "положить", и теперь всё зависит от того, прислушаешься ли ты к голосу разума или нет. Четыре - ты продолжаешь говорить "туфлЯ", "стОляр", "мАляр", "позвОнит", "по срЕдам", "свеклА", "укрАинский", а кто-то (не обязательно тот же самый человек, что и в прошлый раз), уже в более жёсткой форме (иногда орфоэпики позволяют себе использовать насмешку или уничижительную интонацию: при втором предупреждении это считается приемлемым) делает тебе замечание: "тУфля", "столЯр", "малЯр", "позвонИт", "по средАм", "свЁкла", "украИнский". С этой минуты твоя жизнь в твоих руках: третьего предупреждения не будет. Пять - орфоэпик убеждается, что ты неисправим, что ты закоренелый преступник, что ты по-прежнему ударяешь "жАлюзи", когда надо "жалюзИ", "диспАнсер", когда надо "диспансЕр", "сливОвый", "факсимилЕ", "флюорографИя", "фольгА", "щАвель", когда правильно - "жалюзИ", "диспансЕр", "слИвовый", "факсИмиле", "флюорогрАфия", "фОльга", "щавЕль". Всё, ты приговорён.

Лучше быть немым, чем мёртвым.
Вынесенный тебе приговор - это не обязательно смертная казнь, смертная казнь, как известно, - высшая мера. Обычно орфоэпики (у них очень большие связи, очень-очень длинные руки и очень-очень-очень большие возможности) ограничиваются тем, что снимают лингвопреступников с должности, увольняют их с работы, уводят от них жён, устраивают приговорённым публичные разоблачения и обструкции (то есть - закупорки). Вот несколько примеров. Пускай те, кто регулярно, в особо циничной и извращённой форме нарушал языковые нормы, выскажутся сами.
Телеведущий Илья Ноябрёв: "Я вёл на телевидении передачу "Афера" и ни разу не произнёс это слово правильно, всё время - как "афёра". Передача больше не выходит".
Эстрадный певец Филипп Киркоров: "В песне "Хочу тебя сегодня выдумать" я шесть раз употребляю слово "балов?ть" и оба раза ударяю его на первый слог. Эту песню я исполнил на концертах шестьсот двенадцать раз, а сколько её прокрутили по радио и телевидению, и не сосчитаешь. Вы знаете, что сейчас делает со мной пресса".
Ещё один эстрадный певец - Юрий Антонов: "Мы начинали одновременно с Валерой Леонтьевым. Нас ещё постоянно сравнивали друг с другом, и все считали чуть ли не соперниками. Валера успешно выступает до сих пор, а обо мне не слышно. Знаете почему? Помните песню про улочки - "Пройду по Абрикосовой..." и т.д. Так вот, в ней я три раза произношу названия лиц как "Грушёвые", а такого слова нет ни в одном словаре, а есть "ГрУшевые".
Первый и последний президент СССР Михаил Горбачёв: "Восемьдесят прОцентов словей, шо я говорю, я говорю не так, как надо. Ну, вы знаете, шо со мной произошло".

Пушкин дописался, Гагарин долетался, а ты - дотрындишься.
Однако далеко не всегда нарушители норм орфоэпической морали отделывались столь незначительным наказанием,

1997 г., журнал "Descent"

Trevor Brown

страны. Прокомментируйте это.

10-4

порою за свой язык им приходилось отвечать собственной головой. История орфоэпотерроризма насчитывает много веков, и сейчас уже невозможно доподлинно установить, в каких словах допускали ошибки жертвы опричнины, протопоп Аввакум, царевич Дмитрий, императоры Павел, Александр II и Николай II, кронштадтские матросы, тамбовские крестьяне и маршалы Тухачевский, Блюхер и Егоров: возможно, они говорили "феномЕн" вместо "фенОмен", "акушер" вместо "акушёр", "вечЕря" вместо "вЕчеря", "догмАт" вместо "дОгмат" или "мОлох" вместо "молОх", - одно лишь можно сказать с уверенностью: кто нем, как рыба, или следит за своей речью, тот умирает своей смертью и в своей постели.

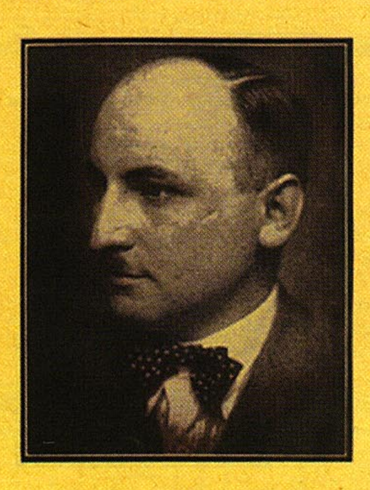
Орфоэпотерроризм существовал всегда, вместе с ним родилась человеческая цивилизация и умрёт тоже вместе с ним. Если бы нам была открыта тайная история человечества, то большинство узловых моментов истории явной были бы кардинально переосмыслены и переписаны: сохранись в неочищенном, не подвергнутом профессиональной литературной обработке речь Сократа, Юлия Цезаря, Клеопатры, может быть, нам и удалось бы найти то слово, что привело их к смерти.

История человечества - это история борьбы с ошибками.

Но не следует думать, что в поле зрения орфоэпиков попадают только персоны, обременённые известностью, - отнюдь нет, жертвой Комитета По Спасению Слов может стать любой человек, вне зависимости от того, прославился ли он на весь мир или о его житье-бытье неизвестно ничего даже соседям по лестничной площадке. Просто публичные люди всегда на виду у толпы, к ним прислушиваются, поэтому человек, пользующийся популярностью, способен нанести своими речевыми ошибками больший вред, чем тот, кто лишён возможности нести своё неверное слово в массы.

По данным орфоэпиков, обычный, непубличный человек своим неправильным произношением заражает за день не больше ста тридцати своих собратьев - коллег по работе, соседей, случайных встречных-поперечных, телефонных собеседников и т.д., а персона, имеющая выход на радио, телевидение, выступающая перед большими аудиториями, способна заразить до десяти тысяч человек в день. Стоит ей произнести "кухОнный", "парАлич", "пиАла", "плАнер", "рАкурс", "симмЕтрия", "тефтЕли", "Умно", "холёный", как назавтра даже те, кто знает норму и всю жизнь говорили "кУхонный", "паралИч", "планёр", "ракУрс", "симметрИя", "тЕфтели", "умнО", "хОленый", автоматически повторят за своим кумиром его ошибку и разнесут бациллу неправильного ударения по своим знакомым и приятелям, те - по своим и так далее по принципу волны. Послезавтра вся страна будет говорить "харИзма", а не "хАризма", "христиАнин", а не "христианИн", "цЕпочка", а не "цепОчка", "анатОм", а не "анАтом", "гАла-концерт", а не "галА-концерт" и "грАффити", а не "граффИти". А послезавтра Академия Наук, что всегда идёт вслед за народом, а не впереди его, руководствуясь соображением, что если все теперь произносят "желчь", "знамЕнье", "икОнопись", "искрА", "кОклюш" и "крапивА", то ничего не поделаешь, надо менять норму, выпустят новый словарь, в котором место слов "жёлчь", "знАменье", "Иконопись", "Искра", "коклЮш", "крапИва" займут их уродливые двойники.

Через пять лет выйдет новый словарь с новыми уродцами, ещё через пять - ещё один с новой порцией чудовищ, и лет через сто наши внуки и правнуки не сумеют прочитать ни одной книги из тех, что сегодня читаем мы, и не поймут ни одной песни, что сложили в наше время: язык наших потомков будет похож на наш так, как наш современный язык - на язык древлян и кривляней.

Таков пафос идеологии орфоэпиков-террористов. А вот ещё данные, которые предоставляет пресс-центр этой организации: пропорция между словарным запасом языка и количеством жителей страны, говорящей на этом языке, в среднем равна тысяче. Это значит, что на каждое слово приходится тысяча человек, или, если хотите: на тысячу человек приходится по одному слову. (Есть необходимость ещё раз подчеркнуть, что данные усреднены: разумеется для англоговорящих стран эта пропорция значительно больше, а для, допустим, ительменов - на порядок ниже). Поэтому, если перед вами встанет вопрос, спасти слово или спасти человека... (тут я опускаю довольно длинный ряд призывов, лозунгов и идеологических демаршей орфоэпиков, чтобы перейти к самому главному).

Вчера кофе был мужского рода, сегодня оно - среднего, завтра будет женского.

Называя себя сдерживающим фактором в современном языковом бескультурье и определяя свои позиции как охранительные, орфоэпотеррористы, кроме изолирования или уничтожения распространителей лингвовирусов, регулярно устраивают месячники по спасению какого-либо конкретного слова, которое 99,9% людей, включая теле- и радиоведущих, произносят неправильно. Мне не удалось выяснить, какие именно слова и каким образом были спасены во время предыдущих акций, но я точно знаю, какому слову будет посвящена следующая, что начнётся 1 октября 2004 года. Это слово "йогУрт", которое ещё ни в одной рекламе не произносилось правильно - с ударением на второй слог. На вопрос, какие санкции будут разработаны и применены орфоэпотеррористами к тем, кто станет коверкать слово месяца, я также не имею ответа, но думаю, что всем нам хотя бы из соображений личной безопасности лучше постараться запомнить, как правильно звучит это слово, постоянно быть начеку и следить за своей речью.

Андрей Краснящих

сколько к моим рисункам - я все больше отворачивался от фетишизма и садо-мазо графики и все чаще рисовал симпатичных кукловидных девочек. Наверное, это происходило потому, что я старался как можно быстрее забыть обо всем, связанном с Англией... Но и теперь, спустя почти 10 лет моего перебывания в Японии, для местных жителей я - турист, навечно обреченный оставаться гайдзином. Если честно, меня это абсолютно не беспокоит. Более того - мне так даже удобнее. Во-первых, я не имею ничего против одиночества и способен благодественновать даже в полной изоляции. Во-вторых, уединение всегда идет на пользу творчеству. Можно сосредоточиться на своих идеях и более тщательно их обдумать. Плюс окружающие, не воспринимающие тебя как "своего", вряд ли будут судить тебя, опираясь на свою систему ценностей (хотя японский подход к морали для меня значительно ближе английского).

Невзирая на то, что многих зрителей ваши картины шокируют, им (картинам) почти всегда присущ своеобразный черный юмор. Создается ощущение, что вам нравится по-своему играть с моральными принципами, декларируемыми обществом. Насколько это так?

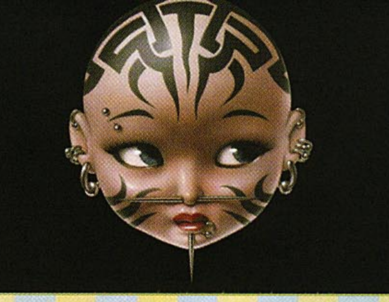
Что ж, довольно правильное замечание... Мне чертовски надоело, когда, говоря о моих работах, "критики" оперируют терминами вроде "sick shit" ("нездоровая ху*ня" - прим. ред.), освобождающими от необходимости малейшей интерпретации. Кстати, обычно такие отзывы носят положительный оттенок, но лично я не вижу в них ничего, более-менее похожего на комплимент. Это всего лишь поверхностный взгляд на мои работы. Конечно, своим творчеством я не преследую никаких великих целей, но если мне удается хоть как-то поколебать глыбы моральных комплексов, я могу считать свою работу выполненной. Мне нравится ставить под вопрос те или иные нравственные запреты, наличие которых, по-моему, демонстрирует лишь несовершенство человека и дефекты общества. Кроме того, когда тебе хочется преподнести табуированную тему как нечто эстетически притягательное, юмор становится для этого прекрасным инструментом, способным расшатать фундамент любого табу.

Насколько жена поддерживает ваше творчество, и как к нему относятся остальные члены вашей семьи?

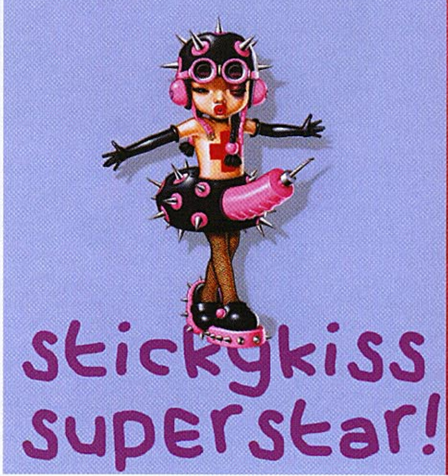
Кономи не столько влияет на мою работу и помогает мне, сколько, наверное, мешает ей - я чувствую себя не в своей тарелке, когда рисую хорошую картину, но заведомо знаю, что моя жена не будет от нее в восторге... Но, в общем-то, это даже идет мне на пользу - она отговаривает меня от рисования вещей, которые в Японии могут быть восприняты как "глупые и бестолковые". А это - залог поведения гайдзина. Он, по мнению японцев, должен заглядывать им в рот и следить за каждым шагом, если, конечно, хочет, чтобы японцы относились к нему пускай и со снисходительной, но благосклонностью. Ха-ха-ха!.. Иногда, когда вдохновение уходит куда-то погулять, мы с Кономи можем сесть вместе, отследить его перемещение и вернуть назад в квартиру. Всем остальным (кроме моей сестры) по большому счету безразлично, чем я занимаюсь. Мои родители счастливы, что я сам зарабатываю деньги и даже участвую в каких-то там выставках...

Насколько Интернет и личный сайт способствуют вашей популярности?

Не смешите меня!

Откуда вы сами узнали о моем существовании?! Вряд ли нашли мои книги в городском универмаге... Важность сайта проекта "Baby Art" - просто жизненная. Я живу на другом конце света, у меня нет агента и никакого другого промоушена. Это же очевидно!

###

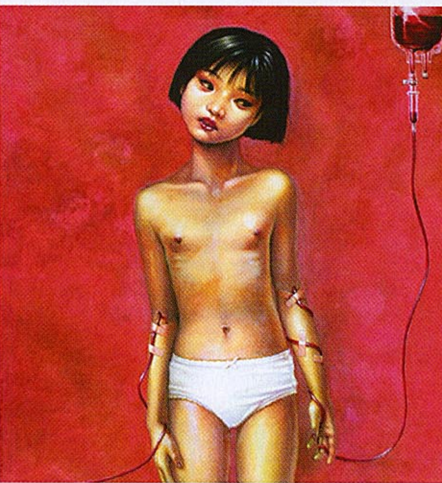
2003 г., французский журнал "Elegy"

Прошло 10 лет с тех пор, как вы сменили место жительства. Что изменилось в вашей жизни?

С творческой точки зрения, это было очень правильным решением. Переехав в Японию, я, простите за банальность, нашел себя как художника. На Западе я безуспешно искал местоприложение для своих идей, а сейчас, в Японии, я чувствую себя очень уютно. Тепло и не дует. Может быть, мне просто повезло, я не знаю... Но хоть я и устроился, как даже не мечтал, моя позиция не менее шаткая, чем 10 лет назад - все время надо искать заказы и самостоятельно продавать уже готовые картины. Так что, по большому счету, не так уж кардинально все изменилось. Хотя я все равно горжусь своим успехом, пусть даже и весьма скромным.

Как вас приняли японские художественные круги? Какой была их первая реакция?

Свой первый год в Японии я с уверенностью могу назвать успешным - мои рисунки публиковались в разных журналах, были заказы и предложения... Японцы любят все новое. Но спустя несколько месяцев, мне начало казаться, что все происходящее превратилось в мелкую и скучную рутину. Никакого развития. Напечатали и забыли. 15 минут славы... К счастью, мои барахтанья в поисках выхода были прерваны появлением заинтересованного издателя, который оказал мне всяческую поддержку и взял на попечение. В то время он как раз начинал выпуск журнала "Too Negative" и с радостью отдавал мне по полдюжины разворотов в каждом номере. Наконец, у меня появился стабильный доход. Потом он организовал художественную галерею, где я не раз выставлялся, а позже, в 1996-м издал мою первую книгу "Evil".

Ваш переезд каким-либо образом решил для вас проблемы с цензурой, не дававшей вам покоя в Европе?

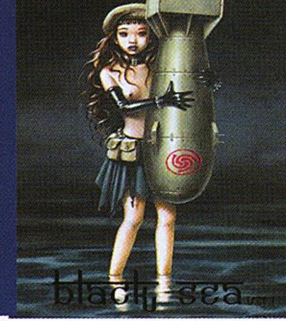
И да, и нет. Здесь у меня появились новые проблемы. В Европе все проще: границы цензуры невнятны и размыты, поэтому буквально все, что как-то связано с сексом, попадает под обстрел. В таких условиях очень трудно работать, особенно если твое творчество напрямую связано с сексуальной тематикой. В Японии все в порядке до тех пор, пока на твоих картинах не начинают фигурировать непосредственно половые органы. Все разрешено, но конкретика под запретом. Что, по большому счету, мне даже по душе: обнаженные гениталии - зрелище не очень эстетичное!.. Ха-ха-ха!..

С середины 80-х ваше творчество претерпело заметную эволюцию. Когда и при каких

обстоятельствах вы начали отходить от садо-мазо тематики, переключившись на образы, связанные с детьми, куклами и т.п.?
Это произошло через несколько месяцев после моего переезда в Японию. Для меня стало очевидным, что садо-мазо живопись - это тупиковый путь. Мой интерес к ней практически себя исчерпал, и я все больше разочаровывался в собственных работах. Также меня достали отдельные грубые и невежественные поклонники такого рода искусства. Да еще и журналы платили за мои картинки сущие гроши. В общем, ситуация была безвыходной, а перспектива возвращения в Британию совершенно не грела ни меня, ни мою жену. Тогда я

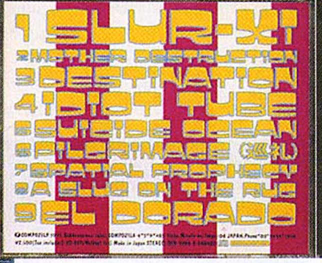

решил попрощаться с миром садо-мазо и начать рисовать милые и радостные вещи. Но глубоко внутри я понимал, что полностью изменить себя мне не удастся. И тогда я подумал, что будет интересно сочетать в своих картинах невинные образы с абсолютно аморальным подтекстом. Тогда-то и началось мое увлечение куколками. В то время это была совершенно неисследованная территория (подчеркиваю, в то время - сейчас, откуда ни возьмись, на ней прописалась целая школа художников!). Частично на меня повлияли рисунки Кономи, моей жены - вместе со всем японским искусством, образы которого я впитывал в себя как губка. Почти одновременно с этим редактор журнала "Too Negative" попросил

меня нарисовать "что-нибудь милое, но мрачное", а другой журнал - "Alice Club", посвященный культуре "лолиток" - предложил регулярно публиковать на его страницах подборки моих картин. Таким образом, мой стиль кардинально изменился чуть ли не за одну ночь.

Жизнь в Японии как-то влияет на темы, которые вы выбираете для своих картин?
Вероятно, влияет - двойственностью самого японского общества. При поверхностном взгляде оно кажется таким опрятным, вежливым, сдержанным, почтительно относящимся к старости, авторитету, мастерству. Но стоит лишь копнуть чуть глубже, сразу становится ясно, что это общество пропитано грязью, насилием, фанатизмом, безумием и всеми возможными извращениями. Мне нравится этот сплав противоположностей. В современной японской культуре также сознательно подчеркивается элемент "kawaii" ("милый, умильный"), и этого влияния тоже сложно избежать.

В одном из своих интервью вы сказали: "В Японии садомазохизм воспринимается иначе, нежели в других странах. Здесь он укоренен в сознании и не считается чем-то из ряда вон выходящим". Как вы можете объяснить эту разницу между культурами?
Вот хоть убей, не могу этого объяснить! В другом интервью я предположил, что все сводится к принципу "work hard, play hard" ("мы славно поработали и славно отдохнем"). Не знаю уж, карма это или физика, или еще что-то, но на каждое действие есть равное ему противодействие. Японцам нужен клапан, чтобы сбрасывать давление после того, как им приходится целый день подчиняться строгим правилам. В Японии пьяный после работы служащий - это скорее объект уважения, а не осуждения. В каком-то смысле, весь комплекс садомазо-отношений - это такой сильно преувеличенный аналог повседневной жизни, где всегда существуют субординация, иерархия и табель о рангах. Между прочим, в последние годы, когда японское общество все больше ориентируется на Запад, отношение к таким вещам, как SM, меняется - они перестают быть столь общепринятыми, их начинают стыдиться.

Ваши рисунки часто сравнивают с работами Романа Слокомбе и Нобуёси Араки, особенно если дело касается связывания и медицинских нюансов. Марк Райден тоже часто использует тактику "двусмысленной невинности". Кого из художников или других артистов вы можете назвать близкими вам по духу?
Я еще в 1999 г. говорил в одном интервью, что восхищаюсь картинами Райдена, а он тогда был практически никому не известен. Конечно, сегодня трудно найти людей, не знающих его имени (см. НАШ, № 4/2002 - прим. ред.). Сравнения, проводимые между нами, неизбежны, и я не могу сказать, хорошо это или плохо. Наши стили развивались совершенно независимо друг от друга, но я боюсь, что теперь, когда Марк стал так популярен, те, кто увидят мои картины впервые, могут решить, что я сознательно копирую или даже пародирую его живопись. С другой стороны, учитывая то, что многие мои поклонники вышли на меня через Марка, мне очень даже на руку "покататься" на его популярности! В Европе и особенно в Америке артистическая прослойка - как соседи по району. Каждый знает каждого, и информация распространяется благодаря этому очень быстро и широко. Но все равно получается, что я стою обособленно. И дело не столько в творчестве, сколько в месте жительства.

Что касается японского художественного мира, то здесь этот номер вряд ли пройдет - Ёситомо Нара, Такаси Мураками (см. № 4/2001 - прим. ред.) и Макото Аида на много порядков выше меня... Ниже них - сплошная манга. Среднего класса здесь нет. Мне трудно назвать кого-либо из художников моего уровня, близких мне по духу. Я сам по себе.

Какие у вас отношения с анимацией? Особенно, учитывая ваше место жительства...
В обозримом будущем никаких отношений не предвидится. На сегодня для меня чересчур амбициозно думать об этом. Но в глубине души я лелею надежды, что однажды какая-нибудь студия обратится ко мне с предложением о сотрудничестве. Один раз это уже было - парочка независимых кинематографистов хотели анимировать одну из моих картин. Но через 2 года постоянных распросов о том, как продвигается этот проект, я окончательно сдался. Больше я этих ребят не видел...
Я люблю мультипликацию. Особенно пластилиновую, стоп-моушен и кукольную. Мне нравятся нестандартные подходы в духе Шванкмайера... Но здесь - царство анимэ, а я не могу назвать себя его большим поклонником.

###

2002 г., анкета греческого журнала "Oxy"

Себя я описал бы как скучающего, разочарованного, уставшего, неудовлетворенного, раздраженного, сексуально несчастного и извращенного, безродного, трудного, депрессивного, невпечатлительного, непонятого, ни на что не претендующего, оригинального, ленивого, резкого, старого, застенчивого, обидчивого, неуверенного, понятливого, искреннего и просто лапочку... Еще я атеист, агностик, антагонист, эгоист, нигилист, пацифист, пессимист и садист.
Я переехал в Японию, потому что здесь девушки посимпатичней.
Я рисую перекошенные детские лица, потому что 1 - вы так сказали, 2 - это перекашивает сознание зрителей.
Термин "андеграунд" значит для меня довольно мало. Я устал от этого. В определенном понимании титул "андеграундного художника" работает на пользу, характеризуя твое творчество, как что-то непонятное и труднодоступное для понимания обычных людей, элитарное, богемное и просто крутое... Но мне это просто не нужно, у меня более серьезные цели. Мое творчество можно назвать бескомпромиссным, но некоммерческим нельзя. А теми идиотами, что определяют рамки "андеграундности" и раздувают мифы о "великолепии субкультуры" (заранее, кстати, обреченной на провал), любые попытки достичь более широкой популярности воспринимаются как чистейшей воды богохульство.
Мое творчество оскорбительно для тех, кто этого сам захочет. Мне мои рисунки "оскорбительными" вовсе не кажутся. Они просто необычные - это заставляет людей задуматься и анализировать. А это не очень-то вредно, не так ли? В моих работах нет никакого злого умысла или плохих намерений.
Неужели вообще возможно нарисовать что-либо, что сможет физически спровоцировать что-то злое и отвратительное?!
И, наконец, ваше пожелание нашим читателям - улыбайтесь!
sm:)le

от абортов погибают более 3 000 000 детей в год

Eugen Buzuk <buz@belightsoft.com>
http://music.lib.ru/b/baz_klada_shuma

УЗЛЫ

рассказ

- Ну, Вовчик, как обычно, сколько слопаешь узлов, - последовала значительная пауза, - столько будет стаканов, - радостно и хитро упреждает Макс.
Дело делается под фонарем во дворе, на детской площадке, когда детей уже развели по домам. Вовчик привычно становится на колени, а Макс клоунским, искривленным жестом выхватывает из кармана веревку с повторяющимися узлами. Издали она напоминает декоративное украшение, плетение или тонкий бамбук, а вблизи это обувные шнурки, связанные друг с другом. Клоун Макс демонстрирует их зрителю, то есть мне, следящему за представлением. Я оседлал стальную детскую черепаху. Между тем Вовчик, стоя перед Максимом в подобострастной позе на коленях, уже открыл рот. Макс кладет туда конец своей веревки и ждёт. Не используя рук, Вовчик начинает втягивать шнур в себя, доходит до первого узла и, не без усилия, его глотает. Продолжает есть - втягивать в себя шнур. Опять останавливается. Новый узелок. Кадык подпрыгивает у него под кожей. Помогая себе, он согласно кивает головой и по лицу видно - запросто сейчас срыгнет. Но Макс сурово стоит над ним и держит в руке шнуровку, уходящую в пасть несчастного, как настоящий хозяин держит собачий поводок. Дальше узлы идут чаще, и Вовчик, кажется, к ним приноравливается. Глотая, страдалец только приподнимает бровь, пытаясь как бы скорее понять это затруднение внутри себя. Поводок в руке Макса натягивается. Становится всё короче. До конца остается всего четыре узловых глотка, но Вовчик устал и дает рукой отмашку.
- Всё? - недовольно спрашивает Макс.
Коленопреклоненный страдалец молчит, соглашаясь.
- Наглотался, - уже добрее поясняет Макс мне как зрителю.
- Ну держись, Вова.
Живодерским рывком, резко, он тащит свой инструмент назад, выкручивает обратно, по-хозяйски наматывая на кулак. Вова клонится вперёд, машет руками, как птенец, и клокочет. При выходе наружу каждого узла слышен звук неудачного поцелуя или вылетающей пробки. Завершая церемонию, Макс, жрец культа, поднимает над головой слюняво-глянцевый шнур, только что побывавший в желудке и пищеводе Вовчика. Извлеченное сверкает в свете фонаря и немного капризно загибается, как живое. Облегченный Вовчик встает, его счастливое лицо влажно от слёз, соплей, слюней.
- Ну, сегодня шесть штучек, - по-отцовски говорит Макс, с удовольствием глядя на глянцевые узлы.
- Бывает и поболее, - сообщает он мне. Обнимаются. Вылитые тренер и чемпион после хорошего результата. Вовчик ладонью чистит лицо, а Макс отряхивает ему брюки. Мы, трое, покидаем двор. Шнур в прежнем кармане на прежнем месте. Подходим к ларькам, где Макс, просунувшись в окошечко, покупает водку и пластиковый стаканчик. Вовчик заслужил шесть таких доз. Что останется - Максу. Да и шнурок пора бы протравить от микробов. А я всё равно не пью.

Алексей Цветков

ТАВАРИЩ ~~БУЛ~~ БУТЬ ОСТАРОЖЖИНЪ!

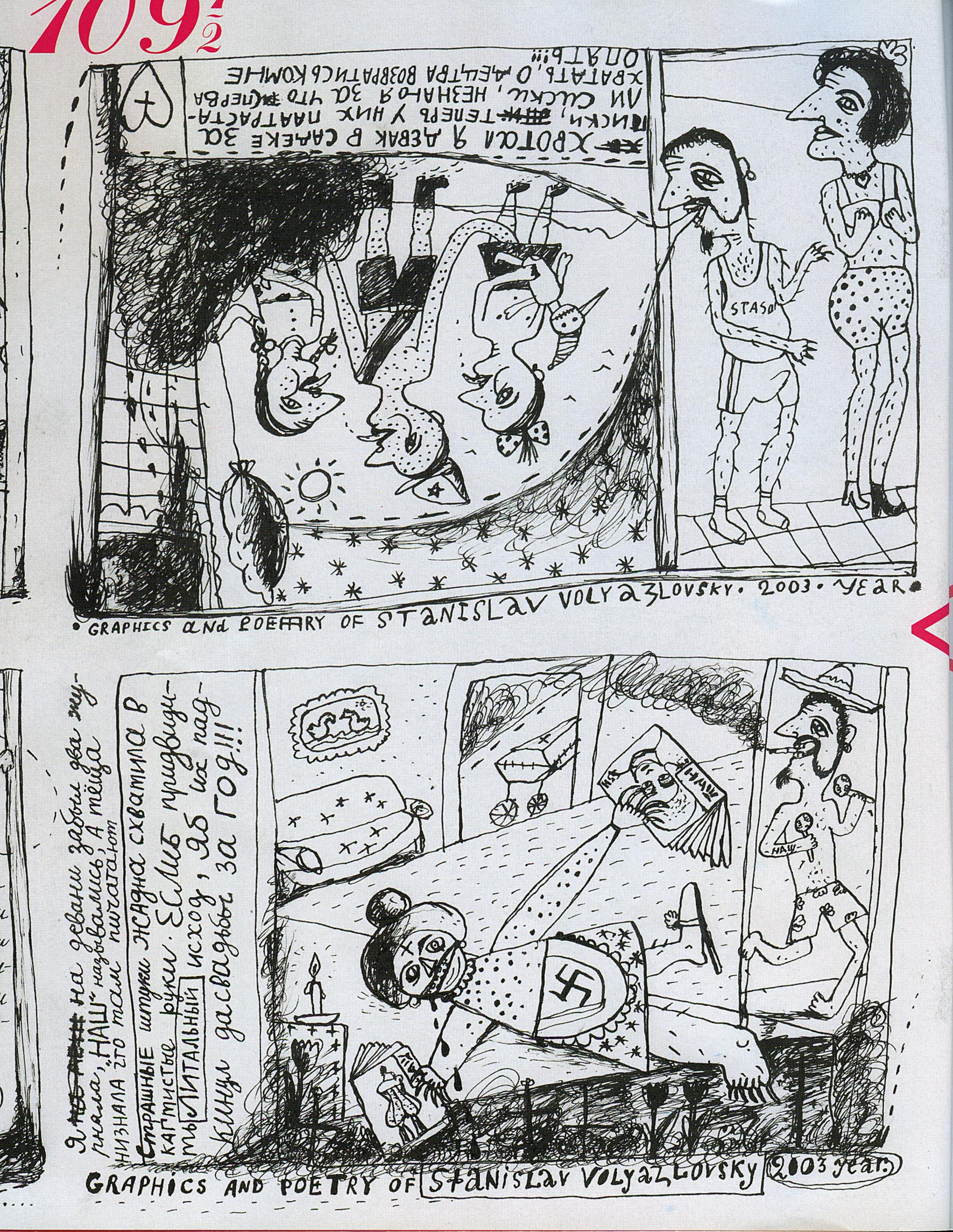
СИВОДЬНЯ ТЫ ЧЕТАЕШ НАШ

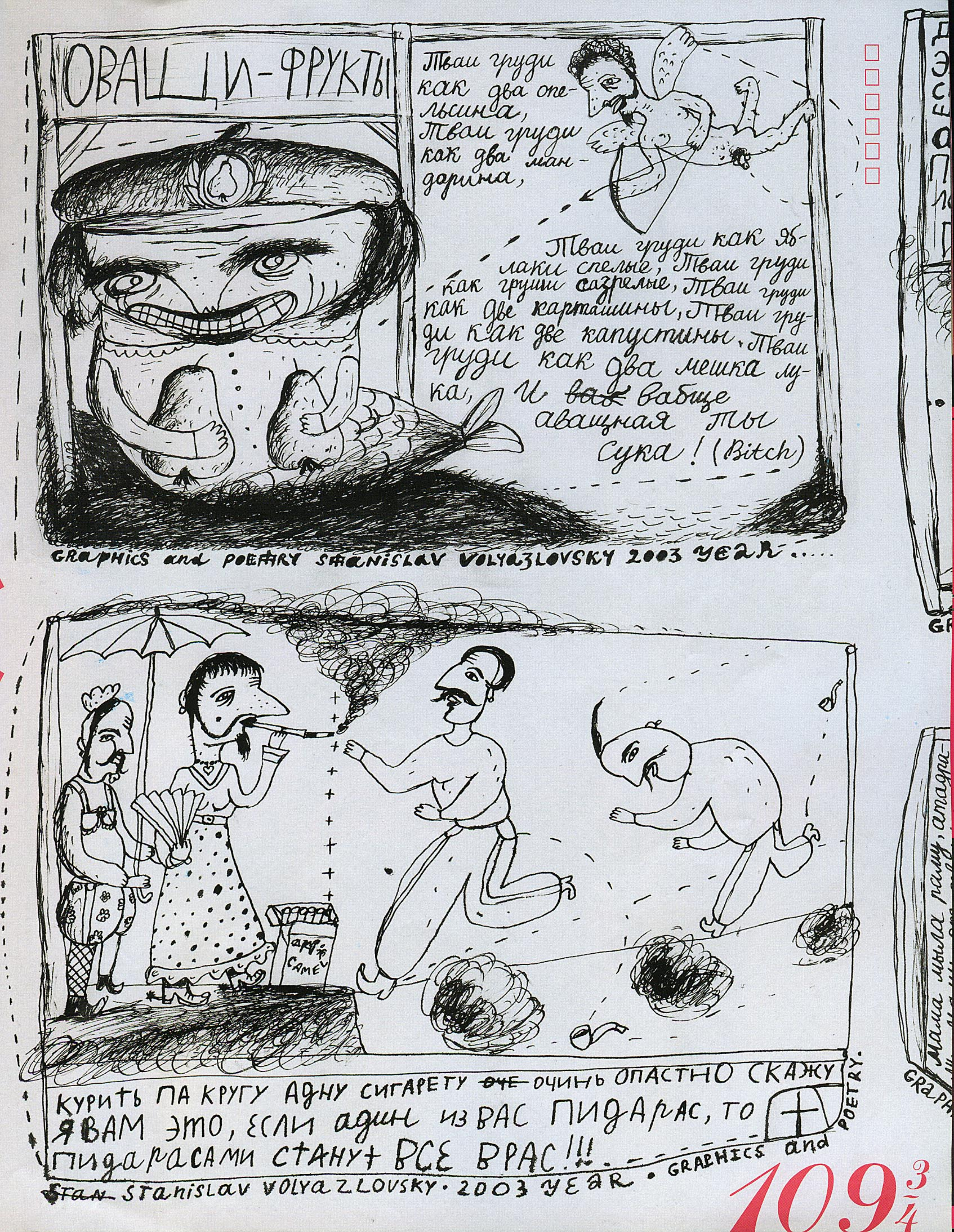
OPLOCHENO

ПАДПИСКА НА НАШ

А ЗАВТРО РОДИНУ ПРОДАШ А

GRAPHICS and POETRY OF STANISLAV VOLYAZLOVSKY 2003 year.

Хротал я девак в садеке за
писки, теперъ у них паатрастали
сиски, незнаю я за что перва
хватать, о децтва возвратись комне
опять!!!
STASO
GRAPHICS and POETTRY OF STANISLAV VOLYAZLOVSKY. 2003. YEAR
Я на девани забыли два журнала „НАШ" назывались, А тёща
низнала что там пичатают
Страшные штуки жадна схватила в
кагтистые руки. Если б придвидить Литальный исход, заб их падкинул дасвадьбы за год!!!
НАШ
GRAPHICS AND POETRY OF STANISLAV VOLYAZLOVSKY 2003 year.

ОВАЩ ЦИ-ФРУКТЫ
Тваи груди как два апельсина, Тваи груди как два мандарина,
Тваи груди как яблаки спелые, Тваи груди как груши сазрелые, Тваи груди как две картошины, Тваи груди как две капустины. Тваи груди как два мешка лука, и вабще аващная ты сука! (Bitch)
GRAPHICS and POETRY STANISLAV VOLYAZLOVSKY 2003 YEAR.....
CAMEL
КУРИТЬ ПА КРУГУ АДНУ СИГАРЕТУ ОЧИНЬ ОПАСТНО СКАЖУ Я ВАМ ЭТО, ЕСЛИ АДИН ИЗ ВАС ПИДАРАС, ТО ПИДАРАСАМИ СТАНУТ ВСЕ ВРАС!!!
STANISLAV VOLYAZLOVSKY · 2003 YEAR · GRAPHICS and POETRY.

ДЕДУШКА ЭКСТАЗИ СЬЕЛ НА ТА-ЩАК, ДВАЦ-АТЬ ЧАСОВ ПРАДАЛЖА-ЛСЯ ГАПАК!
GRAPHICS AND POETRY OF STANISLAV VOLYAZLOVSKY. 2003 YEAR.
Мама мыла раму, атадра-ли Маму от асвальта ва дваре на патеху детваре.
АСПИРИН
GRAPHICS AND POETRY OF STANISLAV VOLYAZLOVSKY. 2003. YEAR.
ровно

Обзоры сентября

вверху справа: фото человека, каждый раз видящего во сне белый хлопок<kodak67@mail.ru>
внизу справа: фото pozitiv vibration <newdjorrrj@ua.fm>
внизу слева: фото саши джантимирова

Книжки:

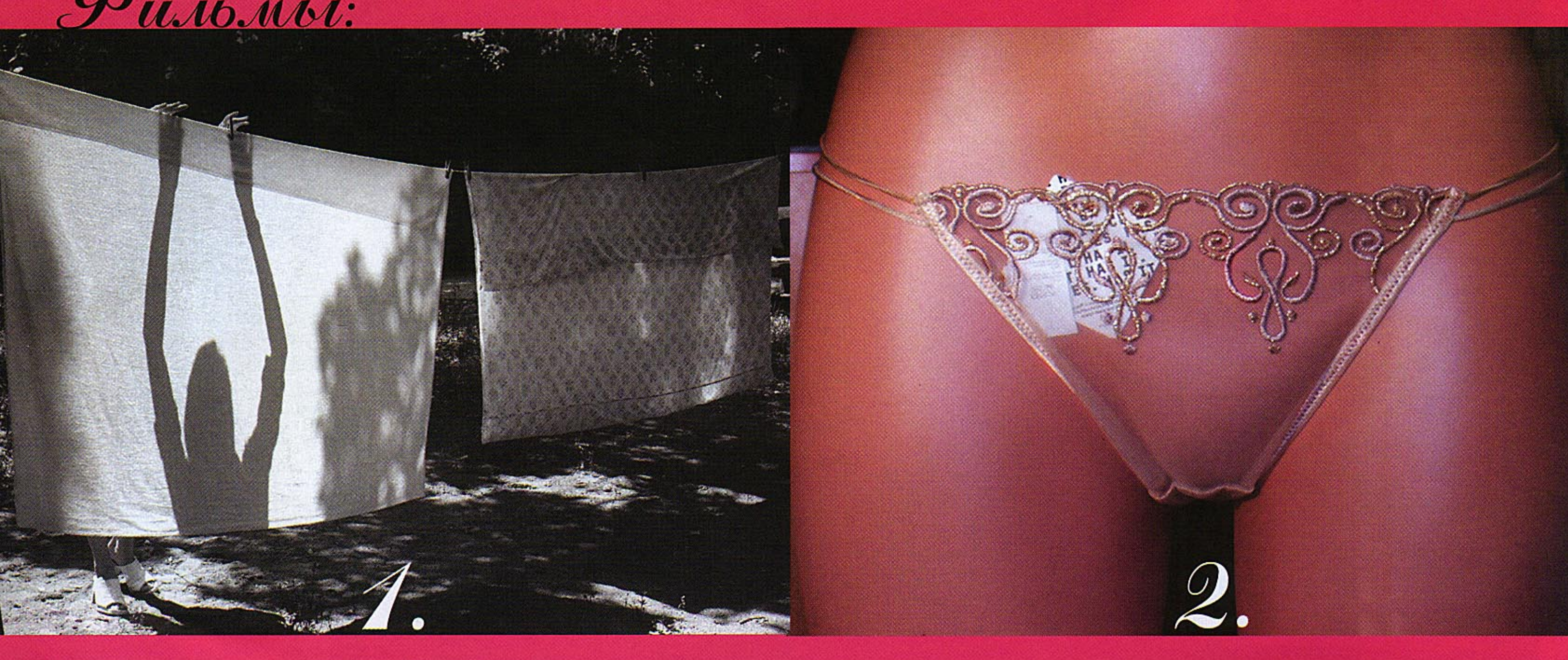

1.

2.

Фильмы:

1.

2.

It's stri

yegor kovalcuk,<kaljaki_maljaki@t-online.de>

slogg
ng time!
Mai!

внутри этого номера:

Áëàãîäàðèì çà ïîìîùü â ïîäãîòîâêå íîìåðà (â áåñïîðÿäêå) Åãîðà Êîâàëü÷óêà, Þðèÿ Áàçàðåíêî, Äèìó Ìèíÿéëî, Àëåêñàíäðà Ìèëüøòåéíà, Àëåêñåÿ Öâåòêîâà, Íèêîëàÿ Òðîõà, Àäîëüôû÷à, Äìèòðèÿ Äåñÿòåðèêà, ÀËÞÌÈÍÈÅÂÛÉ ÎÃÓÐÅÖ, Äèìó Ïðèáûòüêî, Áðýêà, Ëèëþ, ñòðîèòåëåé êðûøè è òàðàêàíîâ, Æåíþ Áåëåíòüåâà, Àëåêñàíäðà Êàäíèêîâà, ãîðîä Ãóðçóô, ìàëü÷èêà Èëüþ, ÒÎÒÅÌ, ÏÎÑÒÊÀÐÄ, õóäîæíèêà Âîëÿçëîâñêîãî è æåíó åãî è äåòåé è âíóêîâ åãî äî ñåìíàäöàòîãî êîëåíà, ïèñàòåëÿ Ëèìîíîâà, äàé Áîã åìó íà ñòàðîñòè óìà è çäîðîâüÿ, æèòåëåé Êðûìà, íàêîíåö-òî íà÷àâøèõ óáîðêó ìóñîðà, ãðóïïó ÕÀÌÅÐÌÀÍ ÇÍÈÙÓÅ ÂÈÐÓÑÛ è Âîâó Ìàõîëþêà, ÂÈÀ ÏÅÑÍßÐÛ, ôåñòèâàëè ÐÅÉÂÀÕ è ÊÀÇÀÍÒÈÏ, äîáðîãî ñòîðîæà Êðûìñêîé ÀÝÑ, Îëåãà Äîëåíêî, Ãåííàäèÿ ×åðíåãó, êàíäèäàòîâ â ïðåçèäåíòû âñåõ ñòðàí, òåððîðèñòîâ è àíòèòåððîðèñòîâ, çâåçäó ÿïîíñêîãî ïîðíî Âàêàíó Èòóêè, Áíäðåÿ è Êñþøó ñ-ïîä Ôîðîñà, ïðåçèäåíòà Íàçàðáàåâà çà ïðåäîñòàâëåííîå ìåñòî äëÿ ïîñàäêè, äîëãîæèòåëåé ãîðîäà Áàëàêëàâû, Ýðèêà, Ñâåòêó-êëåïòîìàíêó, è ìíîãèõ äðóãèõ õîðîøèõ ëþäåé. Ñïàñèáî âñåì ÷èòàòåëÿì æóðíàëà.

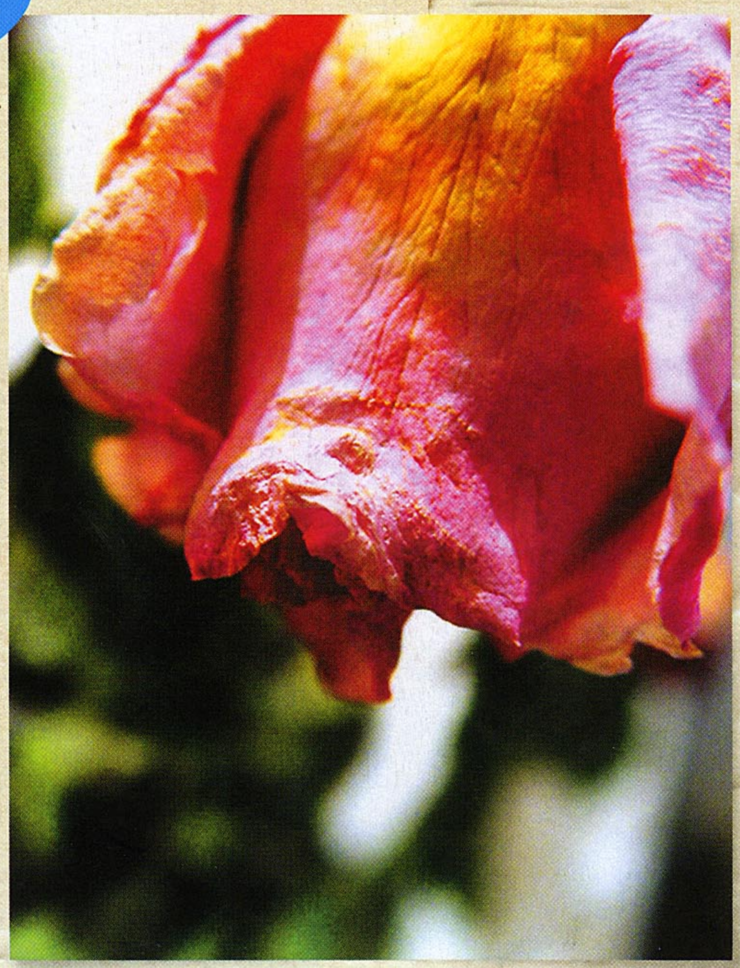
<kaljaki_maljaki@t-online.de>

yegor kovalcuk,<kaljaki_maljaki@t-online.de>

фото:владимир золин<www.zolin.us>ICQ#34368687

inside

Коллекцыя

фото:геннадий чернега<belega@rambler.ru>